



ИСТОРІЯ

13-го

Лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПОЛКА.

—
Составилъ



ЭТОГО-ЖЕ ПОЛКА.

Штабсъ-капитанъ Шабановъ.

—
Въ Типографіи окружнаго штаба кавказскаго военнаго округа.

—
Тифлисъ.

1871 г.



ИСТОРІЯ

Лейбъ - гренaдерскаго Эриванскаго

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

полка.

—
Составилъ

ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО ПОЛКА

Штабс-капитанъ Шабановъ.

—
Въ Типографіи окружнаго штаба кавказскаго военнаго округа.

—
Тифлисъ.

1871 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРИЮ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,
ШЕФУ
ЛЕЙВЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО ПОЛКА.

Всеподданнѣйше посвящаетъ

Авторъ.

ЧАСТЬ II-я.

**ОТЪ СФОРМИРОВАНИЯ ПОЛКА ДО ЕГО ПРИБЫ-
ТІЯ ВЪ МАНГЛІСЪ.**

1825—1853

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 14-го апрѣля, 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА VIII. Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы. Численность полка и расположеніе частей его передъ войною. Участіе въ первыхъ дѣлахъ. Муравьевъ. Елисаветпольское сраженіе. Бивуакъ при р. Черакень. Битва на Алагезѣ. Роспускъ войскъ на зимніе квартиры. Участіе 1-го баталіона въ зимней экспедиціи генерала Мадатова за Араксъ.	1
ГЛАВА IX. Приготовленіе карабинеръ къ новому походу. Трудное движеніе 2-го баталіона къ Эривани. Благодарность. Блокада Эривани. Нападеніе штабсъ-капитана Колпинскаго на персовъ. Вылазка изъ крѣп. Эривани на пикетъ поручика Петрова. Движеніе 1-го баталіона. Взятіе крѣпости Аббасъ-Абада. Дѣло 5-го іюля. Лагерь на Карабаба. Взятіе Сардаръ-Абада и Эривани. Движеніе къ Тавризу. Полкъ названъ Эриванскимъ карабинернымъ. Эриванцы спаслись отъ пороховаго взрыва въ Уджанѣ. Движеніе къ Міану. Миръ съ Персією. Награды.	18
ГЛАВА X. Манифестъ о войнѣ. Прибытіе полка изъ Персіи. Приготовленіе къ новому походу. Разработка дорогъ. Движеніе къ Карсу. Блокада Карса. 20-го іюня эриванцы берутъ турецкій окопъ. Штурмъ Карса. Чума. Движеніе къ Ахалциху. Дѣло 9-го августа. Отличія Кашутина и другихъ. Участіе полка въ штурмѣ Ахалциха. Капитанъ Ротмистровъ съ 4-ю ротою беретъ батарею. Зимнія квартиры.	37
ГЛАВА XI. Положеніе воюющихъ сторонъ. Дѣйствіе маіора Клюки со вторымъ баталіономъ близъ шаушетскаго лѣса. Движеніе къ Арзеруму—битвы 17, 19 и 20 іюня; взятіе Арзерума. Полкъ 29 іюня празднуетъ полковой праздникъ въ	

II

Стран.

столицѣ Анатоліи. 1-я карабинерная рота въ отрядѣ Бурцева. Неудачное дѣло при селеніи Хартъ. Движеніе къ Сивазу. Штурмъ Байбурта. Окончаніе войны. Полкъ получаетъ серебряныя трубы. 67

ГЛАВА XII. Движеніе полка въ Джаро-Обълоканскую область. Дѣйствія Стрѣкалова. Неудачное Закавказское дѣло, гдѣ полкъ потерялъ $\frac{1}{4}$ часть людей. Духъ полка. Взятіе Закавказья. Движеніе въ Табасаранъ. Штурмъ сел. Ерпипи и Чиркей. 3-й баталіонъ въ Чечнѣ—туда-же двинуты 1-й и 2-й баталіоны. Погромъ Чечни. Движеніе къ Гимрамъ. Штурмъ и взятіе этого аула. 85

ГЛАВА XIII. Приведеніе полка въ 1834 году въ 4-хъ баталіонный составъ, съ присоединеніемъ къ полку 2-го баталіона херсонцевъ. Устройство черноморской береговой линіи. Участіе первыхъ двухъ баталіоновъ въ походѣ 1834 года за рѣку Кубань. Движеніе оттуда баталіоновъ обратно и разработка имеретинской дороги съ 1835 по 1838 годъ. Прибытіе покойнаго государя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ Тифлисъ. Императорскій смотръ баталіонамъ въ разныхъ мѣстахъ. Участіе полка въ 1838 году при взятіи Сочи. Эриванцы спасаютъ экипажъ съ фрегата «Варна» и корвета «Менсеврія». Устройство укр. Сочи. Перестрѣлки. Движеніе въ Манглисъ. 116

ГЛАВА XIV. Шамиль. 3-й баталіонъ въ отрядѣ генерала Симборскаго на горѣ Салаватъ въ 1839 году. Бѣдствія, здѣсь испытанныя баталіономъ. Участіе 1-го баталіона въ перестрѣлкахъ съ чеченцами въ 1840 году. Движеніе въ Гурію. Третій баталіонъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго участвуетъ въ 1842 году при взятіи сел. Кюмоли и перестрѣлкахъ. Успѣхъ Шамиля въ 1843 году. 134

ГЛАВА XV. Полковникъ Бельгардъ. Участіе 3-го батал. при взятіи Елпсу. Дѣйствія поруч. кн. Тарханова на горѣ Колобъ-росѣ. Смерть подполк. кн. Гурамова. Битвы въ 1845 году—Рогно-орская и Мало-роская. Движеніе и штурмъ горы

III

Страниц.

Гекъ-пардиванъ (небесная лѣстница). Наступленіе въ Дидо и
взятіе приступомъ аула Кидоро. Отступленіе. Награды. . . . 152

ГЛАВА XVI. Походъ 2-го батал. въ Чечню въ 1846 г.
и постройка ачхоевскаго укрѣпл. Участіе 1-го батал. въ
1847 году подъ Гергибелемъ. Перекатное отступленіе отъ
Гергибея. Блокада аула Салты. Отличіе поручика Прокопо-
вича. Штурмъ и паденіе Салты. Бельгардъ съ 3-мъ батал.
въ лезгинскихъ горахъ. Взятіе аула Бехельды. Лезгинскіе
походы 1848 и 1849 годовъ. 173

ГЛАВА XVII. Движеніе частей полка въ Осетію и на
лезгинскую линію. Благодарность 3-му баталіону за переходъ
въ самурское ущелье. Последнія дѣйствія эриванцевъ подъ
начальствомъ Бельгарда. Шаликовъ разбиваетъ партію Мель-
кума. Первый баталіонъ представляется въ Тифлисъ на смотръ
наслѣднику престола АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. Полкъ
названъ именемъ цесаревича. Боевыя дѣйствія полка съ 1851
года до начала турецкой войны. 191



ДѢЙСТВІЯ ПОЛКА ВЪ ПЕРСИДСКУЮ ВОЙНУ.

1826—1828.

ГЛАВА VIII.

Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы. Численность полка и расположе-
ніе частей его передъ войною. Участіе въ первыхъ дѣлахъ. Муравьевъ.
Елисаветпольское сраженіе. Вивуакъ при р. Черакень. Битва на Ала-
гезѣ. Роспускъ войскъ на зимнія квартиры. Участіе 1-го баталіона въ
зимней экспедиціи генерала Мадатова за Араксъ.

Персидскій шахъ, недовольный гюлистанскимъ тракта-
томъ, подстрекаемый англійскимъ золотомъ (*) и своими вель-
можами, тайно сталъ разсылать возмутительныя грамоты и
своихъ агентовъ въ подвластныя намъ мусульманскія провин-
ціи въ Закавказьи. Бывшіе владѣтельные татарскіе ханы, по-
коренные нами, были недовольны русскою администраціею; они,
обольщаемые надеждою возвратить утраченную независимость
и прежнія свои владѣнія, съ удовольствіемъ приняли сторону

(*) Тифлис. арх., дѣло по генер. штабу, № 3, 1826 г.

Отчего война возгорѣлась: 1) ость-индійская кампанія, платившая персидскому двору
въ годъ 800,000 р. с., чрезъ посла требовала отъ Персіи войны съ Россіею—въ противномъ
случаѣ отказывала въ платѣ.

2) Отреченіе Вел. Кн. Константина Павловича отъ престола Россіи они приняли
за междоусобную войну.

3) Аббасъ-Мирза, наследникъ персидскаго трона, создалъ регулярную армию, вообра-
жалъ покорить весь закавказскій край, срагивая себя съ Тамерланомъ и Шахъ-надиромъ.

и 4) Первенствующій министръ Алаиръ-ханъ, желая изъ войны извлечь свои выгоды,
болѣе всѣхъ способствовалъ къ разрыву мира.

шаха. Въ это время большая часть кавказской арміи, подъ командою генерала Ермолова, находилась въ Чечнѣ. Персіане вѣроломно, не смотря на неоконченныя еще переговоры, «прервали миръ, когда со стороны нашей были употреблены всѣ средства продолжать доброе согласіе и когда генераль князь Меншиковъ велъ переговоры о границѣ, находясь въ Персіи и самимъ шахомъ былъ принятъ благосклонно» (*). Прежде объявленія разрыва они внезапно вторгнулись въ наши предѣлы и стали грабить беззащитныхъ жителей. Аббасъ-Мирза съ большею частію своихъ полчищъ вступилъ въ Карабахъ и окружилъ Шупу, защищаемую полковникомъ Реутомъ съ 5 ротами 42-го егерскаго полка при 4-хъ орудіяхъ. Со стороны Эривани вторгся Гасанъ-ханъ—братъ сардаря эриванскаго—и въ одно и то-же время, 16 іюля, атаковалъ три главныхъ пункта: неоконченное укрѣпленіе Миракъ въ Шурагелѣ, постройкою котораго занималась 3-я рота 7-го карабинернаго полка, — малый Караклисъ и Гамзачеманскій постъ.

При открытіи военныхъ дѣйствій, полкъ, въ наличномъ составѣ 3113 человекъ (**), расположенъ былъ такимъ образомъ: 1-й баталіонъ и 3 роты 2 баталіона находились въ Тифлисѣ, 7-я и 8 роты—въ Манглисѣ, 5-я въ крѣпости Цалѣ, 3 рота, какъ выше сказано, въ Миракѣ, а 9-я егерская—въ Амамлахъ. Изъ этой послѣдней команда въ 120 чел. занимала постъ въ Бекантѣ. Кромѣ двухъ ротъ карабинернаго полка, на границѣ съ Персіею были расположены неболь-

(*) Приказъ по корпусу, отъ 26 іюля, 1826 года, № 23-й.

(**) Полк. арх. Строевой рапортъ, отъ 29 іюля, 1826 г.

С о с т а в ъ.	Штабъ-офицер.	Оберъ-офицер.	Унтеръ-офицер.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Всего.
На лицо.	5	32	232	96	2708	3113
Недостають.	•	•	9	3	375	387
Больныхъ.	В	с	е	г	о.	202
Итого	•	•	•	•	•	3902

шими частями восемь ротъ Тифлисскаго полка, такъ что пространство, занимаемое частями 10-ти ротъ, простиралось въ длину на 112 верстъ—отъ озера Гокчи до Гумръ, а въ глубину отъ Мирака до Гергеръ—70 верстъ (*). Начальникъ этихъ пограничныхъ войскъ, въ то время былъ командиръ Тифлисскаго полка, полковникъ князь Севарсемидзе.

Генераль Ермоловъ, какъ только узналъ о вторженіи персіянъ въ наши предѣлы, тотчасъ пріѣхалъ изъ Чечни въ Грузію и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: полковнику Севарсемидзе приказалъ оставить Гумры, Бекантъ, Амамлы, Миракъ и, соединивъ совершенно раздробленныя силы, отступить за каменную рѣчку; полковнику Муравьеву, командиру 7-го карабинернаго полка, далъ два предписанія отъ 19 іюля (**):

Первое. «Соберите тотчасъ сколько возможно войскъ и употребите всѣ усилія освободить посты, которые обложены непріателемъ. При вашей заботливости и дѣятельности, я полагаю на васъ, что вы съумѣете противопоставить вашъ полкъ превосходству силъ непріателя».

Второе предписаніе говорило: «Двумъ ротамъ 2-й карабинерн. и 8 егерской, спущеннымъ съ тифлисскихъ работъ, не менѣе какъ въ 250 штыковъ въ ротъ, прикажите немедленно двигаться на Бѣлый-ключъ, подъ командою маіора Кашутина, гдѣ онъ пусть присоединитъ двѣ роты 41-го егерскаго полка, и форсированнымъ маршемъ слѣдуетъ къ каменной рѣчкѣ» (**).

(*) Расположен. пограничн. войскъ:

Въ Бекантѣ	—	420	чел.	карабинерн.	полка	при	4	оруд.
— Гумрахъ	—	700	—	караб.	и	тифл.	—	2 —
— Амамлахъ	—	200	—	карабинернаго	—	п	—	1 —
— Гергерахъ	—	75	—	тифлисскаго	—			
— Жел.-оглы	—	60	—	тифлисскаго	—	и	4	оруд.
— Балыхъ-чаъ	—	300	—	тифлисскаго	—	п	2	—

Всего 1435 чел. и 7 орудій.

(**) Полк. арх. 19 іюля, 1826 г., № 3-й вход. журн.

(***) Полк. арх. Вход. жур., предпис. Ермолова, отъ 22 іюля, 1826 г., № 170.

Главкомандующій возлагаетъ это порученіе прямо на маіора Капутина, потому что зналъ его лично какъ штабъ-офицера боевого, прославившагося еще въ кабардинской экспедиціи своимъ мужествомъ и своею распорядительностію.

Капутинъ вполне оправдалъ довѣріе главкомандующаго. Онъ днемъ и ночью, оставивъ на дорогѣ обозъ, двигался на выручку осажденнымъ карабинерамъ и тифлисамъ въ Гумрахъ.

Сверхъ того, предписывалось завѣдующему штабъ-квартирою полка, подполковнику Гладкому-Сацкому, собрать и отправить въ походъ всѣхъ людей, находящихся при ротномъ и полковомъ хсзайствѣ, кромѣ женатой роты, на которую возлагалась оборона штабъ-квартиры (*).

Вмѣстѣ съ этимъ генераль Ермоловъ послалъ три письма полковнику Реуту, чтобъ онъ «до послѣдняго солдата» защищалъ крѣпость Шушу (**).

Между тѣмъ третья карабинерная рота и рота тифлисцевъ, строившія укрѣпленіе Миракъ, вынуждены были отступить въ Гумры (нынѣ Александрополь) по каменистой дорогѣ, пролегавшей въ тѣснинѣ и занятой непріателемъ. Солдаты почти штыками пробивали себѣ путь, и въ виду 3000 персидской конницы, вступили въ Гумры, послѣ 6-ти часового боя. Непріатель, ободренный нашимъ отступленіемъ и превосходствомъ своихъ силъ, окончательно прервалъ всякое сообщеніе между Амамлами, Караалисомъ, Бекантомъ, Гумрами и Гергеррами, взялъ въ блокаду Гумры, занялъ авангардомъ своимъ Елисаветполь, увлекъ въ плѣнъ до 1,200 армянскихъ семействъ и напавъ на нашъ провіантсвій транспортъ, овладѣлъ имъ и почти уничтожилъ прикрытіе (**).

(*) Пож. арх. Вход. журн., предп. Ермолова, отъ 22 іюля, 1826 г., № 170.

(**) Тифл. арх. Дѣло по ген. штабу, № 3, письмо къ Реуту 1826 г., № 289:

«Я въ Грузіи; есть у насъ войска и еще придутъ новыя. Отвѣчаете головою, если осмѣлитесь сдать крѣпость. Защищайтесь до послѣдняго—употребите въ нищу весь скотъ, лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдачѣ крѣпости». Ермоловъ.

(***) Тифл. арх. Прикрытіе состояло изъ роты тифлисцевъ въ 140 рядовыхъ, подъ командою шт.-кап. Воронова и измѣнниковъ борчалинской виллиціи.

Всѣ эти удачи до того воодушевили враговъ, что ихъ разбойничьи шайки стали показываться въ окрестностяхъ Манглиса, вслѣдствіе чего начальство вынуждено было вооружить штабъ-квартиру полка двумя орудіями и придвинуть туда женатую роту Тифлисскаго полка изъ Дежалъ-оглы.

Очевидцы рассказываютъ, что всѣ жители окрестныхъ городовъ и деревень бѣжали въ Тифлисъ подъ защиту русскихихъ. Дороги были запружены подводами, спѣшившими въ городъ; въ самомъ Тифлисѣ горожане были объаты ужасомъ, припоминая варварское нашествіе Ага-Магомета въ 1795 г.

Повсемѣстный страхъ до того былъ великъ, что многіе изъ жителей Закавказья бросали свои жилища и уѣзжали въ Россію.

Мусульманскія провинціи и милиціи ихъ — памъ измѣняли. Дѣла часъ отъ часу принимали неблагопріятный оборотъ: ханъ талышинскій и джаробѣлоканскіе лезгинны — также возмутились и готовились къ войнѣ; муллы ихъ и сенды въ мечетяхъ призывали народъ къ поголовному возстанію на русскихихъ. Наше начальство, непредвидѣвшее войны, даже не имѣло въ магазинахъ достаточно заготовленнаго провіанта, такъ что карабинеры, находившіеся въ блокадѣ въ Гумрахъ, вынуждены были съ прилегающихъ къ крѣпости полей снимать съ обывательскихъ пашень хлѣбъ для своего дневнаго пропитанія (*). Такъ бѣдствовалъ гарнизонъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ третьяго предписанія о выступленіи изъ Гумръ. Первыя же два предписанія перехвачены были персіянами. Это обстоятельство послужило намъ въ пользу. Непрiятель, имѣя въ своихъ рукахъ эти документы, ослабилъ блокаду Гумръ, основательно рассчитывая, что русскій гарнизонъ неоставитъ крѣпости безъ приказанія. Между тѣмъ полковникъ Фридриксъ получилъ чрезъ вѣрнаго лазутчика, ночью 31 іюля, упомянутое третье предписаніе; на этомъ основаніи онъ бросилъ бѣольшую

(*) Рациортъ генерала Мерлини, отъ 20 мая, 1827 г., № 510. Тифл. арх.

часть тяжестей въ крѣпости, въ ту-же ночь сталъ отступать, принявъ предварительно всѣ необходимыя въ этомъ случаѣ мѣры предосторожности. Третья карабинерная рота шла въ арьергардѣ. Нужно сказать, что безпечные персидскіе пиветы до того крѣпко спали, что даже шумъ отъ двигавшагося обоза въ отрядѣ Фридрикса не могъ ихъ разбудить (*). Они только утромъ начали преслѣдовать и настигли нашихъ въ разстояніи 20 верстъ отъ Гумръ, но было уже поздно. Майоръ Кашутинъ съ своимъ своднымъ баталіономъ прибылъ въ подкрѣпленіе отступавшему Фридриксу и заставилъ непріятеля отступить съ высотъ Дорбаза къ р. Бикль-чаю. Такимъ образомъ горсть русскихъ, преслѣдуемая персидскимъ отрядомъ, прошла благополучно, благодаря предписаніямъ, попавшимъ въ руки персіанамъ, распорядительности Фридрикса и грозѣ, разразившейся въ ночь отступленія и скрывшей наше движеніе.

О критическомъ положеніи русскихъ въ Закавказьи генераль Ермоловъ допесъ государю императору и просилъ о присылкѣ свѣжихъ войскъ, вслѣдствіе чего состоялось распоряженіе: 20 пѣхотной п уланской дивизіямъ съ артиллерією, донскимъ полкомъ и лейбъ-гвардіи сводному полку присоединиться къ кавказскому корпусу.

До прибытія означенныхъ силъ, главнокомандующій предписалъ кн. Севарсемидзе отступить за гору Безобдалъ и стать въ оборонительное положеніе возлѣ Джелаль-оглы, укрѣпивъ эту крѣпость на-сколько дозволяютъ средства и время. Но кн. Севарсемидзе съ карабинерами и тифлисцами все еще держался на прежнемъ мѣстѣ, впереди горъ Безобдала, что заставило Ермолова поставить князю на видъ: «Вы держитесь за Безобдаломъ и не видите въ томъ вашей непростительной вины—вы разбросали войска, когда надо имѣть ихъ вмѣстѣ и на крѣпкой позиціи» (**).

(*) 1200 аробъ слѣдовало съ орудіями, боевыми снарядами и имуществомъ жителей, преданныхъ намъ. Поломавшаяся часть обоза на дорогѣ была брошена.

(**) Тифл. арх. Предл. Ермолова кн. Севарс. по г. ш., отъ 3 августа, 1826 года, № 241, и ему же, отъ 29 августа, № 298.

Послѣ этого предписанія карабинерныя роты, подъ командою командира полка полковника Муравьева, укрѣплявшія до того Караклисъ, 9-го августа переведены за Безобдалъ къ Гергерамъ, причеиъ конница Гассанъ-хана, считая наше отступление за явный признакъ оставленія русскими Грузіи, подняла джигитовку передъ рядами карабинеръ, «но мѣткіе выстрѣлы нашихъ застрѣльщикоиъ охладили дикіе порывы всадникоиъ». Эта удалъ имъ стоила болѣе 30 человекъ убитыми.

Перейдя за Безобдалъ, карабинеры заняли Гергеры и стали укрѣплять Джелаль-оглы.

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября конница эриванскаго Гассанъ-хана, въ числѣ болѣе $\frac{3}{7}$ человекъ, стала грабить селенія въ лорійской степи; тогда полковникъ Муравьевъ взялъ три роты своего полка, при 2-хъ орудіяхъ, быстро повелъ впередъ свой маленькій отрядъ для защиты несчастныхъ жителей. Гассанъ-ханъ разграбивъ селенія, выстроился въ боевомъ порядкѣ на крутизнахъ Безобдала. Однако, карабинеры неустрашились грозной позиціи непріятели: 2-я карабинерная рота съ маіоромъ Кашутинымъ направлена была по скалистымъ хребтамъ въ обходъ, а двѣ роты бросились на фронтъ непріятели въ штыки, и смявъ персовъ, отбросили на Кашутина, который ихъ встрѣтилъ новой энергической битвой и новой гибелью. Карабинеръ въ этомъ дѣлѣ особенно воодушевляло присутствіе въ ихъ рядахъ генераль-лейтенанта князя Менщикова(*). Онъ, будучи очевидцемъ этого событія, лично велъ на приступъ 7-ю роту, которая послѣ этого удачнаго дѣла конвоировала до дер. Шулаверъ кн. Менщикова, отъѣзжавшаго въ Тифлисъ. По возвращеніи 7 роты изъ Шулаверъ, двѣ роты — 7-я вмѣстѣ съ 9-й, подъ командою маіора Хомутскаго — сбили непріятелискій пикетъ съ горы Арзибюкъ и заняли ее для возстановленія прерваннаго сообщенія нашего съ Тифлисомъ; двѣ-же другія роты продолжали укрѣплять Джелаль-оглы. Нужно сказать, что обстоятельства хотя и вынуждали отступать русскихъ, но войска

(*) Персіане, прервавъ переговоры съ кн. Менщиковымъ, сначала арестовали князя, а послѣ передали его на нашъ пограничный постъ, занятый карабинерами.

въ то время были въ высшей степени проникнуты воинственнымъ духомъ; въ рядахъ карабинеръ еще много было сподвижниковъ Карягина и Котляревскаго, горѣвшихъ нетерпѣніемъ вступить въ рѣшительный бой съ знакомыми имъ врагами, и поучить молодыхъ товарищей, какую надо имѣть «снаровку» въ битвахъ съ персіанамъ.

Вотъ какой отзывъ дѣлаетъ Муравьевъ о полкѣ въ письмѣ своемъ къ генералу Ермолову: «По оставленіи Гумръ, отрядъ нашъ сдѣлался силенъ, и непріятныхъ случаевъ болѣе встрѣчаться не должно. Полкъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ встрѣчи съ непріателемъ, дабы ему отмстить за погибшихъ товарищей (тифлисцевъ). Всего непріятеля отъ Гумръ до Болокча надо полагать до 15 тысячъ—въ этомъ числѣ двѣ тысячи сарвазовъ и нѣсколько орудій (*).

Лучшей рекомендаціи воинственнаго настроенія полка не можетъ быть, какъ отзывъ, выраженный въ приведенномъ здѣсь письмѣ полковника Муравьева—человѣка, въ высшей степени справедливаго, котораго девизомъ всей жизни была правда и прямота, какъ говорятъ люди, хорошо его знавшіе.

Николай Николаевичъ Муравьевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей полка, которыхъ имена всегда будутъ помниться съ уваженіемъ. Кромѣ основанія штабъ-квартиры въ урочищѣ Манглисъ, онъ учредилъ въ своемъ домѣ юнкерскую школу, гдѣ не-рѣдко и самъ являлся учителемъ; ввелъ экзамены офицерамъ изъ строевой службы, слѣдилъ за поведеніемъ всѣхъ чиновъ полка и, наконецъ главною его заботою было неусыпное попеченіе о продовольствіи и обмундированіи солдатъ.

Мы видѣли выше, что онъ былъ въ полку архитекторъ, строитель и начальникъ строгій, но искренно любившій своихъ подчиненныхъ. Полковые ветераны съ большимъ восторгомъ вспоминаютъ муравьевское время, при чемъ они ярко очерчиваютъ его сосредоточенный, повидимому, даже нелюдимый характеръ—въ сущности прямой и открытый.

(*) Письмо Муравьева Ермолову, отъ 30-го іюля, 1826 г., № 3. Тифл. арх.

Изяснение

- A. Расположеніе войскъ 15^{го} Октября
- B. Взятіе передовыхъ непріятельскихъ заваловъ тоюже ночью
- D. Расположеніе сакъ, все войско послъ свѣта стѣна завалими
- E. Первая атака главныхъ заваловъ
- F. Войска посланы въ подкрѣпленіе атакующей колонны
- G. Вторая атака и овладѣніе главныи укрѣпленіемъ и завалами
- H. Занятіе 2^{го} и 3^{го} укрѣпленій
- K. Взятіе ложъ Эриванскаго Курія и перерыва потока, наблюдательнѣе движеніе Галимъ беки
- L. Расположеніе войскъ на полдень по стѣ сраженіи
- M. Расположеніе войскъ 16^{го} числа по занятіи Галири:
 - части Русскихъ войскъ
 - △ Эриванцы

ПЛАНЪ спуска въ Галирійское ущелье и взятія истурмомъ непріятельскихъ укрѣпленій и заваловъ Масштабъ въ дюймѣ 2 версты



Они такъ выражаются о немъ: «Такіе люди гораздо страшнѣе издали, чѣмъ вблизи». Онъ не терпѣлъ лжи, напыщенности и эффектовъ; не искалъ популярности, но былъ простъ въ рѣчи и манерахъ. Его такъ понимали подчиненные и высоко цѣнили — въ особенности солдаты, которыхъ матеріальное благосостояніе въ его командованіе полкомъ было значительно улучшено.

Никол. Никол. Муравьевъ, при всей воздержной жизни, любилъ подъ-часъ повеселиться съ офицерами «на лужкѣ или въ сосновой бесѣдкѣ» — и тутъ у всѣхъ была душа на распашку» (*). Въ такихъ кружкахъ онъ былъ веселый собесѣдникъ, а на другой-же день въ немъ всѣ видѣли опять строгаго начальника, нетерпѣвшаго малѣйшей неисправности и манкировки по службѣ. Къ нему привыкли и знали, что онъ требуетъ въ силу закона, въ силу дисциплины; такая мѣра показывала въ немъ строгаго исполнителя закона; за то всякій подчиненный былъ гарантированъ тѣмъ, что правое дѣло не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. . . Честность и безкорыстіе Николая Николаевича Муравьева были безпредѣльны и всякому извѣстны.

Перейдемъ теперь къ театру военныхъ дѣйствій.

Непріятель самъ облегчилъ положеніе русскихъ. Наслѣдний принцъ персидскаго престола Аббасъ-Мирза, упоенный льстивыми надеждами царевича Александра (**), который ему обѣщалъ склонить въ его пользу всю Грузію, не предпринималъ ничего рѣшительнаго и провелъ почти 1½ мѣсяца въ бесполезной блокадѣ Шуши, въ полной увѣренности на побѣду.

Оплошность и самообольщеніе принца и сановниковъ его до того были велики, что они маіору 41-го егерскаго полка, Клюки-фонъ-Клугенау, дозволили пройти изъ осажденной Шуши къ генералу Ермолову съ личнымъ предложеніемъ сдать крѣпость, а въ сущности съ донесеніемъ отъ Реута о бѣдствен-

(*) Рассказъ подполковника Нотемин

(**) Царевичъ проживалъ въ Персїи и дѣйствовалъ противъ Россїи.

помъ положеніи гарнизона. Послѣ этого геройскаго подвига, маіоръ Клюки былъ сначала прикомандированъ къ 7-му карабинерному полку, а послѣ и совсѣмъ переведенъ.

Братъ сардаря эриванскаго Гассанъ-ханъ тоже не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, а проводилъ время въ грабежахъ и незначительныхъ стычкахъ съ отрядомъ Севарсемидзе. Эта оплошность со стороны враговъ дала время нашимъ отрядамъ соединиться (*).

Генералъ Мадатовъ уже паступалъ къ Елисаветполю съ 4-хъ-тысячнымъ отрядомъ, а 3-го сентября онъ разбилъ при Шамхорѣ авангардъ Аббасъ-Мирзы и занялъ Елисаветполь, брошенный устраннымъ непріателемъ.

Шамхорская побѣда заставила Аббасъ-Мирзу двинуть свои полчища изъ подъ Шуши къ Елисаветполю, но уже было поздно. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, только-что прибывшій изъ Петербурга на Кавказъ, явился во главѣ вновь сформированнаго русскаго отряда и сталъ форсированнымъ маршемъ наступать отъ Тифлиса къ Елисаветполю (**). Авангардъ его отряда составляли 6 ротъ карабинеровъ, въ числѣ 1594-хъ человекъ, подъ командою только-что прикомандированнаго къ полку маіора Клюки-фонъ-Клугенау. Какъ карабинеры (1-й баталіонъ и двѣ роты второго), такъ и другія войска шли бодро впередъ, о чемъ въ своемъ рапортѣ свидѣтельствуетъ генер. Паскевичъ: «Люди идутъ форсированнымъ маршемъ весело и желаютъ встрѣтиться съ врагомъ» (***)

Между тѣмъ князь Мадатовъ узналъ, что полчища Аббасъ-Мирзы, соединившись съ войсками Алаяръ-хана персидскаго, уже перешли рѣчку Тертеръ, а потому Мадатовъ просилъ генер. Паскевича послѣшить къ нему на соединеніе.

(*) Рассказываютъ—ириванскіе баталіоны съ неутомимой быстротою перешли изъ Чечни въ Тифлисъ и представлялись генер. Ермолову въ синіхъ походныхъ рубашкахъ, съ большими катожками на синіхъ

(**) Отрядъ состоялъ изъ 6½ бат. пѣхоты, 6 эскад. Нижегород. драгунъ, 2-хъ казачьихъ полковъ, нѣсколькихъ сотенъ милиціи и 22-хъ орудій.

(***) Тифл. арх. Дон. Паскевича къ Ермолову, отъ 7-го сент., 1826 г., № 15.

Ночью 9-го сентября карабинеры въ главѣ отряда Паскевича достигли Елисаветполя и стали бивуакомъ возлѣ крѣпости, при взятіи которой полкъ покрылъ себѣ славою въ 1804 году. Два дня прошло въ приготовленіяхъ къ бою. 13-го сентября генер. Паскевичъ рѣшился, въ 9 часовъ утра соединившись съ отрядомъ кн. Мадатова, идти на встрѣчу непріятелю, но до разсвѣта узналъ отъ лазутчиковъ, что Аббасъ-Мирза, оставивъ за Тертеромъ тяжести, перешелъ со всѣми своими силами рѣку Куракчай и идетъ атаковать нашъ отрядъ. Генералъ Паскевичъ немедленно повелъ свои войска, въ числѣ 8500 челов., на встрѣчу персіянъ. Наши войска для принятія боя были раздѣлены на двѣ линіи съ резервомъ, въ первой линіи: батал. 41-го егерскаго полка и два казачьихъ полка составляли правый флангъ, въ центрѣ стояли 12 орудій, лѣвое крыло составляли—баталіонъ ширванцевъ и милиція; во второй линіи приказано стать 1-му баталіону карабинеръ позади егерей въ ста саженьяхъ, правѣе-же 1-го баталіона изъ остальныхъ двухъ ротъ карабинеръ, при двухъ орудіяхъ, велѣно составить, на случай обходнаго движенія персидской конницы на нашъ правый флангъ, 2-хъ-ротное каре,—на лѣвомъ флангѣ второй линіи, въ такомъ-же порядкѣ, стали грузинцы; позади интерваловъ первыхъ двухъ линій расположились въ резервѣ Нижегородскій драгунскій полкъ и 6 ротъ херсонскихъ гренадеръ, при 6-ти орудіяхъ.

Первыми двумя боевыми линіями командовалъ князь Мадатовъ.

Непріятель, въ числѣ 15-ти тысячъ регулярной пѣхоты, 20 тысячъ конницы, при 25 орудіяхъ, подъ личною командою наслѣднаго принца Аббасъ-Мирзы, построился въ 9-ти верстахъ отъ Елисаветполя такимъ образомъ: переднюю выгнутую линію составляли 18 баталіоновъ сарбазовъ, прикрытыхъ съ фланговъ густыми массами кавалеріи; противъ интерваловъ поставлено было нѣсколько орудій, позади пѣхотной линіи находились въ значительномъ числѣ фальконеты на верблюдахъ,—

позади фальконетовъ стояли 6 батал. (джамбазовъ) шахской гвардіи и вся регулярная кавалерія.

Войска сошлись въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя на полупушечный выстрѣль, на мѣстѣ Зазаль-Архъ, гдѣ и произошла битва.

Непріятель сперва атаковалъ нашъ корпусъ съ центра. Пѣхота его первой линіи стройно подошла и открыла батальный огонь, но взятая нашимъ центромъ въ штыки, была разбита и разорвана на двѣ части.

Лѣвый нашъ флангъ, подкрѣпленный изъ резерва баталіономъ, тоже опрокинулъ персіянъ, но на правомъ флангѣ непріятель обошелъ обѣ первыя наши линіи и сильно атаковалъ двѣ роты херсонцевъ, при двухъ орудіяхъ, стоявшихъ въ резервѣ, потѣснилъ нашу кавалерію почти къ Елисаветполю. Тогда генераль Паскевичъ приказалъ «тремъ полубаталіонамъ карабинеръ, которые еще до этихъ поръ не были введены въ дѣло, зайти непріятелю въ тылъ и отрѣзать ему сообщеніе съ главными его силами». Карабинеры, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе этого приказанія, зашли лѣвымъ плечемъ, взяли ружья на руку и дружно ударили на враговъ. Непріятель, не выдержавъ этого смѣлаго напора въ штыки, бросился бѣжать; но такъ какъ карабинеры находились на прямомъ сообщеніи непріятеля съ остальными его силами, то персіяне принуждены были удалиться въ горы. Здѣсь непріятель, соединясь въ значительныхъ силахъ, сталъ укрѣпляться на курганѣ. Какъ преслѣдованіе отступающаго непріятеля на этомъ пунктѣ, такъ и овладѣніе курганомъ возложено было на князя Мадатова съ карабинерами, двумя ротами херсонскихъ гренадеръ и кавалеріею.

Эта колонна, предводимая отважнымъ генераломъ, окружила персіянъ на курганѣ и взявъ въ штыки, заставила сдаться въ плѣнъ 950 человекъ, при двухъ орудіяхъ (*).

(*) О разрывѣ съ Персією: дѣло генер. шт., № 3, 1826 г. Тифл. арх.

Объ этомъ подвигѣ карабинеръ такъ рассказываетъ отставной унтеръ-офицеръ Ермаковъ, бывший при взятіи кургана: «До самой ночи мы съ пушекъ и ружей палили въ непріятеля, но онъ, сдѣлавъ изъ своихъ убитыхъ заваль, несдавался. Тогда генералъ Мадатовъ говоритъ: братцы, возьмите его въ штыки—зарядовъ онъ не стоитъ. У насъ были господа офицеры отважные—только этого приказанія и ожидали. Ну, говорятъ, пойдѣмъ, живьемъ заберемъ перса. Капитаны Авраменко и Долинъ первые ворвались съ ротами въ заваль и забрали всѣхъ въ полонъ».

Сраженіе въ вечеру распространилось на 17 верстъ въ длину и на 15 верстъ въ ширину. Разбитый непріятель на всѣхъ мѣстахъ, бѣжалъ безостановочно, укрываясь въ лѣса и горы, такъ что наши войска, преслѣдовавшія ихъ 12 верстъ, не могли больше догнать разбитой арміи Аббасъ-Мишъзы.

Карабинеры, утомленные быстрыми движеніями, упорной битвой и палящими лучами солнца, только на другой день послѣ битвы остановились вмѣстѣ съ другими войсками, и расположились бивуакомъ въ 20-ти верстахъ отъ Елисаветполя, возлѣ рѣки Курахъ-чай.

Карабинеры въ елисаветпольскомъ сраженіи лишились 16 челов. убитыми и 41 челов. ранеными; всѣхъ-же убито изъ отряда 46 челов. и ранено 248 человекъ. Непріятель потерялъ: 2,000 убитыми и ранеными, сверхъ того, нами взято 1100 челов. въ плѣнъ, 3 орудія, 4 знамени, два лагера и обозъ.

За отличія, оказанныя въ этомъ сраженіи, получены награды въ полку (*):

Капитаны:	{ Авраменко. Долинъ.	{ Св. Владиміра 4-й ст. съ бант. Григоровичъ. . Св. Анны 3-й степ.
-----------	-------------------------	---

(*) Прик. по полку 27-го октября, 1826 г., № 83

Капитаны:	Агѣевъ.	}	Св. Анны 4-й степ.
	Ротмистровъ.		
Шт.-капитанъ	Музайко.		
Поручикъ	Петровъ.		
Подпоручикъ	Ониковъ.		
Прапорщикъ	Едигаровъ.		

Въ каждую роту получено по 8 знаковъ отличія военнаго ордена, сверхъ того, десять офицеровъ повышены слѣдующими чинами и всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловано по 2 руб. асигнаціи, по чаркѣ вина и по 1 фун. мяса (*).

Побѣда эта имѣла блистательныя послѣдствія: 1) она подорвала вѣру мусульманъ, живущихъ въ Грузіи, въ персидскія войска; 2) уничтожила намѣреніе Аббасъ-Мирзы завладѣть Тифлисомъ и 3) многочисленныя скопища персіанъ были отброшены за черту русскихъ владѣній. Кромѣ того, непріятель снялъ осаду крѣпости Шуши, геройски оборонившейся 47 дней.

Съ курахчайской позиціи войска наши, въ томъ числѣ и карабинеры, прошли на югъ Карабаха, и 2-го октября стали лагеремъ въ 22-хъ верстахъ отъ границы, при рѣкѣ Черакенъ, въ Карабахѣ, закрывая собою Шушу и имѣя непріятеля въ 15 верстахъ за Араксомъ. На черакенской позиціи палъ корпусъ простоялъ до 25-го октября, фуражируя по окрестнымъ деревнямъ; по такъ какъ Карабахъ былъ окончательно опустошенъ непріятелемъ, а доставка провіанта туда была сопряжена съ большими затрудненіями, поэтому полки терпѣли сильную нужду въ продовольствіи. Люди получали въ сутки или по 1 фунту муки или по фунту пшеничнаго зерна; изъ такого провіанта, по неимѣнію квашней, пекли прѣсныя лепешки; сверхъ того, войска не имѣли палатокъ, не смотря на позднюю осень. Тяжела была бивуачная жизнь карабинеръ — дождь и слякоть смѣняли холодъ и снѣгъ, а по недостатку вблизи дровъ, даже благодѣтельныхъ въ этомъ случаѣ костровъ нельзя было развести, чтобъ обсушиться и обогрѣться. Тѣмъ болѣе,

(*) Приказъ по войскамъ, отъ 11-го апрѣля, 1827 г., № 9.

такія лишенія пришлось испытывать стоя на мѣстѣ, что еще больше усиливало невыгоды бивуачной жизни, и разрушительно по-дѣйствовало на здоровье солдатъ,—такъ что къ 1-му ноября изъ 6-ти ротъ карабинеръ число больныхъ возросло до 260 человекъ (*).

Между тѣмъ ген. Ермоловъ, имѣя въ своемъ распоряженіи незначительныя силы, дѣйствовалъ осторожно, поэтому не позволялъ отряду, до прибытія войскъ изъ Россіи, переходить за Араксъ; но Паскевичъ, видя, что силы его войскъ слабѣютъ, для поддержанія въ нихъ нравственнаго духа, 25-го октября перешелъ Араксъ, при селеніи Мараньяны, и двинулся во внутрь непріятельской страны, припавъ отвѣтственность за этотъ походъ лично на себя.

Аббасъ-Мирза, узнавъ о внезапномъ появленіи нашихъ войскъ на его территоріи, поспѣшно отступилъ къ Ардебилу; такъ-что только авангардъ нашего отряда успѣлъ нагнать непріятельскій арьергардъ и отбить большія стада рога-таго скота и барановъ. Кромѣ того, при этомъ движеніи освобождены многія семейства, подданныя Россіи и загнанныя персіянами въ свои владѣнія. И такъ, смѣлое предпріятіе Паскевича увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Окончивъ экспедицію за Араксъ, отрядъ возвратился къ рѣкѣ Черекенѣ съ богатою добычею. Здѣсь простояли еще до 16-го ноября. Въ это время ген. Ермоловъ усмирилъ ханство ширванское, лезгинъ и кахетинцевъ, взволнованныхъ грузинскимъ царевичемъ Александромъ. Отрядъ же кн. Севарсемидзе, принятый ген. Давыдовымъ (**), еще 17-го сентября получилъ приказаніе атаковать Гасанъ-хана, находившагося въ окрестности сел. Амамлы съ эриванскою конницею, а потому ген. Давыдовъ 19-го сентября выступилъ изъ Джелаль-оглы, чрезъ Безобдалъ, и на другой день имѣлъ дѣло съ куртинскою конницею. Чрезъ два дня, 21-го сентября, четырехъ-тысячный от-

(*) Мѣсячн. отчеты за 1826 г., Позк. арх.

(**) Знаменитый партизанъ 1812 г. противъ французовъ.

рядъ Давыдова, во главѣ коего находились 4 роты карабинеръ, въ числѣ 1,040 челов. (*), встрѣтили, не доходя до р. Башни-барани, Гассанъ-хана, стоявшаго близъ брошеннаго нами укрѣп. Миракъ. Войска Гассанъ-хана, упираясь правымъ флангомъ въ укрѣпленіе и рѣчку Башни-барани, а лѣвымъ примыкала къ горѣ Алагезъ, занимали каменистыя возвышенности. Лишь только нашъ отрядъ сталъ приближаться, какъ непріятель бросился на нашъ правый флангъ; тогда Давыдовъ отрядилъ полковника Муравьева съ стрѣлками отъ карабинеръ и ротой Тифлискаго полка занять крайнюю высоту на правомъ флангѣ непріятеля, а одной ротѣ карабинеръ съ маіоромъ Кашутинымъ велѣлъ обойти влѣво по высотамъ Алагеза и ударить въ тылъ непріятеля. Муравьевъ скоро сбилъ персіянъ съ возвышеній и занялъ лѣвый берегъ Башни-барани. Затѣмъ непріятель, обойденный ротою карабинеръ и поражаемый орудійнымъ огнемъ, вынужденъ былъ искать спасенія «въ крутизнахъ Алагеза».

Сбивъ Гассахъ-хана, Давыдовъ на другой день двинулся впередъ, и найдя непріятеля собравшимся близъ урочища Судагепъ, снова разсѣялъ его, такъ что онъ болѣе не смѣлъ показываться. Наконецъ, отрядъ, пройдя нашу границу и разоривъ 8 непріятельскихъ деревень, вернулся въ Джслалъ-оглы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда наступили морозы, дѣйствующія войска были распущены по штабъ-квартирамъ на зимовку, кромѣ отряда кн. Мадатова, назначеннаго прикрывать наши предѣлы со стороны Персін, при сел. Зардобъ. Въ составъ этого зимняго отряда поступилъ 1-й баталіонъ карабинеръ, подъ командою маіора Кашутина.

Недолго простоялъ баталіонъ Кашутина на мѣстѣ. 26-го декабря отрядъ кн. Мадатова уже двинулся за р. Араксъ и Самбуръ для наказанія шахсевашцевъ и другихъ племенъ, производившихъ набѣги и грабежи на наши границы.

(*) 2-я и 3-я карабинерныя роты, 8-я и 9-я егерскія роты.

Неожиданное появленіе нашихъ войскъ среди зимы заставило хищниковъ бѣжать, оставивъ стада, часть имущества и до 500 семействъ, уведенныхъ ими изъ Карабаха. Занявъ города Лори и Арагу и получивъ отъ старшинъ изъявленіе покорности съ просьбою о пощадѣ, отрядъ возвратился за Араксъ. Князь Аргутинскій доноситъ, что отрядъ не только неизнуренъ трудами быстрого перехода, но былъ бодръ и снабженъ всѣми потребностями. Этой удачной экспедиціей заключили карабинеры 1826 годъ.



ГЛАВА IX.

Приготовление карабинеръ къ новому походу. Трудное движеніе 2-го баталіона къ Эривани. Благодарность. Блокада Эривани. Налаженіе штабсъ-капитана Колпинскаго на персовъ. Вылазка изъ крѣп. Эривани на пикетъ поручика Петрова. Движеніе 1-го баталіона. Взятіе крѣпости Аббасъ-Абада. Дѣло 5-го іюля. Лагерь на Карабаба. Взятіе Сардаръ-Абада и Эривани. Движеніе къ Тавризу. Полкъ названъ Эриванскимъ карабинернымъ. Эриванцы спаслись отъ порохового взрыва въ Уджанѣ. Движеніе къ Міану. Миръ съ Персією. Награды.

Новый годъ для карабинернаго полка хотя принесъ много трудовъ, за то увѣковѣчилъ имя полка новою славою.

Шахъ, не смотря на понесенныя въ прошломъ году его войскомъ неудачи, несогласился на миръ. Кавказскому корпусу, увеличенному прибывшими изъ Россіи войсками, надлежало продолжать военныя дѣйствія. Новыи главнокомандующій, генераль Паскевичъ, замѣнившій Ермолова, съ наступленіемъ весны приказалъ полкамъ быть готовымъ къ походу.

Карабинеры въ Манглисѣ дѣятельно приготавливались къ предстоящей кампаніи: исправляли обозъ и аммуницію, дѣлали патроны, сверхъ того, обучались какъ штурмовать крѣпости. Изъ этихъ занятій видно было общее оживленіе и показывало, что полкъ готовится къ походу и готовится бодро и охотно.

Въ послѣднихъ числахъ марта 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Хамуцкаго, въ числѣ 962 чел., выступилъ въ походъ къ сборному пункту въ селеніе Шулаверы; 1-му-же баталіону, по настоятельной просьбѣ Кашутина, разрѣшено на нѣкоторое время прибыть въ Манглисѣ для постройки мундирной одежды, въ чемъ солдаты имѣли крайнюю нужду. Двумъ ротамъ 3-го баталіона приказано сначала занимать карауль въ Тифлисѣ, откуда они были потомъ переведены въ Джелалъ-оглы, 7-я рота осталась въ Манглисѣ, а 8-я въ Цалкѣ (*).

(*) Росписаніе по квартирамъ. Полк. архивъ.

Прибывши въ Шулаверъ, 2-й баталіонъ поступилъ въ составъ авангарднаго отряда, назначеннаго дѣйствовать въ области эриванской, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Бекендорфа. 1-го апрѣля отрядъ двинулся впередъ и пройдя черезъ хребетъ ахзибукскій по весьма дурной и грязной дорогѣ, 4-го числа прибылъ въ Джелаль-оглы, гдѣ къ нему присоединились еще бат. пѣхоты, казачій полкъ и 4 орудія. Такимъ образомъ авангардъ составилъ въ 4,782 штыка, 839 пикъ и 12 орудій. Апрѣля 5, на позиціи при Джелаль-оглы, во время дневки, начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, баронъ Дибичъ, сдѣлалъ смотръ войскамъ, которыми остался чрезвычайно доволенъ(*).

Веселый и смѣлый видъ солдатъ, среди ужасныхъ лишеній, его удивили, о чемъ онъ съ такою искренностію сообщаетъ ген. Сабаневу по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: «Я напелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатерининскимъ и, суворовскимъ. Прослуживъ 25 лѣтъ и участвуя во многихъ кампаніяхъ, я, положа руку на сердцѣ, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были воодушевлены кавказскіе солдаты. Слова: ребята, походъ — возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей 50 и болѣе верстъ въ сутки, въ особенности, когда ими, какъ мнѣ рассказывали, предводительствовалъ Ермоловъ: тогда ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья — ничто не могло остановить гигантскихъ шаговъ пѣхоты» (**).

На другой день послѣ смотра авангардъ двинулся далѣе по гергерской долинкѣ, къ горѣ Безобдалъ, и какъ-бы въ доказательство словъ генер. Дибича совершилъ изумительный переходъ. Намъ рассказывали: большихъ трудовъ стоило подыматься на эту гору по плохо-разработанной дорогѣ и при томъ при сильной распутицѣ. Особенно много трудовъ, испытаній и лишеній выпало на долю карабинеръ, слѣдовавшихъ въ ар-

(*) Приказъ по отряду 1817 года.

(**) *Навсѣднѣ*, стр. 370 и 371.

рієргардѣ, у прикрытія орудій; но они съ большимъ терпѣніемъ преодолевали препятствія и дружно на себѣ тащили на Безобдаль орудія и свой обозъ. Когда-же ночь застала баталіонъ на самой дорогѣ и вмѣстѣ съ выюгою повалилъ снѣгъ, заметая дорогу, то баталіонъ вынужденъ былъ, среди суровой ночи, остановиться подъ открытымъ небомъ. На этомъ бивуакѣ можно было удивляться карабинерамъ: не ропотъ былъ слышенъ въ ихъ рядахъ, а кавказская походная пѣсня и веселая шутка старыхъ солдатъ надъ молодыми, сжимавшимися отъ холода.

Генераль Бекендорфъ, будучи очевидцемъ всѣхъ лишеній, которыя испытали карабинеры въ эту ночь (*), засвидѣтельствовалъ о ихъ похвальной службѣ августѣйшему монарху, за что 2-й баталіонъ былъ вознагражденъ высочайшимъ приказомъ: «Объявляю совершенное свое благоволеніе за усердіе и распорядительность командиру 2-го баталіона майору Хамуцкому, равно и всѣмъ гг. офицерамъ сего баталіона, а нижнимъ чинамъ, которые не только съ усердіемъ, но съ радостною готовностію преодолевали при семъ переходѣ всѣ препятствія затруднительнаго пути, жалую по 1 руб., по фунту говядины и по чаркѣ вина» (**).

Только 8-го числа, въ 5 часовъ по полудни, весь отрядъ стянулся на новую позицію при р. Бамбаки, откуда, пройдя черезъ хребетъ горъ, отдѣляющій бамбакскую провинцію отъ Абарань-поля, по весьма трудной и грязной дорогѣ спустился въ долину.

Здѣсь, оставивъ тяжести вагенбурга и слабыхъ, подъ прикрытіемъ бат. грузинцевъ, авангардъ, съ карабинерами во главѣ колоны, двинулся далѣе по опустѣвшимъ и оставленнымъ жителями деревнямъ.

На пятый день Бекендорфъ занялъ безъ бою эчміадзинскій монастырь. Монахи съ иконами и колокольнымъ звономъ встрѣтили наши войска.

(*) Полк. арх. Рапор. Хамуцкаго, 1827 г., № 467-й. Въ эту ночь въ баталіонѣ замерзло 9 лошадей.

(**) Высочайшій приказъ, отъ 23-го апрѣля, 1827 года.

На слѣдующій день баталіонъ Хамудкаго, находившійся на фуражировкѣ у деревни Верхній-Айгланлу, участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ куртинской конницей. Ночью же 16-го числа отрядъ Бекендорфа приблизился къ крѣпости Сардаръ-Абадъ и открылъ сильную канонаду, а утромъ генераль приказалъ войскамъ выстроиться въ боевой порядокъ и послалъ парламента въ крѣпость съ предложеніемъ сдаться, па что комендантъ отвѣчалъ: «Я и весь гарнизонъ должны погребсти себя подъ стѣнами крѣпости.» Получивъ такой отвѣтъ, Бекендорфъ, не имѣя разрѣшенія штурмовать крѣпость, отошелъ къ Эчміадзину, куда притянулъ вагенбургъ и устроилъ тамъ госпиталь (*). Здѣсь войска простояли съ 17-го по 23 апрѣля. Карабинеры вмѣстѣ съ другими занимались фуражировками. Съ прибытіемъ 10-ти-дневнаго провіанта, авангардъ двинулся къ главной своей цѣли, къ кр. Эривани, о которой Бекендорфъ долженъ былъ доставить свѣдѣнія генералу Паскевичу. 24-го апрѣля отрядъ, перейдя вылавъ и по бурдючному мосту (**) чрезъ р. Зангу, прогналъ кавалерію Гассанъ-хапа и баталіонъ сарбазовъ, засѣвшихъ на высотахъ и въ садахъ, потомъ занялъ часть форштата и расположился лагеремъ противъ южной стороны, внѣ пушечнаго выстрѣла.

Крѣпость лежитъ въ котловинѣ, у края почти отвѣснаго утеса, у подошвы котораго течетъ р. Занга, а съ другой стороны прилегаетъ сухой оврагъ; сверхъ того, она окружена цѣпью невысокихъ горъ, покрытыхъ садами. Городъ находится отъ крѣпости на пушечный выстрѣлъ. Крѣпость была защищена двойною каменною стѣною съ крытыми башнями.

Въ ночь на 25 число двѣ роты карабинеръ, баталіонъ ширванцевъ и 6 орудій заняли Иракліевъ курганъ, противъ западнаго фаса крѣпости,—причемъ карабинеры шли впереди, и по занятіи кургана, оставлены на немъ съ 2 орудіями, подъ

(*) За дѣйствія 14 п 16-го апрѣля—высочайшее благоволеніе.

(**) Бурдюкъ—волосья шкура, наполненная воздухомъ.

командою маіора Хамуцкаго. Къ нимъ вскорѣ прибыла еще одна рота карабинеръ съ провіантомъ и артиллерійскими снарядами; устроивъ батареи, съ разсвѣтомъ открыли огонь по крѣпости.

Первыми выстрѣлами сбито въ амбразурѣ непріятельское орудіе и загорѣлись домъ сардари и другія строенія въ крѣпости. Въ 3 часа по полудни отрядъ персидской кавалеріи и пѣхоты, пробравшись садами, внезапно ударилъ на роту Грузинскаго гренадерскаго полка и сталъ ихъ тѣснить. Видя это, штабсъ-капитанъ Калпинскій, бывший съ ротою карабинеръ на горѣ Муханатъ-тона, бросился въ тылъ сарбазовъ, и опрокинувъ ихъ, заставилъ бѣжать въ крѣпость съ значительнымъ урономъ (*). На разсвѣтъ 30 апрѣля непріятельская конница, въ числѣ до двухъ сотъ человекъ, въ намѣреніи пробраться въ крѣпость, наѣхала на нашъ пикетъ въ 50 челов., поставленный около моста чрезъ р. Зангу отъ 3-хъ ротъ карабинеръ, находившихся на горѣ Иракліевой. Пикетъ нашъ, подъ командою поручика Петрова, встрѣтилъ непріятеля выстрѣлами, но конница ихъ спѣшилась и поддерживаемая въ это время вышедшими изъ крѣпости сарбазами, стала дерзко наступать. Тогда поручикъ Петровъ, видя себя окруженнымъ съ фронта конницею, а съ тыла—пѣхотою, собралъ всѣ посты и занялъ бугоръ, гдѣ съ полнымъ безстрашіемъ встрѣтилъ въ штыки въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго врага, и опрокинувъ его, заставилъ бѣжать въ крѣпость. Молодецкій ударъ Петрова дорого обошелся персамъ: не многіе изъ нихъ спаслись, и то благодаря чрезвычайно каменистой и пересѣченной мѣстности, по которой преслѣдованіе сопряжено было съ большимъ трудомъ (**). За столь славное мужество и распорядительность, поручикъ Петровъ награжденъ золотою шашкою, съ надписью за храбрость.

(*) Рашено 4 карабин. Полковою приказомъ за 1827 г. и поданы русск. войскамъ въ странахъ закавказскихъ, соч. *Зубова*.

(**) Тамъ-же.

Во все время блокады Эривани авангарднымъ отрядомъ карабинеры занимали Иракліеву гору и курганъ Муханатъ-топа—самые важные пункты, которыми непріятель неоднократно покушался овладѣть, но всегда былъ прогоняемъ съ урономъ (*), причемъ ранено 6 карабинеръ. Надо замѣтить, что впоследствии, когда сюда была придвинута большая часть корпуса, то генералъ Паскевичъ, обзрѣвая Эривань, приказалъ карабинерамъ построить на берегу р. Занги батарею, дабы удержать этотъ пунктъ за собою. Между тѣмъ сардаръ эриванскій, испуганный неудачами войскъ своихъ и грозной позиціей русскаго авангарда предъ стѣнами крѣпости, вывезъ драгоценности свои и городскія въ Казбинъ вмѣстѣ съ золотою луною эриванской мечети. Такая мѣра хана увеличила смятеніе въ крѣпости, тѣмъ болѣе, что жители стали чувствовать недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, а вмѣстѣ съ этимъ обнаружилась гнилая горячка—вслѣдствіе стѣсненнаго воздуха и скудной пищи. Это было, по словамъ очевидцевъ, самое лучшее время для овладѣнія крѣпостію, но генералъ Бекедорфъ не имѣлъ приказанія дѣйствовать рѣшительно, а потому въ ожиданіи главнокомандующаго ограничивался только блокадою и отбитіемъ вылазокъ. Въ то время какъ второй баталіонъ блокировалъ Эривань, 1-й баталіонъ карабинеръ, послѣ десятидневнаго отдыха въ штабъ-квартирѣ, выступилъ 5-го мая въ походъ, въ числѣ 989 челов., и поступилъ въ составъ главнаго корпуса, собраннаго подъ начальствомъ Паскевича. Первый баталіонъ повелъ въ походъ полковой командиръ—полковникъ баронъ Фридрихсъ, только-что вступившій въ командованіе полкомъ.

Корпусъ, въ числѣ 15,000 штыковъ, прошелъ по вновь устроенной дорогѣ чрезъ Ахзибіукъ и Безобдалъ и при-

(*) Приказъ по полку, отъ 5 декабря, 1827 г., №135.

За блокаду Эривани, отъ 26 мая по 19 июня, во второй батал. получены награды:

Маіоръ Хамуцкій—Владимира 4 ст.

Штабъ-капитанъ Казинскій—орд. св. Анны 4 ст.

Прапорц: Ратіевъ и Антвиновъ—слѣдующіе чины.

Нижнимъ чинамъ по два знака отличія въ роту.

былъ 8 іюня къ Эчміадзину, гдѣ генераль Паскевичъ рѣшилъ до прибытія осадной артиллеріи взять крѣпость Аббасъ-Абадъ, прикрывающую Эривань и нахичеванское ханство. Въ силу этого рѣшенія, 18 іюня оба баталіона 7-го карабинернаго полка соединились и поступили въ 1-ю боевую линію, въ авангардный отрядъ генерала Бекендорфа и стали наступать къ Нахичевани (*). Подъ Эриванью же оставленъ былъ отрядъ генерала Красовскаго для блокады, но такъ какъ осадная артиллерія ожидалась въ половинѣ августа и въ войскахъ подъ Эриванью открылась сильная смертность отъ жаровъ, то Красовскому разрѣшено снять блокаду и, расположившись на горахъ, прикрывать сообщеніе главнаго корпуса съ Грузією.

Переходъ отъ Эчміадзина до Нахичевани былъ сопряженъ съ неимовѣрными трудами. Такъ объ этомъ переходѣ рассказываютъ еще сохранившіеся въ полку сподвижники Паскевича: «Мы слѣдовали за кавалерією по песчаной степи, въ самый разгаръ лѣта, когда палящее солнце дѣлаетъ температуру въ 40° и болѣе. Сильнѣе всего насъ мучила удушливая пыль и жажда, а воды на дорогѣ не было, такъ что солдаты, слѣдуя въ полной походной аммуниціи, несли съ собою въ манеркахъ воду съ ночлега до ночлега. Потомъ обливались съ утра до вечера; на дорогѣ не только деревьевъ, но и травы въ то время невидно было» (**).

Совершивъ такой трудный, 10-ти-дневный походъ, 26-го іюня карабинеры прибыли въ Нахичевань, и выдвинутые впередъ, заняли Аббасъ-абадское ущелье, откуда 28 числа, подъ командою полковника Фридрикса, дѣлали рекогносцировку по тавризской дорогѣ для осмотра брода чрезъ р. Араксъ у селенія Джюльфы и для открытія непріятеля, который находился въ окрестностяхъ Хоя и Маранды (***). Во время этой рекогносцировки найдено 1-ю ротою штабсъ-капитана Золота-

(*) Авангардъ состоялъ изъ 2-хъ батал. карабин., 3-хъ казачьихъ полковъ и 40 орудій.

(**) Рассказъ подпор. Швабича.

(***) Предписаніе Фридриксу, 1827 г., № 4339. Ввод. журн. Полк. арх.

рева, въ пустой армянской деревни, церковная серебряная утварь и другія цѣпныя вещи. Эта находка была пожертвована ротою въ эчміадзинскій монастырь» (*).

Юля 1-го крѣпость Аббаст-абадъ обложена блокадою. Въ тотъ-же день 2-я рота карбинеръ поступила въ траншеи на работу, а 4-я рота наводила мостъ чрезъ р. Араксъ.

Крѣпость состояла изъ 6-ти бастіоновъ, соединенныхъ куртнами, изъ коихъ 3 были прикрыты рavelинами: два полигона обращены были къ р. Араксу, за кою находился контргардъ. Эта крѣпость была построена Аббаст-Мирзою по новой европейской системѣ.

На другой день осады, у прикрытія ночныхъ работъ находились двѣ роты 2-го баталіона карбинеръ, а рота на правой сторонѣ Аракса строила редутъ. Осадныя работы шли успѣшно. Главнокомандующій, видя громадныя труды нижнихъ чиновъ днемъ и ночью, разрѣшилъ имъ въ добавокъ къ получаемому довольствію отпускать въ день $\frac{1}{2}$ фунт. говядины и чарку вина (**).

Между тѣмъ Аббаст-Мирза приближался съ сильнымъ корпусомъ для освобожденія Аббаст-абада. 4-го іюля непріятель занялъ укрѣпленную позицію при Каразіадагѣ, въ 47 верст. отъ нашего лагеря, по дорогѣ къ городу Хою. Паскевичъ рѣшился предупредить непріятеля. Оставивъ $3\frac{1}{2}$ баталіона для прикрытія батарей, лагеря и обоза, онъ еще до разсвѣта 5-го іюня съ частью отряда (***) въ числѣ коего вышли оба баталіона карбинеръ, выступилъ на встрѣчу непріятелю.

Пѣхота наша прошла съ пѣспями чрезъ Араксъ по бурдючному мосту.

Отъ переправы стали подыматься на крутой и каменистый хребетъ. Чрезвычайный зной палацаго солнца въ этотъ день затруднялъ подъемъ въ горы, но, не взирая на то, наша

(**) Исходящій журналъ за 1827 г. Рапор. ген. Подольскому, отъ 10-го іюля, № 572

(***) Приказъ по корпусу, № 62, отъ 3-го іюля, 1827 г.

(****) 8 баталіоновъ пѣхоты, 3 кав. полковъ и 20 орудій.

пѣхота, предшествуемая карабинерами, съ невѣроятною скоростью достигла непріятельской позиціи. Аббасъ-Мирза съ 16 тыс. конницы занималъ покатыя возвышенія. Паскевичъ поручилъ генералу Бекендорфу съ кавалеріею атаковать лѣвое крыло персіанъ, а ген. кп. Эристову съ 3-мя баталіонами и драгунами велѣлъ направить ударъ на правый флангъ; затѣмъ карабинеры и другія войска 1-й линіи были двинуты къ центру. Общее стройное наступленіе нашихъ пѣхотныхъ колонъ и смѣлая атака кавалеріи, заставили персидскую конницу обратиться въ бѣгство. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось до Джеванъ-булаха. Аббасъ-Мирза, едва спасшійся отъ плѣна, заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Каразіадинѣ, гдѣ находилась его пѣхота, неучаствовавшая въ дѣлѣ.

Мужество русскихъ войскъ въ джеванъ-булахской побѣдѣ тѣмъ болѣе достойно удивленія, что онѣ, пройдя 30 верстъ въ жаркій день безъ воды, не отдыхая, должны были драться съ свѣжими силами непріятеля.

На другой день, возвратясь къ осаждаемой крѣпости, баталіонъ карабинеръ сейчасъ-же заступилъ на траншейныя работы. Въ тотъ-же день генералъ Паскевичъ приказалъ выставить на главной батарее отбитыя наканунѣ знамена и потребовалъ отъ коменданта сдачи крѣпости. Трехъ-дневный срокъ, предложенный ханомъ, былъ отвергнутъ, и осадныя работы и канонада усилены. Гарнизонъ и жители были доведены бомбардировкой до крайности, такъ что комендантъ 7-го іюля вынужденъ былъ отворить крѣпость побѣдителямъ, сдавшись военно-плѣннымъ со всѣмъ гарнизономъ, при 18 орудіяхъ.

Отнявъ у персовъ этотъ важный пунктъ, главнокомандующій вынужденъ былъ стать лагеремъ на возвышенностяхъ Алагеза, при сел. Карабабѣ, ибо смертоносный климатъ Аббасъ-абада, мутная вода тиннаго Аракса и сильный зной—увеличили число больныхъ до громадной цифры.

Черезъ полмѣсяца послѣ сдачи крѣпости, корпусъ 23-го

іюля сосредоточился при Карабабѣ. и полкъ, подъ руководствомъ гвардейскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ на время кампаніи къ дѣйствующимъ карабинернымъ баталіонамъ, занимался изученіемъ воинскаго устава, примѣрными штурмами крѣпостей и другими эволюціями.

Бездѣйствіе главныхъ нашихъ силъ ободрило персіянъ. Аббасъ-Мирза окружилъ Эчміадзинъ и вступилъ въ жестокій бой съ отрядомъ Красовскаго, который поспѣшилъ на помощь осажденнымъ. Генералъ Паскевичъ, какъ только получилъ извѣстіе о наступательныхъ дѣйствіяхъ непріятеля, выступилъ 28-го августа съ корпусомъ въ эриванскую область, предписавъ барону Фридриксу съ карабинерами двинуться къ городамъ Морандѣ и Чорсу, чтобы замаскировать настоящее движеніе и не позволить непріятелю беспокоить главный корпусъ съ тылу(*). Въ силу предписанія, Фридриксъ переправился съ полкомъ за Араксъ и, ставъ къ непріятелю лицомъ, далъ время корпусу двинуться впередъ, а потомъ сталъ слѣдовать въ его арріергардѣ.

Между тѣмъ отрядъ Красовскаго, пробившись съ большою потерєю чрезъ персидскія полчища, освободилъ Эчміадзинъ, а потому Паскевичъ обратилъ главныя силы корпуса противъ крѣпости Сардаръ-Абада, куда 13-го сентября произведена была рекогносцировка, а 14-го предпринята осада. Въ этотъ-же день оба баталіоны карабинеръ и 2 роты піонеръ были назначены на траншейныя работы. Едва начали производить работу, какъ изъ крѣпости былъ открытъ огонь. Однако, дѣйствія непріятельскихъ батарей, неумолкавшихъ въ теченіе ночи, неослабило усердія рабочихъ, такъ-что къ утру карабинеры окончили первыя батареи и отбили ружейнымъ огнемъ непріятельскую вылазку.

Сентября 19, въ 8 часовъ вечера, на пятый день осады, когда баронъ Фридриксъ сталъ заступать съ полкомъ въ тран-

(*) Предписаніе полк. Фридриксу. Покл. арх. Вход. журн. 1827 г., № 302.

шен на работу, изъ крѣпости выбѣжалъ армянинъ и сталъ кричать по татарски, что гарнизонъ съ комендантомъ Фетъ-Али-хапомъ бѣжалъ изъ крѣпости.

Юнкеръ Шкабичъ, знавшій татарскій языкъ, перевелъ слова армянина; тогда полк. Фридриксъ, еще не вполне убѣжденный въ показаніи перебѣжчика, приказалъ баталіонамъ взять на руку и повелъ ихъ на крѣпость, — первая карабинерная рота капитана Золотарева быстро прошла ровъ и брустверь и первая заняла крѣпость, дѣйствительно уже оставленную гарнизономъ.

Государь Николай Павловичъ съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ донесеніе Паскевича о занятіи Сардаръ-абада, считавшагося ключемъ Персіи и такъ легко доставшагося намъ (*).

Паденіе Сардаръ-абада сильно поколебало эриванскаго сардаря. Онъ, не надѣясь удержаться въ Эривани, удалился самъ за Араксъ, оставивъ для защиты крѣпости Гассапъ-хана съ гарнизономъ.

Русскія войска, 23-го сентября переправившись чрезъ р. Зангу въ виду персидской арміи, стали лагеремъ на равнинѣ, недалеко отъ Эривани. Съ 26 на 27-е число открыли первую параллель осадныхъ работъ противъ уже оправившейся и вновь усилившейся крѣпости. Въ эту-же ночь двѣ роты карабинеръ сбили непріятельскіе секреты и заняли знакомую имъ Иракліеву гору, — а на другую ночь оба баталіоны, подъ командою Фридрикса, находились у прикрытія работъ подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Батареи наши причинили сильный вредъ крѣпости: повредили ея стѣны, строенія, амбразуры и подбили орудія. Персіане въ уныніи прекратили огонь. Главнокомандующій, щадя осажденныхъ, предложилъ хану сдать крѣпость съ обѣщаніемъ свободы жителямъ. Ханъ чрезъ парламентаря просилъ позволенія узнать предварительно волю Аббасъ-Мирзы. На эту уловку, для выигрыша времени, генералъ Пас-

(*) Военн. сборн., № 4, 1868 г. Черты изъ жизни императ. Николая 1, стр. 236.

кевичъ отвѣчалъ «Безъ посылки къ Аббастъ-Мирзѣ сдаться сейчасъ, или узнаетъ силу русскихъ штыковъ.» Огонь нашихъ батарей былъ усиленъ. Ночью 30-го сентября, подъ прикрытіемъ карабинеръ, устроена на Иракліевой горѣ батарея для 6 орудій, которая съ большимъ успѣхомъ открыла свое дѣйствіе съ разсвѣтомъ. Въ эту-же ночь, посредствомъ летучей сапы, дошли до гласиса крѣпости и болѣе 900 бомбъ пуцено въ крѣпость, гдѣ смятеніе возрастало ежеминутно: негдѣ было укрываться, и жители бѣжали по улицамъ съ воплями, не зная на что рѣшиться.

Баронъ Фридриксъ, находясь съ полкомъ на Иракліевой высотѣ, командующей надъ городомъ, слѣдилъ за движеніями въ Эривани и донесъ: «Въ городѣ замѣтно необычайное движеніе» . . . (*)

Жители просили Гассанъ-хана сдать крѣпость, но онъ неумолимо отвергъ ихъ просьбу и тѣмъ вынудилъ на отчаянный поступокъ: они, не взирая на угрозы хана, рѣшились передаться намъ. Утромъ 1-го октября, когда карабинеры подъ огнемъ гарнизона заступили въ траншеи на работу, жители толпами показались на юговосточной башнѣ и знаками прося осаждающихъ о пощадѣ, начали, спускаясь внизъ по бреши, перебѣгать къ траншеямъ, по которымъ наши войска дошли до бреши и взойдя по ней въ крѣпость, заняли ее безъ боя. Такъ пала въ день Покрова пресвятой богородицы славная Эривань (**). Путь въ глубь Персін былъ открытъ.

Русскіе торжествовали побѣду, которая разнеслась радостною вѣстью по всему государству. Императоръ Николай Павловичъ съ императрицею и императорскою фамиліею присуствовалъ 8-го ноября при благодарственномъ молебнѣ, совершонномъ въ церкви зимняго дворца по случаю взятія Эривани—столицы древней Арменіи. По окончаніи молебствія

(*) Ранеръ Фридрикса ген. Сухтелеву, отъ 4 снт., 1827 г., № 459. Тиф.

(**) Въ крѣпости взято 4 знамя, 99 орудій, 4,500 пуд. пороха, 14 тысячъ четвертей хлѣба. Пѣшими— $\frac{1}{4}$. сарбазовъ и знаменитый предводитель персидскихъ войскъ Гассанъ-ханъ.

ключи этой крѣпости и 4 знамя, взятыя на стѣнахъ ея, были торжественно возимы по улицамъ Петербурга, при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Въ день взятія крѣпости солнце, какъ будто привѣтствуя побѣдителей, сіяло во всемъ своемъ блескѣ: на голубомъ небѣ не было ни одного облачка. Пороховыя-же тучи, окутывавшія Эривань въ теченіе 5 дней, давно уже разсѣялись, и въ только-что взятой столицѣ Арменіи главнокомандующій выразилъ войскамъ свою душевную благодарность въ слѣдующемъ знаменитомъ приказѣ:

«Храбрые товарищи!

Вы много потрудились за царскую славу, за честь рускаго оружія—я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неуспяной, мужества непоколебимаго: побѣда вездѣ насъ сопровождала.

Въ четыре дня взяли вы Сардарь-Абадъ, въ шесть—Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла непрступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ея прежде осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія—вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, вы разбили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала предъ вами, и нѣтъ вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ: гдѣ ни появитесь—толпы непріятелей исчезнутъ предъ завоевателями Аббасъ-абада, Сардарь-абада и Эривани. Города отворятъ ворота свои, жители лягутся вамъ покорными—вы ихъ вездѣ щадили, и они, угнетенные своими угнетателями, теперь отовсюду собираются подъ великодушную защиту вашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ—поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты кавказскаго корпуса! Мой долгъ донести великому государю истину о подвигахъ, о славныхъ дѣлахъ вашихъ. . . . Паскевичъ».

Октября 1-го, 1827 г., № 97-й.

Кр. Эривань.

Изъ донесенія генерала Паскевича видно, что овладѣвшія войска Эриванью, въ этомъ числѣ и карабинеры, показали при этомъ случаѣ весьма похвальный примѣръ самой строгой дисциплины, ибо при всѣхъ трудностяхъ и нуждахъ, которыя неизбѣжно каждый долженъ былъ перенести въ продолженіе войны, солдаты по взятіи крѣпости остались на своихъ мѣстахъ, сохраняя точный порядокъ, строжайшее повиновеніе своимъ начальникамъ и «явили себя чуждыми прикосновенія къ собственности эриванскихъ жителей» (*).

Государь императоръ за такое похвальное движеніе войскъ всемиловѣйше соизволилъ пожаловать всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ при осадѣ Эривани, невзачетъ, третное жалованье и въ каждую роту по 30 знаковъ отличія военнаго ордена (**).

Высочайшимъ-же рескриптомъ, отъ 29-го октября, возложенъ на главнокомандующаго орденъ св. Георгія 2-й степени и пожаловано ему съ потомствомъ графское достоинство съ титуломъ «Эриванскаго», а 7-й карабинерный полкъ повелѣно впредь именовать «Эриванскимъ карабинернымъ». Эта, высочайше дарованная милость увѣковѣчила подвиги, совершенные полкомъ при осадѣ Эривани. Нужно замѣтить: карабинеры первыми явились подъ Эривань, и первые открыли траншейныя работы, а въ день ея взятія находились подъ непріятельскимъ огнемъ въ самыхъ ближайшихъ траншеяхъ къ крѣпости; кромѣ того, въ теченіе всей осады прославили себя особеннымъ мужествомъ и усердіемъ, а по взятіи крѣпости — примѣрной дисциплиною. За эти-то заслуги полкъ и удостоился быть отличеннымъ царскимъ вниманіемъ и названъ Эриванскимъ. Вотъ отъ какаго, многознаменательнаго факта ведетъ свое начало нынѣшнее названіе Эриванскій полкъ.

Наканунѣ новаго 1828 года командиръ полка, баронъ

(*) Донесеніе ген. Паскевича. Тиф. арх. Дѣло за 1827 годъ.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 19-го декабря, 1827 г., № 121.

Фридриксъ, объявилъ задравнымъ тостомъ эту новость всѣмъ чинамъ и выразилъ ее въ приказѣ по полку.

«Новый знакъ милости государя императора да увѣнчается новыми лаврами на полѣ чести, и всякъ изъ насъ потщится быть оной достоинъ. Слава, прибрѣтенная полкомъ подъ стѣнами Эривани, да послужить въ будущихъ дѣлахъ всякому эриванцу побѣдоноснымъ знаменемъ» (*).

Сверхъ того, въ полкъ получены слѣдующія награды (**):

Полковникъ Фридриксъ—орд. св. Анны 2 ст., украш. алмазными знаками.

Подполковникъ Кашутинъ—св. Анны 2 степени.

Маіоры: Мартынецъ—зол. шпагу, съ надп. за храбрость.

Чиляевъ—св. Анны 3 степ.

Капитаны: Ротмистровъ —ор. св. Влад. 4 ст. съ бант.

Золотаревъ—ор. св. Влад. 4 ст. съ бант.

Шт.-капит. Музайко—зол. шпагу съ надп. за храбрость.

Калпинскій—Влад. 4 ст. съ бантомъ.

Кириловъ—св. Анны 3 ст.

Поруч. Брежесинскій.	} Ор. св. Анны 3 ст.	Подпор. кн. Тумановъ.	} Анны 4 степени.
Кулаковскій.		Прапор: Курмачевъ.	
Гурамовъ.		Брякеловъ.	
Черепинъ.		Синявскій.	
Подпор. Афонасьевъ.	} Анны 4 степ.	Еколовъ.	} Анны 4 степени.
Литвиновъ.		Евтраповъ.	
Кп. Ратіевъ.		Кисилевъ.	

Взятіе Эривани даетъ самый блестящій оборотъ персидской войнѣ. Паскевичъ, желая воспользоваться паведеннымъ на враговъ ужасомъ, двинулся прямо на Тавризь. Эриванцы-карабиперы опять шли въ авангардномъ отрядѣ генерала Бевендорфа.

Персіяне были въ такомъ страхѣ, что нигдѣ неказывали сопротивленія, и съ покорностію встрѣчали торжествующихъ побѣдителей.

(*) Приказъ по полку 4-го января, 1828 г., № 1.

(**) Приказъ по полку уже въ 1829 г., 3-го июля, № 208.

Въ то время какъ главный нашъ корпусъ двигался къ Тавризу, отрядъ генерала Эристова, дѣйствовавшій со стороны Нахичевани, взялъ крѣпость Кюрдашъ и узнавъ, что Аббасъ-Мирза намѣренъ былъ уничтожить запасы и всѣ военныя заведенія въ Тавризѣ, двинулся туда, и безъ боя занялъ 14-го октября Тавризъ. Спустя пять дней послѣ паденія столицы Перси, вступилъ въ нее нашъ главнокомандующій съ войсками, имѣя карабинеръ во главѣ колонны (*). Корпусъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ по городу и расположился лагеремъ близъ дороги, ведущей въ городъ Маранду. Церемоніалъ былъ великолѣпенъ, какъ свидѣтельствовали англійскіе офицеры, бывшіе въ Тавризѣ: «Солдаты, не смотря на продолжительность похода, шли бодро и весело, сохраняя во фронтѣ должную тишину и порядокъ». Послѣ церемоніала всѣ штабъ-и оберъ-офицеры, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, осматривали городъ. По прибытіи къ Тавризу, корпусъ былъ раздѣленъ на нѣсколько отрядовъ, которые для удобнѣйшаго наблюденія за дѣйствіями непріятеля были размѣщены въ окрестностяхъ Тавриза. Эриванскій карабинерный полкъ вошелъ въ составъ отряда генералъ-маіора барона Розена и долженъ былъ занять замокъ Уджанъ. 24-го октября карабинеры выступили изъ Тавриза и прибыли въ Уджанъ. Тутъ чудеснымъ образомъ полкъ спасся отъ взрыва: въ главномъ пороховомъ погребѣ солдаты случайно открыли зажженный фитиль, которому уже оставалось немного догорѣть до пороха. Еслибъ опоздали на нѣсколько минутъ открыть фитиль, то гибель была-бы неминуема. Богъ спасъ карабинеръ отъ злодѣйскаго замысла непріятеля.

Въ уджанскомъ замкѣ отысканы двѣ любопытныя историческія картины, которыя препровождены въ С.-Петербургъ въ публичную бібліотеку (**), а также взяты трофеемъ золотой тронъ Аббасъ-Мирзы.

(*) Въ Тавризѣ взяты въ плѣнъ Азизъ-ханъ—главный виновникъ войны.

(**) Воен. сборн., № 4, 1868 г.: Черты изъ жизни императ. Николая 1-го

Въ то время какъ наши войска занимали опредѣленные пункты на персидской территоріи, прибыли въ Тавризъ отъ Аббасъ-Мирзы уполномоченный для переговоровъ о мирѣ. Паскевичъ потребовалъ уступки ханствъ: нахичеванскаго, эриванскаго по сю сторону Аракса и часть талашинскаго, прежде намъ принадлежавшую, и, кромѣ этого, 20 миліоновъ руб. сер. за понесенный убытокъ русскими войсками въ войнѣ. Аббасъ-Мирза, почти лишенный своей арміи и уstraшенный нашимъ успѣхомъ, подписалъ требуемыя условія мира. Однако, шахъ, считая этотъ договоръ унижительною для себя, старался его отвергнуть вслѣдствіе вліянія турецкаго правительства, которое, намѣреваясь начать съ нами войну, хотѣло войти въ союзъ съ Персією, чтобы общими силами дѣйствовать противъ русскихъ.

Главнокомандующій, не теряя времени, прервалъ переговоры и велѣлъ отрядамъ наступать къ подошвѣ Кафланку и къ вѣрности Ардебилу, желая силою оружія заставить шаха согласиться на предложенныя условія.

Карабинеры, въ числѣ 1544 челов., въ отрядѣ барона Розена, съ 28 ноября стали наступать къ селенію Міанъ, по тегеранской дорогѣ, и не взирая на жестокою зиму, глубокой снѣгъ, двигались бодро, расчищая дорогу отъ сугробовъ снѣга для провоза артиллеріи и обоза. Кромѣ того, на пути слѣдованія, нуждаясь въ провіантѣ и фуражѣ, дѣлали въ стороны фуражировки, сопряженныя съ большими затрудненіями, среди воинственной земли, истощенной въ средствахъ продовольствія. 10-го декабря отрядъ вступилъ въ Міанъ. Карабинеры, расположившись по квартирамъ, заболѣли многіе невѣдомою до того болѣзнію, какъ послѣ оказалось, отъ укушенія ядовитыхъ клоповъ,—но принятая мѣры прекратили болѣзнь.

6-го января полкъ участвовалъ въ крещенскомъ парадѣ на непріятельской рѣкѣ Шигричай. Вообще полкъ весело отпраздновалъ въ Міанѣ святки и дарованную награду—титулъ

«Эриванскаго» (*), о которой получено извѣстіе въ Міанѣ. На этой стоянкѣ эриванцы построили себѣ полушубки, а 7-го января двинулись далѣе къ Тегерану.

Шахъ, утраченный грознымъ движеніемъ русскихъ отрядовъ къ Тегерану и взятіемъ Ардебилля, убѣдился въ необходимости примириться съ могущественнымъ императоромъ Россіи. Аббасъ-Мирза съ шахскимъ уполномочіемъ вторично прибылъ въ русскій станъ для заключенія условій мира. Переговоры продолжались недолго. Графъ Паскевичъ предложилъ прежнія требованія и энергично настаивалъ на скорѣйшій исходъ мира. Наконецъ, 10-го февраля, 1828 года, въ деревнѣ Туркманчаѣ, подписанъ полномочными съ обѣихъ сторонъ мирный трактатъ, на условіяхъ, прѣжде установленныхъ.

Туркманчанскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ выгодныхъ для насъ трактатовъ, тѣмъ болѣе въ то время, когда Россія вступала въ борьбу съ Портою Оттоманскою. Вотъ его выгоды: «Къ намъ присоединены нахичеванское и эриванское ханства по сю сторону Аракса и часть талашинскаго (нынѣ ленкоранскій уѣздъ; сверхъ того, 26-ть повозокъ, нагруженныхъ золотомъ и запряженныхъ рослыми лошадьми, подъ богатыми коврами имѣли торжественный въѣздъ въ Тифлисъ при радостныхъ восклицаніяхъ жителей, которымъ казалось, что въ стѣны Тифлиса возвращаются сокровища, увезенныя нѣкогда свирѣлымъ Ага-Магомтомъ—родоначальникомъ царской династіи (**).

Государь щедро наградилъ войска за труды и подвиги: всѣмъ гг. офицерамъ, участвовавшимъ въ персидскомъ походѣ, повелѣно выдать, невзачетъ, годовое жалованье, а нижнимъ чинамъ по 5 руб. ассигн.; сверхъ того, пожалованы медали за персидскую войну на соединенной лентѣ орденовъ св. велик. и побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго кн. Владимира.

(*) Отсюда названіе «Эриванскій полкъ или эриванцы» будетъ относиться къ полку или частямъ его.

(**) Воен. сборн. за 1868 г., № 4, стр. 313: Черты изъ жизни имп. Николая 1-го.

Кромѣ этого, полкъ еще былъ отличенъ особенною царскою милостію: пожалованы на кивера (шапки) знаки съ надписью «за отличіе» (*).

По случаю заключенія мира, графъ Паскевичъ въ приказѣ по корпусу въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ войскамъ благодарность:

«Вамъ я обязанъ и славою личною, и милостями государя. Съ растроганною душею благодарю васъ, храбрые друзья и сослуживцы!»

Военныя дѣйствія изложенной войны характерно отличаются отъ прежнихъ дѣйствій въ Персіи: Котляревскій бралъ крѣпости штурмомъ, Паскевичъ-же покорялъ ихъ правильною системою блокадъ, осадныхъ работъ и бомбардировокъ; первый достигалъ громкихъ результатовъ мужествомъ, а второй—искусствомъ, трудомъ и терпѣніемъ.

Въ обоихъ случаяхъ солдаты наши одинаково покрыли себя завидною славою.



(*) Высочайшій приказъ, отъ 27-го июня, 1828 г.

ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ.

1828—1829.

ГЛАВА X.

Манифестъ о войнѣ. Прибытіе полка изъ Персіи. Приготовленіе къ новому походу. Разработка дорогъ. Движеніе къ Карсу. Блокада Карса. 20-го іюня зриванцы берутъ турецкій окопъ. Штурмъ Карса. Чума. Движеніе къ Ахалциху. Дѣло 9-го августа. Отличія Кашутина и другихъ. Участіе полка въ штурмѣ Ахалциха. Капитанъ Ротмистровъ съ 4-ю ротю беретъ батарею. Зимнія квартиры.

Императоръ Николай Павловичъ обнародовалъ 14-го апрѣля, 1828 года, манифестъ о войнѣ съ Турціею—съ цѣлью освободить Грецію изъ подъ власти султана, а также для наказанія Оттоманской Порты за нарушеніе бухарестскаго трактата и вообще за враждебное направленіе ея политики противъ Россіи.

Въ это самое время полкъ только-что вернулся въ свою штабъ-квартиру, послѣ двух-лѣтняго персидскаго похода, перенеся немовѣрные лишенія и преодолевъ необычайные труды въ странѣ, разграбленной самимъ непріателемъ, съ отличительно вреднымъ климатомъ, гдѣ смертельный зной лѣта и жестокость зимы равно были гибельны для солдатъ,—такъ что цифра больныхъ въ полку иногда доходила до 500 человѣкъ—слѣдовательно, на 4-хъ приходилось по одному больному. Сверхъ болѣзней и всевозможныхъ лишеній какъ полковой, такъ и ротный обозъ, отъ постоянныхъ движеній въ теченіе двухъ лѣтъ по дорогамъ, мало разработаннымъ, пришелъ въ совершенную негодность и требовалъ капитальнаго исправленія. Мундирную одежду, выслужившую сроки и окончательно изодранную отъ

(*) Полк. арх. Изъ мѣсяч. отчетовъ: въ октябрѣ 1827 г. больныхъ 478 человѣкъ въ декабрѣ—483 ч., въ январѣ 1828 г.—42 ч.

постоянной носки въ теченіе двух-лѣтней бивуачной жизни, также нужно было замѣнить новою. Однако, не смотря на физическое изнуреніе полка и на многія матеріальныя нужды и лишенія, нравственныя силы его были велики. Неутомимые эриванцы въ теченіе мѣсяца успѣли отдохнуть въ своей штабъ-квартирѣ (*) и экипироваться заново, такъ-что въ исходѣ мая дѣйствующіе баталіоны были уже готовы къ новымъ движеніямъ. Генераль Муравьевъ, произведя инспекторскій смотръ полку, нашелъ старыхъ своихъ сослуживцевъ въ наилучшемъ видѣ, о чемъ доложилъ главнокомандующему. По докладу Муравьева, баталіонные командиры удостоились за смотръ получить благодарность по корпусу (**). Послѣ смотра два баталіона выступили на разработку дорогъ: 1-й, подъ командою Кашутина, разработывалъ дурные спуски и подъемы отъ Караклисъ къ Гумрамъ (Александрополю), а второй—отъ Манглиса къ Цалкѣ. Кромѣ этого, команда въ 150 человекъ, подъ начальствомъ поручика Сахновскаго, строила укрѣпленіе на Бешкетѣ (***) на мѣстѣ прежней своей штабъ-квартиры, и разработывала оттуда дорогу къ Гумрамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ полковнику Фридриксу предписывалось: «Въ случаѣ движенія турокъ къ Сураму или Цалкѣ, немедленно идти къ лебединскому посту (возлѣ Цалки) и тѣмъ угрожать неприятелю отрѣзать обратное отступленіе» (****). Между тѣмъ турки все еще не открывали военныхъ дѣйствій и дали возможность Паскевичу, къ 12 іюня, сосредоточить къ Александрополю главныя боевыя силы своего корпуса. Первые два баталіона эриванцевъ, окончивъ свою работу, прибыли туда-же къ 11 іюня, въ числѣ 1393 человекъ; третій же баталіонъ былъ размѣщенъ такъ: рота—на Цалкѣ, двѣ роты—въ Тифлисъ, а женатая рота—въ

(*) Цифра больныхъ къ 1 апрѣля уменьшилась до 130 человекъ.

(**) Пр. по кор., № 135, мая 8 дня, 1828 г., благодарность подпол. Кашутину, Хамуцкому и въ особенности капит. Золотареву.

(***) Приказъ по полку, № 41, отъ 26 апрѣля, 1828 года.

(****) Приказаніе полковнику Фридриксу, отъ 19 апрѣля, 1828 г., № 448. Полк. арх.

Манглисѣ. Вся сила дѣйствующаго отряда, собраннаго въ Александрополѣ, заключалась въ 12,000 пѣхоты и кавалеріи, при 70-ти орудіяхъ.

Нужно сказать, что по общему плану войны, начертанному государемъ императоромъ, надлежало съ нашей стороны какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, потревожить Турцію со всѣхъ сторонъ, и совокупными быстрыми ударами убѣдить Порту въ невозможности борьбы съ Россіею.

Наступательными движеніями кавказскаго корпуса имѣлось въ виду главное—отвлечь силы турокъ изъ Европы. Рѣшительный-же нашъ ударъ императоръ направилъ со стороны рѣки Дуная, гдѣ, находясь при арміи, нерѣдко самъ руководилъ войсками и находился подъ выстрѣлами. Графу Паскевичу предписывалось покорить пашалыки карскій и ахалцхскій.

Главнокомандующій, желая исполнить волю монарха, рѣшился дѣйствовать быстро и смѣло, ибо вполне понималъ, что малочисленный его корпусъ только ловкими маневрами и мужествомъ кавказскаго солдата можетъ побѣдить турецкія полчища и удержать за собою наши мусульманскія провинціи, колеблемыя секретно-официальными воззваніями султана и возбужденныя противъ насъ. Онѣ только ждали появленія единовѣрныхъ турокъ, чтобы возстать на русскихъ поголовно. Ко всему этому: владѣтельница Гуріи, замысливъ измѣну, соединилась съ непріятелемъ; въ аулахъ горцевъ господствовало общее волненіе и вездѣ муллы проповѣдывали войну противъ невѣрныхъ. Требовалось много ума, предприимчивости, энергіи и мужества, чтобы отразить опасности, грозившія кавказскому корпусу.

Наша граница со стороны Азіятской Турціи представляетъ для наступленія четыре входа: одинъ изъ нихъ чрезъ Грузію, по берегу моря,—другой чрезъ боржомское ущелье, третій чрезъ Цалку, а четвертый чрезъ Гумы. Главнокомандующій, тѣмъ

тельно изучивъ границу съ Азіятскою Турціею, рѣшился дѣйствовать наступательно чрезъ Гумры къ Карсу—какъ на пунктъ, самый важный для турокъ, откуда имъ легче всего было вторгнуться во внутрь Грузіи, имѣя позади себя сильную крѣпость Карсъ, гдѣ, въ случаѣ пораженія, они могли укрыться. Намъ же этотъ пунктъ въ данномъ случаѣ представлялъ также не менѣе выгоды: во первыхъ—разрушительному дѣйствию войны подвергалась страна непріятели, а наша была закрыта войсками; во вторыхъ—движеніемъ на Карсъ разрѣзывался операціонный базисъ непріятели почти въ самомъ центрѣ, открывая тѣмъ главному нашему отряду свободный кругъ дѣйствій въ странѣ плодородной и съ хорошимъ климатомъ, гдѣ значительную часть жителей составляютъ армяне—народъ болѣе торговый, нежели воинственный; въ третьихъ—сюда удобнѣе и скорѣе всего было стянуть войска и артиллерию, находившуюся въ эриванской области.

Всѣ войска, которыми располагалъ графъ Паскевичъ передъ открытіемъ войны, заключались въ 45 баталіонахъ пѣхоты, 11 эскадронахъ кавалеріи, 15 казачьихъ полковъ и 11½ ротахъ артиллеріи (*). Изъ этого числа главнокомандующій отдѣлилъ 6 отрядовъ для охраненія границъ Грузіи, такъ-что въ составъ главнаго корпуса поступили только, какъ мы видѣли, 15 баталіоновъ пѣхоты, 6 полковъ кавалеріи и 6½ ротъ артиллеріи.

Графъ Паскевичъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія къ походу, 14-го іюня, по совершеніи молебствія въ походной церкви Эриванскаго полка, двинулъ часть корпуса къ Карсу, подъ личнымъ своимъ начальствомъ; бригада-же генерала Муравьева, состоявшая изъ полковъ (**) Эриванскаго и Грузинскаго, выступила на другой день съ осадною артиллеріею и перепра-

(*) Сводный гвардейскій полкъ и вся уланская дивизія, за исключеніемъ своднаго полка, убыли въ Россію.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 23 іюня, 4728 г., № 97-й, г.-м. Муравьевъ назначенъ начальн. бригады.

вившись, въ 4 верстахъ отъ Гумръ, чрезъ р. Арпачай, вступила на непріятельскую землю. 16-го іюня бригада присоединилась къ корпусу при деревнѣ Пань-Дервань.

Войска имѣли съ собою сорока-дневный провіантъ и 20,000 артиллерійскихъ выстрѣловъ, такъ что транспортъ состоялъ изъ 1848 пудовъ и 2250 выюковъ. Колонны двигались въ тѣсномъ походномъ порядкѣ, а вагенбургъ шелъ въ 7-мъ и даже 8 рядовъ.

На слѣдующій день, 17-го іюня, весь корпусъ ночевалъ при деревнѣ Метко, въ 29 верстахъ отъ Карса. Здѣсь главнокомандующій, осмотрѣвъ съ возвышенности окрестности Карса, утвердился въ предположеніи, относительно преимуществъ осады съ юго-западной стороны, которая представляла ту выгоду, что давала возможность удобно, почти въ тылу крѣпости, стать лагеремъ на арзерумской дорогѣ, и тѣмъ при блокадѣ крѣпости «пресѣчь всякую связь между обѣими крѣпостями, которыя, опираясь другъ на друга, могли поддерживать одна другую». На этомъ основаніи, 18-го числа, пройди въ обходъ 20 верстъ по каменистой дорогѣ, корпусъ остановился влѣво отъ Карса, при селеніи Азаткевъ. Сильный дождь, продолжавшійся во весь день и наканунѣ, затруднялъ маршъ, а всего болѣе пришлось испытать бригадѣ Муравьева, прикрывавшей осадную артиллерію и слѣдовавшей въ арріергардѣ убійственно медленнымъ шагомъ, безпрестанно останавливаясь. . . Къ тому-же нужно замѣтить—карскій пашалыкъ въ то время представлялъ совершенно разоренную страну самими турками. Такъ какъ жители ея преимущественно состояли изъ армявъ, то турки, не довѣряя имъ, насильно увели ихъ въ глубь Анатоліи, а жилища ихъ и хлѣба выжгли, деревья вырубали, колодези завалили и цистерны высушили.

Іюня 19-го графъ Паскевичъ назначилъ занять лагерь при разоренной деревнѣ Кичи-Кевъ, расположенной на большой арзерумской дорогѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ крѣпости; но желая, по возможности, скрыть движеніе вагенбурга на новую

позицію, рѣшился сначала отвлечь вниманіе турокъ. Съ этою цѣлью онъ съ бѣльшею частью корпуса произвелъ рекогносцировку къ Карсу, а другой части войскъ съ вагенбургомъ приказалъ тѣмъ временемъ перейти на кичикевскую позицію. Эриванскій полкъ въ этотъ день однимъ баталіономъ, въ числѣ 822 чел., участвовалъ на рекогносцировкѣ, а другимъ прикрывалъ движеніе вагенбурга.

Рекогносцирующія войска стройно приблизились къ крѣпости. Турки открыли артиллерійскій огонь съ карадахской высоты и изъ крѣпости, а кавалерія ихъ, въ больномъ числѣ, нѣсколько разъ старалась атаковать наши войска, но была отбиваема съ большою потерею. У турокъ убито 100, ранено 200 и взято въ плѣнъ 30 чел.; у насъ убито 12, ранено 39 человекъ.

Пока длилось это дѣло, вагенбургъ сталъ при Кичивкевѣ лагеремъ, который главнокомандующій приказалъ укрѣпить редутомъ и 4-мя люнетами.

Между тѣмъ сераскиръ Галибъ паша, рассчитывая на свои огромныя средства, не принималъ нужныхъ мѣръ къ войнѣ. Къ тому-жъ, онъ еще былъ обманутъ ложными слухами, ранѣе распространившимися, будто-бы графъ Паскевичъ сильно болѣнъ, и что войска его, не имѣя продовольствія, не могутъ наступать.

Какъ вдругъ, сверхъ чаянія враговъ, мечтавшихъ уже о побѣдѣ, Паскевичъ явился 19-го іюня подъ стѣнами Карса — крѣпости, знаменитой въ лѣтописяхъ турецкихъ, защитою противъ грознаго завоевателя Шахъ-Надира, который съ 90/т. полчищемъ тщетно осаждалъ Карсъ въ 1735 году въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ.

Эминъ паша карскій, видя приближеніе русскихъ войскъ, писалъ къ пашѣ Кіуса-Магомедъ арзерумскому, чтобы онъ послѣшилъ на помощь, на что послѣдній отвѣтилъ, что еще неготовъ, и вмѣстѣ съ этимъ присовокупилъ: «Войска твои

храбры, крѣпость твоя неодолима, русскіе малочисленны: умѣй внушить гарнизону, что невѣрныя слабы; мужайся, доколѣ я прибуду.»

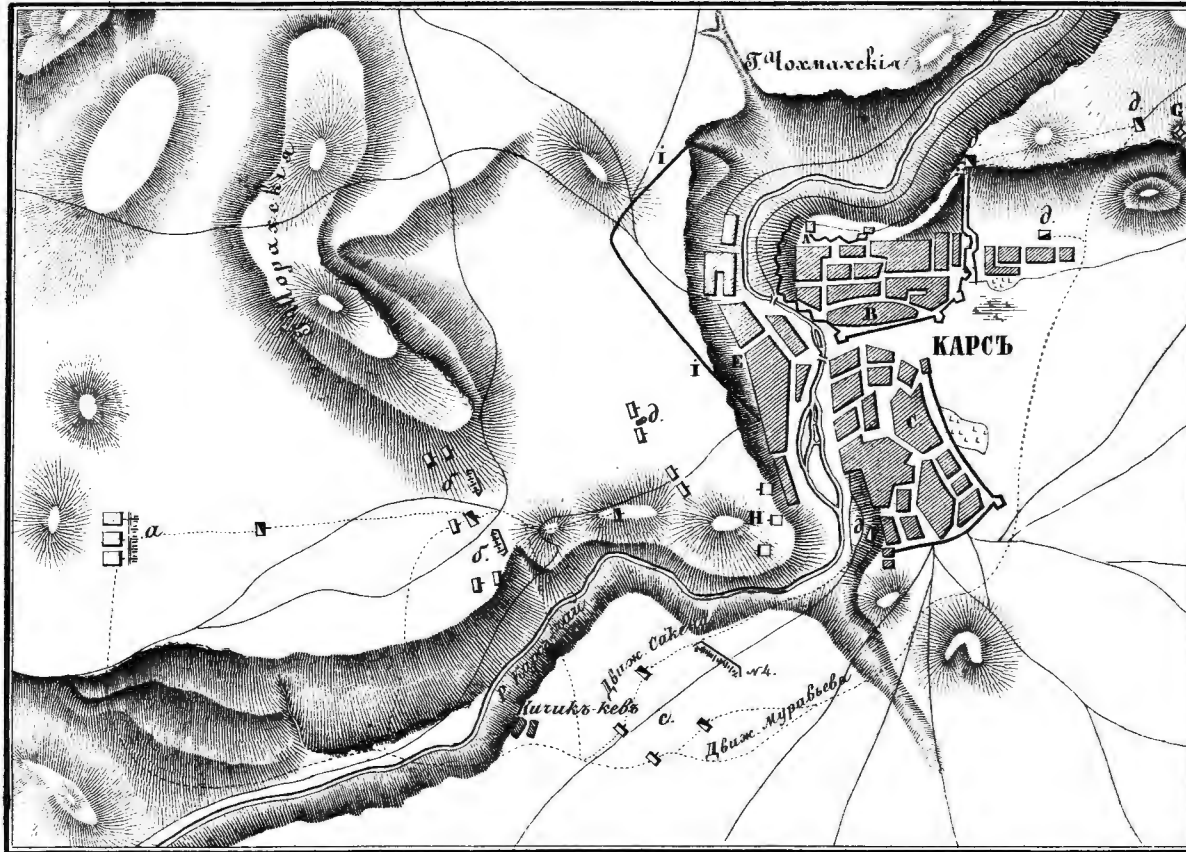
Дѣйствительно, крѣпость по своей выгодной и грозной позиціи была почти неодолима (*). Она расположена въ изгибѣ праваго берега рѣки Карсъ-чая и состояла изъ двойного ряда стѣнъ съ башнями, трехъ цитаделей, вмѣщающихъ одна другую, и нѣсколькихъ наружныхъ укрѣпленій. Сверхъ того, предместье Орто-капи и кладбище, лежащее за рѣкою, на юго-восточной сторонѣ, были приведены въ оборонительное положеніе и прикрыты укрѣпленнымъ лагеремъ, расположеннымъ на возвышенности. Стѣны крѣпости и цитадели, вышиною отъ 14-ти до 28 футовъ, а толщины отъ 3-хъ до 5-ти футовъ, были сдѣланы изъ огромныхъ дикихъ камней. Изъ цитадели, подъ каменными сводами, идетъ подземный спускъ къ рѣкѣ по тремъ-стамъ ступенямъ. Окрестная мѣстность Карса весьма волниста: съ сѣверной стороны возвышаются, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, шарахскія и чахмахскія цѣпи горъ, на правомъ берегу рѣки торчитъ укрѣпленная скалистая высота Карадахъ. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 15/т. пѣхоты и кавалеріи, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 251 орудіе и большіе запасы.

Овладѣть такою крѣпостію—была задача весьма трудная; тѣмъ болѣе, каменный грунтъ не позволялъ открыть траншеи, а для приготовленія фашинъ въ окрестностяхъ не было лѣса; но графъ Эриванскій не колебался обложить крѣпость—онъ надѣялся на своихъ сподвижниковъ, передъ которыми недавно пали персидскія твердыни.

Главнокомандующій, желая осмотрѣть лѣвый берегъ Карсъ-чая, 20-го іюня взялъ съ собою большую часть корпуса и Эриванскій полкъ. Движеніе началось въ два часа по полудни; пѣхота переправилась чрезъ рѣку по арбяному мосту и направлена была къ сѣвернымъ шарахскимъ высотамъ, командующимъ надъ всѣми прочими въ окрестностяхъ Карса.

(*) Воен. сборн. 1868 г., № 9. Черты изъ жизни имп. Николая I-го, стр. 133.

Эриванцы, подъ командою полковника Фридрикса, шли въ авангардѣ. Непріятель, замѣтивъ наше движеніе, выслалъ изъ укрѣпленнаго лагеря конныхъ стрѣлковъ, а по береговымъ скаламъ, въ каменныхъ шанцахъ, засѣла ихъ пѣхота. Вскорѣ новыя пѣшія толпы, выходя изъ крѣпости со знаменами, увеличили число выдвинутыхъ противъ насъ силъ. Главнокомандующій, не желая допустить непріятели укрѣпляться въ виду нашихъ войскъ, выставилъ передъ занятою ими позиціею вторую карабинерную роту Эриванскаго полка съ двумя орудіями и сотнею линейныхъ казаковъ. «Запальчивые и удалые турецкіе наѣздники неупустили случая завязать перестрѣлку»; огонь часъ отъ часу усиливался; карабинеры, не смотря на превосходство силъ противника, подвигались впередъ съ мужествомъ. Тѣснѣйшій непріятели, отступалъ медленно, и будучи прикрываемъ непрерывнымъ огнемъ изъ шанцевъ, держался упорно между разбросанными повсюду камнями. Наступившіе сумерки прекратили было на-время перестрѣлку, но большое сборище въ одномъ мѣстѣ турецкой пѣхоты представило удобный случай отбить у гарнизона охоту къ вылазкамъ,—а потому приказано эриванскимъ ротамъ: 1-й карабинерной, 2-й карабинерной и 1-й егерской съ маіоромъ Долинымъ, и 4 орудіямъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Муравьева, обойти непріятели вправо во флангъ, и сблизясь на картечный выстрѣлъ, послѣ кратковременнаго огня, ударить въ штыки. Эриванцы, какъ только получили приказаніе, рассыпали стрѣлковъ подъ командою прапорщика князя Ратіева, и смѣло бросившись впередъ, ударили въ штыки. Командиръ 1-й егерской роты, штабсъ-капитанъ Музайко, первый съ своею ротою взомель на скалистый бугоръ, защищенный окопами, и сбросилъ оттуда непріятели въ ложбину рѣки. Такимъ образомъ эриванцы овладѣли окопами, сдѣланными изъ камня на самой высокой скалѣ. Напрасно турки, подкрѣпленные свѣжими войсками, старались возвратить укрѣпленную скалу: всѣ атаки непріятели были отбиты и только увеличили въ ря-



ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
Прѣ
КАРСЪ.
 20 и 24 Іюня 1828 г.

Изъясненіе :

- А.** Цитадель.
 - В.** Крепость.
 - С.** Форт. Арта-Капе.
 - Е.** Армянская слобода.
 - Д.** Пред. Байрамъ Паши.
 - Г.** Укр. Кара-дагъ.
 - Н.** Лагерь Турокъ.
 - І.** Непріятельск. укрѣпленія
- а.** Первое полож. Гр. Паскевича
20 Іюня.
- б.** Второе положен. русскихъ.
20 Іюня.
- с.** Полож. Гренад. бриг. 23 числ.
- д.** Движ. Эриван. полка.
- д.** Штурмъ.

дахъ его потерю. Скала въ рукахъ эриванцевъ была неприступна.

Перестрѣлка хотя еще длилась, но вмѣстѣ съ наступающею темнотою ночи постепенно утихала и, наконецъ, замолкла. Карабинеры всю ночь оставались на отбитой ими высотѣ, и только на разсвѣтѣ, по причинѣ сильнаго огня съ карскихъ стѣнъ, получили приказаніе бросить высоту, разрушивъ на ней укрѣпленіе.

За это дѣло полк. Фридриксъ изъявилъ благодарность въ приказѣ по полку слѣдующими словами (*): «20-го іюня; близъ кр. Карса, три роты ввѣреннаго мнѣ полка быстрымъ движеніемъ, имѣя ружья на руку и съ восклицаніемъ ура, опрокинули непріятеля и овладѣли возвышенностію, укрѣпленною оконами и защищаемую значительнымъ числомъ войскъ; я не говорю объ офицерахъ, въ сихъ ротахъ состоящихъ, которые въ полной мѣрѣ поддержали славу полка, издавна заслуженную; изъ нижнихъ чиновъ особенною храбростію своею заслужили вниманіе начальства: 1-й караб. роты унтеръ-офицеръ Василій Букаръ, 1-й егер. роты Афопасій Шафурипъ и 2-й караб. роты рядовой Егоръ Петровъ—достойны награды государя императора. Корпусный командиръ возложилъ на нихъ знаки отличія военнаго ордена.

Атака наша была столь хороша и стремительна, что, не смотря на сильную, упорную защиту турокъ, вся потеря у насъ заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ рядовыхъ; между тѣмъ турки на мѣстѣ оставили 80 тѣлъ. Это новое пораженіе дѣйствительно отняло у нихъ смѣлость къ возобновенію вылазокъ изъ крѣпости и дало возможность ночью заложить первую батарею на лѣвой сторонѣ, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона карабинеръ.

21-го числа 1 и 2-я карабинерныя роты, подъ командою Фридрикса, охраняли устроенную батарею подъ пушечными выстрѣлами, егерскія-же роты обоихъ баталіоновъ расположены были въ резервѣ.

(*) Прик. по полку, № 77, отъ 22-го іюня, 1828 г.

Всю ночь, 22-го іюня, оба баталіона участвовали въ работѣ при заложеніи главной батареи на правомъ берегу Карсчяа. Съ величайшею осторожностію и поспѣшностію производилась эта работа въ 160 саженьяхъ отъ непріятельскаго лагеря и подъ пушечнымъ огнемъ,—но, по причинѣ глубокой темноты, выстрѣлы мало нанесли вреда.

Только у прапорщика Ратіева оторвало ядромъ руку въ то самое время, когда онъ помогалъ работать солдатамъ.

Усердіе войскъ доставило возможность окончить работу ночью, не смотря на чрезвычайную твердость каменистаго грунта.

На разсвѣтъ 23-го іюня была уже открыта общая бомбардировка русскихъ батарей по крѣпости. Турки съ своей стороны усилили канонаду и преимущественно направили выстрѣлы противъ главной батареи, гдѣ находились два баталіона эриванцевъ и въ резервѣ два баталіона грузинцевъ.

Почти одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня на нашемъ лѣвомъ флангѣ, застрѣльщики отъ егерскихъ полковъ вступили въ перестрѣлку съ непріателемъ, засѣвшимъ у чахмаскихъ высотъ на кладбищѣ. Вслѣдъ затѣмъ введены въ дѣло резервы, которые, опрокинувъ турокъ, на плечахъ ихъ ворвались въ укрѣпленный лагерь и армянскую слободу. Въ это самое время прибылъ на главную батарею графъ Паскевичъ, откуда, осмотрѣвъ съ какимъ успѣхомъ и мужествомъ наши войска отбѣснили турокъ, рѣшилъ воспользоваться неудачею непріятеля; на этомъ основаніи всѣмъ войскамъ приказано готовиться къ штурму, который Паскевичъ предполагалъ начать только 25-го іюня, въ день рожденія покойнаго императора Николая Павловича.

Войскамъ лѣваго фланга, начавшимъ такъ блистательно штурмъ, дано приказаніе отстоять занятые ими пункты и укрѣпить восточную высоту, а вслѣдъ затѣмъ генералу Савену приказано съ 1-мъ баталіономъ карабинеръ и двумя ротами

грузинцевъ взять предмѣстіе Орта-капи, защищаемое двумя бастионами. Привыкшій къ побѣдамъ подполковникъ Капутинъ, смѣло повелъ свой баталіонъ чрезъ ровъ и каменную стѣну на приступъ, и никакія непріятельскія усилія не могли остановить храбрыхъ солдатъ, предводимыхъ любимымъ начальникомъ. Они, пройдя подъ картечнымъ огнемъ, въ одно мгновеніе очутились передъ глазами оторопѣвшихъ турокъ, вступили въ рукопашный бой, и смявъ непріятеля, сбросили его съ батарей.

При этой молодецкой схваткѣ подпоручикъ Летвиновъ и прапорщикъ Давыдовъ лично взяли съ бою по знамени; первая егерская рота штабсъ-капитана Музайки взяла батарею съ 3-мя орудіями, 2-я егерская рота подпоручика Елисуйскаго взяла съ бою четыре знамени и 3-я егерская рота взяла одно знамя. Весь-же трофей, отбитый въ предмѣстіи Орта-капи, 9 знаменъ и 4 орудія—послѣднія сейчасъ были обращены противъ цитадели.

Штурмъ шелъ успѣшно на всѣхъ пунктахъ, но неприступный Карадагъ еще находился въ рукахъ турокъ, гдѣ сгруппировались выбитыя изъ передовыхъ укрѣпленій непріятельскія войска и наносили оттуда вредъ нашимъ батареямъ. Главнокомандующій для овладѣнія Карадагомъ назначилъ Муравьева. Надлежало пройти къ Карадагу открытымъ мѣстомъ, обстрѣливаемымъ перекрестно,—но такъ какъ турецкія батареи были обращены противъ нашихъ батарей, то непріятель не могъ сюда направить сильнаго огня. Это обстоятельство дало возможность счастливо пройти къ Карадагу.

Дорогою одна рота карабинеръ, отдѣлившись отъ колонны, бросилась въ предмѣстіе Байрамъ-наши и овладѣла имъ. Турки осыпали съ Карадага колону картечнымъ огнемъ, но, не смотря на частые выстрѣлы и на крутизну подъема, карабинеры съ барабаннымъ боемъ и побѣдоноснымъ крикомъ ура поднялись на верхъ горы, откуда, уstraшенные турки, недождавшись русскихъ штыковъ, бѣжали въ страхѣ, оставивъ

въ редутъ и шанцахъ два знамя и 4 пушки. Взятая артиллерія сейчасъ-же была обращена эриванцами на крѣпость и вмѣстѣ съ другими нашими батареями заставила умолянуть на восточномъ фасѣ крѣпости всѣ орудія, къ Карадагу обращенныя.

По взятіи карадагскаго укрѣпленія, 4-я егерская рота капитана Ротмистрова была послана съ подполковникомъ Хамутскимъ для пересѣченія дороги выбѣгавшему изъ крѣпости гарнизону. Рота, предводимая опытными начальниками, ловкимъ и быстрымъ маневромъ заставила непріятели вернуться въ крѣпость, взявъ при этомъ 8 человѣкъ турокъ въ плѣнъ.

Блистательный успѣхъ нашъ не остался безъ важнѣйшихъ послѣдствій. Застрѣльщики наши, разсыпанные впереди, стали приближаться къ крѣпости, и будучи поддержаны общимъ движеніемъ колопъ, пробрались подъ самыя стѣны и мгновенно охватили ихъ съ южной и западной стороны. Неприсятели, испуганный общимъ нашимъ успѣхомъ и тѣснымъ отовсюду, успѣлъ только сдѣлать нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ изъ крѣпости по наступающимъ нашимъ войскамъ. Наши солдаты, ободряемые начальниками, прошли черезъ картечный огонь и по плечамъ товарищей перелѣзли во внутрь крѣпости, отбили ворота, заваленныя камнями, и въ одну минуту овладѣли ближайшими башнями съ 25-ю пушками. Турки обратились въ бѣгство, предоставивъ намъ съ 8 часовъ утра полное обладаніе крѣпостію. Паша, потерпѣвши вездѣ пораженіе и не надѣясь на неприступность цитадели, приказалъ прекратить огонь, и въ знакъ покорности выставилъ на стѣнахъ цитадели два бѣлыхъ знамени, а вслѣдъ за этимъ прибылъ парламентеръ съ испрошеніемъ пощады. Графъ Паскевичъ-эриванскій предложилъ слѣдующія условія: 1) чтобъ паша со всѣми взятыми въ плѣнъ призналъ себя военноплѣннымъ и 2) чтобъ войска, находившіяся въ цитадели, положили оружіе, послѣ чего имъ дозволено будетъ разойтись по домамъ. Вмѣстѣ съ этимъ условіемъ графъ Паскевичъ написалъ къ пашѣ слѣдующую до-

стопримѣчательную записку: «Пощада повиннымъ—смерть непокорнымъ; часъ времени на размышленіе» (*).

Гарнизонъ сталъ колебаться. Карабинеры вмѣстѣ съ другими частями войскъ были придвинуты къ цитадели. Грозный видъ штурмующихъ колонъ наводилъ цѣпенѣющій страхъ на турокъ и папу, такъ что онъ рѣшился подписать все условія капитуляціи и наши войска съ распущенными знаменами, музыкой и удалой солдатской пѣсней заняли неприступную цитадель въ ту рѣшительную минуту, когда со стороны Арзерума наши патрули стали открывать приближеніе войскъ Кіосъ-Магомедъ паши, спѣшившаго на помощь къ гарнизону.

Такимъ образомъ пала одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Азіатской Турціи, и ея славное покореніе должно причислить къ тѣмъ блестящимъ военнымъ подвигамъ, которыми прославилась кавказская армія. Этимъ подвигомъ можетъ вполнѣ гордиться Эриванскій полкъ, какъ принимавшій самое дѣятельное участіе въ покореніи.

Награды за штурмъ:

Полковникъ Фридриксъ . . .	орденъ св. Георгія 4-й ст.	
Шт. канит. Музайко	} Св. Владиміра 4-й ст. съ бан-	
Подпоруч. Литвиновъ		томъ.
Штабсъ-капитаны: Рудневъ . . .	} Св. Анны 3-й степени.	
		Ещенко . . .
Поручики: Петровъ . . .		
		Ониковъ . . .
Подпоручики: Ратіевъ . . .		
	Афонасьевъ . . .	
	Потебня . . .	
Подполковн. Кашутинъ . . .	} Золотыя шпаги съ надписью	
Маіоръ Долинъ . . .		«за храбрость».
Поручики: Мищенко . . .	} Анны 4-й ст.	
		Сагиновъ . . .
Подпоруч. Анбаровъ . . .		

(*; Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828—1829 г., соч. Ушакова.

Прапорщики: вн. Амераджибовъ. }
Газіушъ. } Анны 4 степ.
Давидовъ. } (*)

Въ крѣпости, цитадели и въ предмѣстіяхъ взято всего: 33 знамени, бывшія при 15,000 гарнизонѣ, 22 мортиры, 129 орудій, 7,000 пуд. пороха, 1000 пуд. свинца и 6000 четвертей муки. Уронъ непріятель потерпѣлъ убитыми и ранеными до 2000 человекъ и взятыми въ плѣнъ во время боя 1361 человекъ. Изъ рядовъ русскаго корпуса въ день штурма убыло до 400 человекъ, въ томъ числѣ карабинеръ убито 4 и ранено 10 (**).

Въ день рожденія государя императора, 25 іюня, совершено было подѣ стѣнами Карса благодарственное молебствіе за побѣду, а главнокомандующій выразилъ войскамъ свою признательность въ слѣдующихъ словахъ:

«Храбрые воины!

Послѣ знаменитыхъ побѣдъ вашихъ въ Персіи, встрѣтились вы съ новымъ врагомъ подѣ стѣнами Карса. 19 іюня дерзнули турки сразиться съ вами въ полѣ, но бывъ жестоко наказаны, едва успѣли они спастись позади своей многочисленной крѣпостной артиллеріи. Потомъ въ четыре дня заложены батареи наши подѣ самою крѣпостію, почитавшеюся доселѣ неприступною; 151 пушка, 7000 гарнизона и 4-хъ-тысячный кавалерійскій корпусъ составляли ея оборону. Но мужеству вашему не было препоны—на достопамятномъ приступѣ, 23-го іюня, овладѣли вы стѣнами и башнями непріятеля и его недосыгаемою цитаделью. Знамена, плѣнники и прочіе трофеи свидѣтельствуютъ о вашемъ подвигѣ. Государю императору пріятно будетъ услышать о семъ новомъ торжествѣ оружія русскаго.

Взгляните, храбрые товарищи, на тотъ утесъ, гдѣ нынѣ развѣвается знамя Имперіи,—на то мѣсто, отъ котораго силь-

(*) Прик. по полку, № 76, отъ 7 августа уже 1829 года.

(**) Мѣсячные отчеты за 1828 г. Полк. арх.

ное воинство Надиръ-шаха, послѣ долговременной осады, отступило; вспомните о числѣ своемъ и вознесите теплую молитву къ Господу силъ за дарованную вамъ знаменитую побѣду» (*).

Окончивъ парадъ, карабинеры выпили пожалованную крышку спирта, поздравили молодыхъ кавалеровъ, удостоившихся въ этотъ день на парадѣ получить за штурмъ знаки отличія военнаго ордена, и завели оживленные разговоры о своей боевой жизни. Старики солдаты были убѣждены въ успѣхѣ этой войны и убѣжденіе это поддерживалось блистательнымъ началомъ кампаніи. Они свои замѣчанія и разныя примѣты сообщали молодымъ солдатамъ.

Но среди этого торжества нашимъ войскамъ пришлось испытать тяжелое бѣдствіе: въ Карсѣ онѣ заразились чумою.

Въ полку были приняты всѣ мѣры къ уничтоженію ея. Вещи, купленные солдатами въ Карсѣ, были сожжены или очищены водою. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, выдано по 10 коп. сер. на покупку перчатокъ, безъ которыхъ воспрецалось ходить. Ежедневно два раза медики осматривали роты; во время сильныхъ жаровъ нижнимъ чинамъ назначено было купанье. Лагерь перенесенъ на болѣе удобное мѣсто, вверхъ по Карсъ-Чаю, такъ какъ кичикевская позиція была сжата и находилась вблизи Карса. Рѣшительныя дѣйствія какъ полкового командира, такъ и ротныхъ, остановили чуму въ самомъ началѣ, такъ что въ полку было только двое больныхъ чумою; между тѣмъ какъ въ теченіи 20 дней въ корпусѣ погибло отъ чумной заразы до 263 человекъ и столько же было заболѣвшихъ.

Время, употребленное для прекращенія чумной заразы, не было совершенно потеряно и въ военномъ отношеніи. Бригада Муравьева, въ составѣ которой и два баталіона эриванцевъ, была двинута по дорогѣ къ р. Ардагану для открытія отряда

(*) Прмк. по корпусу за 1828 г.

Кіосъ-Магомедъ-паши. Эта бригада, въ авангардѣ которой шли эриванцы, 29-го іюня, въ день Петра и Павла, приблизилась къ селенію Магарѣ, гдѣ нѣсколько армянскихъ семействъ добровольно перешли на нашу сторону. На другой день авангардъ на 25 верстѣ сдѣлалъ движеніе впередъ и получивъ точныя свѣдѣнія объ отступленіи Кіосъ-Магомедъ-паши къ столицѣ Анатоли, вернулся къ главной колоннѣ, а 1-го іюля и весь отрядъ Муравьева снова присоединился къ корпусу.

По прекращеніи чумы, главнокомандующій, для охраненія Карса, отдѣлилъ семь батал. пѣхоты, четыре кавалерійскихъ полка и 48 орудій, а для усиленія корпуса потребовалъ резервы изъ Грузіи, въ томъ числѣ и 3-й баталіонъ эриванцевъ съ жеватой ротой. Сдѣлавъ такого рода распоряженія, опъ 12-го іюля двинулся къ Ахалциху, по чтобъ скрыть свое намѣреніе, войска сдѣлали одинъ переходъ по дорогѣ къ Арзеруму и потомъ круто поворотили на ахалкалакскую дорогу. Эриванцы шли въ рядахъ главнаго корпуса, преодолевая немовѣрные труды при переходѣ чрезъ высокія чалдырскія горы, гдѣ на каждомъ шагѣ приходилось разрабатывать дорогу для провоза артиллеріи и обоза.

Во время слѣдованія къ Ахалциху взята штурмомъ 25-го іюля крѣпость Ахалкалаки, а вслѣдъ затѣмъ безъ сопротивленія сдалась крѣпость Хартвисъ отряду барона Остенъ-Сакена, въ рядахъ коего находился 3-й баталіонъ эриванцевъ, только что прибывшій 24-го іюня въ походъ, на позицію подъ Ахалкалаками. Этимъ баталіономъ и состоявшимъ изъ 1,105 штыковъ, командовалъ маіоръ Долинъ. Въ составѣ 3-го батал. находилась, какъ мы упомянули, жеватая рота, такъ что Манглисъ остался неприкрытымъ.

Отъ Ахалкалакъ ведутъ двѣ дороги къ Ахалциху: одна, каменистая, чрезъ кр. Ардаганъ—160 верстѣ, а другая, кратчайшая, чрезъ горы Цихеджвари и Цхеписъ-Цхали, считавшаяся непроходимой—по ней всего 60 верстѣ. Главнокомандующій, на-

дѣясь на испытанное терпѣніе и бодрость своихъ войскъ, сталъ слѣдовать кратчайшимъ путемъ черезъ горы, желая тѣмъ выиграть время. Увѣренность его въ своемъ войскѣ вполне оправдалась. Никакіе труды, никакія преграды неостановили храбрыхъ, испытанныхъ солдатъ. Эриванцы, слѣдуя при осадной артиллеріи, каждое орудіе на крутыхъ спускахъ и подъемахъ снимали съ лафетовъ и посредствомъ канатовъ тащили цѣлыми ротами.

Въ три перехода, осиливъ крутые утесы и глубокія ущелья, покрытыя густымъ лѣсомъ, эриванцы послѣдними спустились въ долину Куры.

4-го августа корпусъ расположился лагеремъ въ 6½ верстахъ отъ Ахалциха, при рѣчкѣ Ахалцихъ-чай. Въ этотъ-же день на подкрѣпленіе Ахалциха явился подъ его стѣнами Кіосъ-паша съ 30 тысячъ арміею и расположился въ трехъ лагеряхъ.

Утромъ слѣдующаго дня Паскевичъ, желая занять подъ лагерь восточныя высоты, командующія надъ крѣпостію, началъ переправу въ бродъ черезъ р. Куру, которая имѣла не болѣе 1½ арш. глубины, а ширина въ этомъ мѣстѣ равнялась 40 саженьямъ. Въ первой боевой линіи шли три баталіона эриванцевъ съ двумя баталіонами Ширванскаго полка. Пройдя три версты, войскамъ данъ двухъ-часовой отдыхъ по причинѣ ужасной, удушливой жары, отъ коей люди и лошади изнемогали. Между тѣмъ турецкіе наѣзники, вообразивъ, что русскіе уклоняются отъ боя, цѣлыми толпами открыли джигитовку предъ нашими разсыпанными застрѣльщиками, и увлекаясь своею удалю, близко подѣхали къ цѣпи; тогда наши стрѣлки ружейнымъ огнемъ, а артиллерія картечью охладили ихъ порывъ. Въ четыре часа по полудни жара спала и колонны двинулись съ барабаннымъ боемъ и пѣснями къ означеннымъ высотамъ. До 6 часовъ вечера непріятель держался на ближайшихъ высотахъ, примыкающихъ къ городу; но лишь только нашъ вагенбургъ переправился къ новому лагерю, по лѣвую

сторону Куры, какъ большія толпы ихъ полудиковой конницы, спрятанной до того въ ложбинѣ, совершенно неожиданно бросились на фланги, стараясь прорваться къ обозу чрезъ нашъ правый флангъ,—но тутъ стояли Кашутинъ и Хамуцкій съ своими баталіонами, подъ общою командою генерала Муравьева. Папоръ турокъ былъ встрѣченъ батальнымъ и картечнымъ залпомъ и дружнымъ ура. Тогда непріятель, видя невозможность прорваться чрезъ непоколебимые штыки эриванцевъ, бросился лѣвѣе, но и тамъ былъ отбитъ. Такимъ образомъ, первую турецкую атаку подъ Ахалцихомъ выдержали эриванцы и выдержали стойко, чѣмъ положили славное начало для дальнѣйшихъ побѣдъ.

Вечеромъ русскій корпусъ занялъ лагерь на отбитой нами высотѣ, на полтора пушечныхъ выстрѣла отъ крѣпости, и сейчасъ приступилъ къ постройкѣ нѣсколькихъ редутовъ. Между строящимися редутами учреждено было осадное депо подъ прикрытіемъ двухъ ротъ карабинеръ 1-го баталіона, а три роты 3-го баталіона, подъ командою майора Агеева, почти всю ночь работали батареею.

Утромъ, при солнечномъ освѣщеніи, открылся передъ русскими войсками Ахалцихъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. Ахалцихъ основанъ кавказскими удалцами на неприступныхъ скалахъ и утесахъ «словно орлиное гнѣздо». Его окружаютъ возвышенности: противъ сѣверной стороны крѣпости поднимаются самыя высокія карталинскія горы, противъ восточной стороны, за рѣкой Повсхой-чаемъ, гора Туаманъ-топа,—противъ западной—гора Кая-дагъ, а югъ заслоняетъ крутая скала. Ахалцихъ служилъ притономъ для буйной вольницы разныхъ вѣръ и племенъ, находившей въ немъ безопасное убѣжище. Въ данномъ случаѣ Ахалцихъ славился во всей Анатолиі воинственнымъ духомъ своихъ обитателей, велъ дѣятельную торговлю съ сосѣдними столицами, заключалъ въ стѣнахъ своихъ до 5 тысячъ жителей, и съ тѣхъ поръ, какъ достался во владычество султана, уже около 3-хъ столѣтій, не

видалъ на стѣнахъ своихъ чуждыхъ знаменъ. Собственно крѣпость возвышается на обрывистой скалѣ лѣваго берега Посховъ-чая. Обороню ей служили необыкновенно твердыя и высокія стѣны, окружавшія всю крѣпость и городъ, а также трехъ-ярусный огонь 62 орудій: первый ярусъ или нижній составлялъ полисадъ съ соединяемыми имъ бастіонами, второй—стѣны крѣпости, а самый верхній—цитадель, обстрѣливавшая всѣ укрѣпленія. Наконецъ, всѣ дома въ Ахалцихѣ представляли укрѣпленные замки съ башнями и бойницами.

Въ этой неприступнѣйшей твердынѣ укрывался 10 тыс. гарнизонъ, состоявшій изъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Сверхъ того, возлѣ крѣпости стояли на укрѣпленныхъ высотахъ 4 турецкихъ лагеря, гдѣ подъ общимъ начальствомъ Кіось-магомеда находилось до 28 тыс. полевого войска, съ 15 орудіями.

Съ 6-го августа открыта бомбардировка крѣпости и все это время, до 9-го числа, эриванскіе баталіоны съ особеннымъ усердіемъ строили ночью батареи, а днемъ ихъ прикрывали. Непрiятельская атака 5-го августа навела главнокомандующаго на мысль: пока вспомогательныя турецкія войска Кіось паши будутъ поддерживать крѣпость съ внѣшней стороны, то мы не можемъ имѣть надлежащаго успѣха въ осадѣ, а кромѣ того, сами можемъ подвергаться непріятельскимъ нападеніямъ; на этомъ соображеніи Паскевичъ рѣшился отбить отъ Ахалциха полевыя турецкія войска. Съ этою цѣлью онъ изъ боржомскаго ущелья присоединилъ къ 12/т. корпусу отрядъ генерала Попова, въ числѣ 1800 челов., при 4-хъ орудіяхъ; затѣмъ графъ Паскевичъ предположилъ 9-го августа атаковать, на разсвѣтѣ, Кіось-Магомедъ пашу, чтобъ уничтоженіемъ его лагерей лишить гарнизонъ главныхъ вспомогательныхъ средствъ, и тогда всѣми силами приступить къ осаднымъ работамъ. Рѣшившись на столь отважное предпріятіе, отъ котораго зависѣла не только участь осады и слава оружія, но вмѣстѣ судьба и безопасность цѣлаго Закавказья—главнокоман-

дующій собралъ военный совѣтъ, на коемъ всѣ единодушно одобрили его предпріятіе.

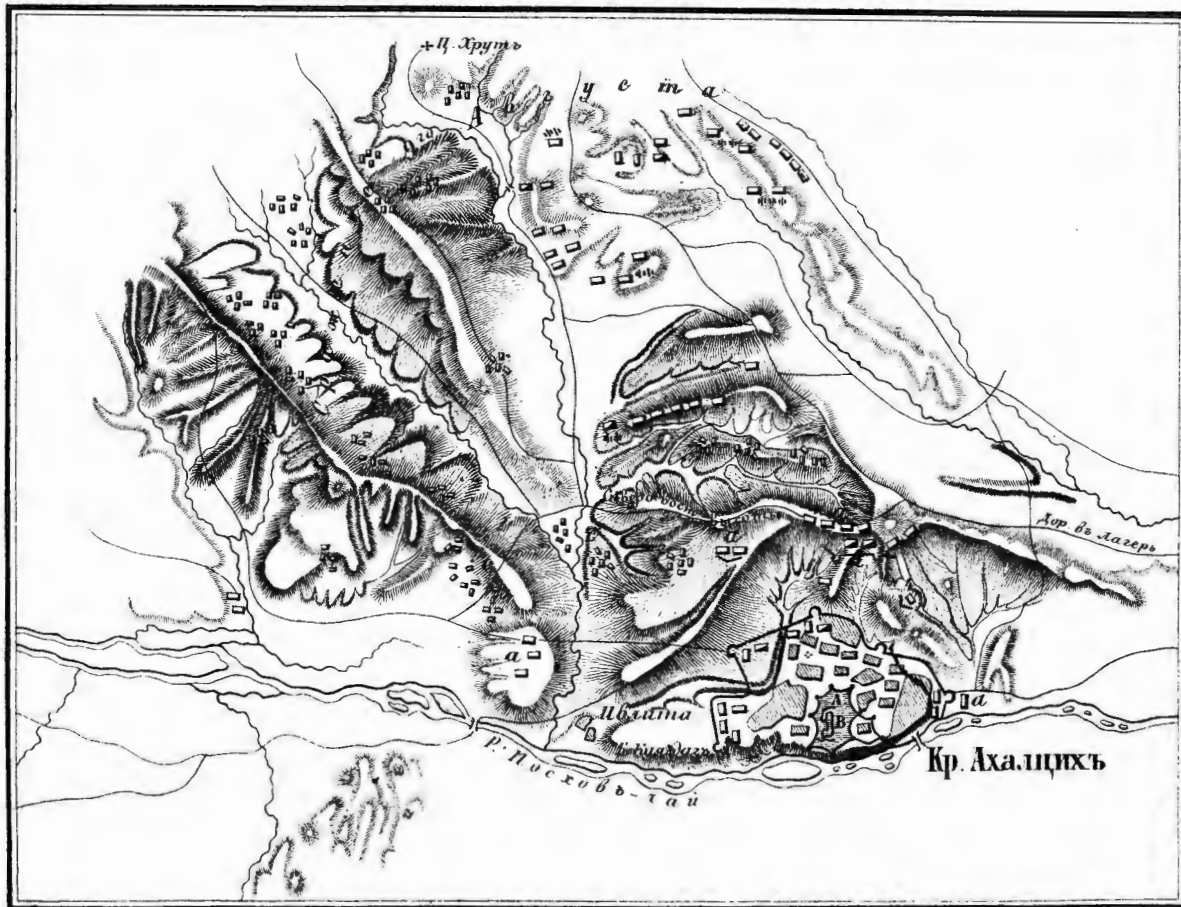
Войска раздѣлены были на двѣ части: пяти баталіонамъ, въ томъ числѣ 1 и 2 баталіоны эриванцевъ, поручено, подъ командою генераль-маіора Муравьева, охранять осадный лагерь; а остальные восемь баталіоновъ, вся кавалерія и 25 орудій предназначились въ дѣло.

Походъ объявленъ въ 2 часа ночи; въ составъ боевой колонны поступилъ 3-й баталіонъ эриванцевъ, предводимый маіоромъ Долинымъ. Войскамъ нужно было обойти турокъ на разстояніи 10 верстъ. Тихо, въ темнотѣ ночи, баталіонъ эриванцевъ съ разсыпанными патрулями двигался въ авангардѣ не болѣе какъ въ 100 саженьяхъ вправо отъ непріятельскихъ пикетовъ. Къ сожалѣнію, краткость лѣтней ночи и встрѣченныя препятствія на пути при переходахъ черезъ глубокіе овраги не дозволили нашимъ войскамъ ночью напасть врасплохъ на турокъ (*). Разсвѣтъ засталъ нашу главную колону почти въ трехъ верстахъ отъ турокъ, такъ что конница Кіоса успѣла уже занять высоты, прикрывавшія ихъ первой и второй лагерь, а пѣхота построилась позади, упираясь правымъ флангомъ въ крѣпость. Черезъ полчаса нашъ отрядъ выдвинулся на высоту, имѣя передъ собою ручей, протекающій въ глубокомъ оврагѣ,—но такъ какъ эта позиція была невыгодна для нашихъ войскъ, то отрядъ усиленнымъ шагомъ перешелъ черезъ оврагъ на высоту, лежащую по правую сторону ручья. Пока наши войска строились въ боевой порядокъ на вновь взятой позиціи, наши успѣли сосредоточить свои силы до 30,000 чел., и въ 6 часовъ утра первые повели атаку на нашъ отрядъ, но картечный огонь и мужественная стойкость русскихъ баталіоновъ принудили турокъ пріостановиться. Открылась канонада. Графъ Паскевичъ рѣшился сохранять оборонительное

(*) Херсонскій препадержскій полкъ, находившійся въ аріергардѣ у прикрытія транспорта аробъ съ артиллерійскими запасами, по ошибкѣ сбился съ дороги влѣво, къ сел. Тамансь, и остановка, отъ того происшедшая, задержала всѣ войска около получаса.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

При крѣпости Ахалцихъ 9 Августа 1828 г. и штурмъ этой крѣпости
15^{го} Августа.



Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 1 верст.
Самоц. 500. 1000, 1500, 2000. 1. 2 вер.

Сраженіе 9^{го} Августа
 ▣ Зриванскій полкъ
 ▣ Прогіе части російскихъ войскъ
 ▣ Турецкія войска

Штурмъ
 ▣ а. Россійскія войска.
 ▣ д. Зриванскій полкъ.
 ▣ с. Турецкія войска.
 + Орудія.

положеніе до тѣхъ поръ, пока непріятель, утомясь атаками, не предоставитъ намъ удобнаго момента для наступленія.

Въ 7 часовъ утра, подъ распущенными знаменами, масса лучшей турецкой пѣхоты съ крикомъ возобновила атаку, пытаясь достигнуть къ нашему центру по дну глубокаго оврага, который прорѣзывалъ широкую лощину, находившуюся передъ нами. Для удержанія натиска высланъ впередъ Херсонскій гренадерскій полкъ. Громадная масса непріятельской пѣхоты и кавалеріи окружила гренадеръ; но, къ чести русскихъ солдатъ, обычная стойкость ихъ была непоколебима—они, построившись въ каре, отражали непріятеля, вступая даже въ рукопашныя схватки. Въ этомъ бою застрѣльщицы цѣпь отъ 2-го бат. херсонцевъ, разсыпанная по гребню высоты, была стремительно атакована непріятельскою конницею, такъ что не имѣла возможности отступить къ стоявшему позади каре. Тѣмъ не менѣе, храбрые херсонцы, составивъ кучки, смѣло встрѣтили ударъ. Турки нѣсколько разъ повторяли нападеніе, но всякій разъ были отбиваемы. При этомъ случаѣ горсть херсонцевъ 2-го бат. цѣлую четверть часа была окружена превосходнымъ числомъ турецкой кавалеріи. Солдаты, не успѣвая заряжать ружей, защищались штыками и прикладами; нѣкоторые-же, у которыхъ ружья въ бою были переломлены, поражали непріятеля камнями, не отступая ни шагу. Когда-же гренадеры стали изнемогать отъ неровнаго боя, то главнокомандующій выдвинулъ впередъ 3-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка и баталіонъ егерей.

Бѣглымъ шагомъ спустились съ высоты карабинеры и мужественно бросились къ тому мѣсту, гдѣ въ узкихъ изгибахъ оврага стояла непріятельская пѣхота.

Турки съ необычайною стокойстію и запальчивостію встрѣтили батальнымъ огнемъ эриванцевъ и вступили съ ними въ упорный бой. Третій баталіонъ, давно небывшій въ дѣлѣ, съ безпримѣрною отвагою и рѣшимостію ударилъ въ штыки. Кровь полилась ручьями. Почти всѣ офицеры дрались въ рукопаш-

номъ бою. Не смотря на убыль въ рядахъ эриванцевъ, атака слѣдовала за атакой, и вскорѣ мужество карибинеръ восторжествовало надъ многочисленностію враговъ. Еще разъ ротные командиры—штабсъ-капитаны Калпинскій, Гурамовъ и Кириловъ—сомкнули роты и такъ отчаянно бросились впередъ, что турки, потерявъ при этой схваткѣ два знамя и защищаемый ими мостикъ, бѣгомъ стали отступать. Одно изъ этихъ знаменъ взялъ рядовой женатой роты Андрей Карповъ. Онъ до настоящаго времени проживаетъ военнымъ поселяниномъ въ Манглисѣ и на груди у него виситъ крестъ Георгія за этотъ молодецкій подвигъ.

Эта, однако, мощная битва дорого стоила эриванцамъ—градъ пуль и картечи вырвали храбрѣйшихъ изъ рядовъ; убиты: подпоручики—Ляшевскій, Дубровскій (командовавшій застрѣльщиками), прапорщикъ Енютинъ и нижнихъ чиновъ 25 человекъ; ранены ротные командиры и штабсъ-капитаны: 3-й карибинерной роты—Калпинскій, 7-й роты—Кириловъ и 8-й роты—Гурамовъ; прапорщики—кн. Вачнадзе и Джаваховъ и нижнихъ чиновъ 49 человекъ.

Турки, утомленные усталостію и чрезвычайнымъ зноемъ, на-время прекратили атаку, но въ два часа по полудни стали снова усиливаться противъ нашего центра, и битва снова началась. Около четырехъ часовъ по полудни, графъ Эриванскій, замѣтя утомленіе непріятели, потребовалъ свѣжія части своихъ войскъ изъ лагеря, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ эриванцевъ. Когда пришелъ ресурсъ, то Паскевичъ, объѣхавъ баталіоны, объявилъ имъ наступленіе. Вслѣдъ за тѣмъ войскамъ праваго фланга приказалъ вести фальшивую атаку на непріятельское лѣвое крыло. Турки стали усиливаться на этомъ пунктѣ, опасаясь, чтобъ наша кавалерія не проникла въ ихъ лагерь; тогда графъ Паскевичъ далъ приказаніе атаковать правый флангъ непріятели, упиравшійся въ крѣпость и прикрытый шанцами. Этой послѣдней и рѣшительной атакой графъ желалъ отрѣзать непріятели отъ крѣпости.

Турки съ изумленіемъ смотрѣли на наше движеніе, не понимая цѣли. Генераль Корольковъ первый повелъ егерей на штурмъ шанцевъ, но непріятель выдержалъ подходъ колонны и въ 40 саженьяхъ открылъ столь убійственный огонь, что егеря остановились; тогда турки, выбѣжавъ изъ укрѣпленія, бросились на егерей въ кинжалы, но въ этотъ моментъ справа прибылъ Ширванскій полкъ, а слѣва первый баталіонъ эриванцевъ, предводимый подполковникомъ Кашутинымъ. Эриванцы и ширванцы дружно ударили въ штыки и на плечахъ турокъ, покрывая дорогу непріятельскими тѣлами, ворвались въ шанцы, которые непріятель, послѣ непродолжительной борьбы, поспѣшилъ очистить, а также бросилъ свой лагерь, стоявшій позади укрѣпленія. Эриванцы въ этотъ моментъ боя взяли два знамя и овладѣли батареею изъ 2-хъ орудій, но эта добыча запечатлѣна кровью многихъ отважныхъ эриванцевъ; ранены: подполковникъ Кашутинъ—въ то время когда взбирался на брустверь; ротный командиръ, поручикъ Ониковъ—въ рукопашномъ бою, кинжаломъ въ два пальца; командующій 2-ю егерскою ротою, поручикъ Мищенко—прострѣленъ пулею въ грудь на вылетъ и командиръ 3-й егерской роты поручикъ Елисуйскій—убитъ, а также убито 7 и ранено 28 человекъ нижнихъ чиновъ (*).

Быстрое овладѣніе однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ непріятельской позиціи рѣшило перевѣсъ битвы въ нашу пользу. Въ рядахъ турокъ распространилось смятеніе и общая паника. Они, почти безъ сопротивленія, отдали еще два лагеря и были гонимы безостановочно около 20 верстъ нашей кавалеріей, подкрѣпленной пѣхотой, въ составѣ которой находился третій баталіонъ карабинеръ; при чемъ отбитъ еще 4-й лагерь, бывшій въ сел. Ашага-памачъ. Въ немъ взято одно знамя и 5 орудій, изъ которыхъ три взяты съ бою. Убитыми и ранены-

(*) Всего убито эриванцевъ въ этотъ день 33 и ранено 83 человека. Кстати, надобно замѣтить, что больше всего убито и ранено изъ женатой роты, а именно 31 челов. Знамя ихъ разрѣшено главнокомандующимъ выдать пайки. Приказъ по полку, № 303, отъ 11-го августа, 1828 года.

ми неприятель потерялъ во время слѣдованія 1200 человекъ и плѣнными 500 человекъ. Такимъ образомъ, къ стыду турокъ, оба вспомогательные корпуса ихъ разсѣялись по лѣсамъ, пробираясь къ Ардагану. Артиллерія турецкая при бѣгствѣ рубила лошадямъ ноги, чтобы мы не могли перевезти ихъ орудій къ себѣ.

Общій трофей этой побѣды состоялъ: изъ 10 орудій, 10 знаменъ, 4 лагерей и парка съ артиллерійскими снарядами; однако, эта побѣда стоила намъ, равномѣрно, не малой потери, взявъ въ расчетъ малочисленность нашего отряда. Убиты: генералъ Корольковъ, 7 офицеровъ (3 эриванца); ранены: 2 штабъ-офицера (1 эриванецъ), 22 оберъ-офицера (8 эрив.) и 377 нижнихъ чиновъ (74 эрив.). Четвертая часть изъ общей убыли приходится на долю двухъ баталіоновъ Эриванскаго полка.

Въ теченіе описаннаго времени второй баталіонъ эриванцевъ находился въ лагерѣ для прикрытія батарей.

Графъ Эриванскій, желая воспользоваться выгодами побѣды, послалъ въ крѣпость объявить, что дальнѣйшая защита крѣпости сколько безразсудна, столько-же будетъ гибельна для нихъ, въ случаѣ штурма; но голосъ фанатизма и гордое чувство вольности, еще ни передъ кѣмъ несмирившееся, торжествовали надъ доводами благоразумія, и комендантъ отвѣчалъ: «Мы будемъ драться и умремъ съ оружіемъ на своихъ мѣстахъ; пока не будетъ перебитъ весь 15,000 гарнизонъ—крѣпость не можетъ быть сдана (*).»

Между тѣмъ, осаждающихъ русскихъ войскъ едва набиралось до 16,000; но главнокомандующій, рассчитывая на непоколебимое мужество своего корпуса, рѣшился дѣйствовать энергично, тѣмъ болѣе, что по свѣдѣніямъ, дошедшимъ чрезъ лазутчиковъ, извѣстно было, что къ Ахалциху движутся изъ Арзерума новыя вспомогательныя войска; кромѣ того, въ окрестностяхъ Ахалциха совершенно былъ истребленъ фуражъ, а

(*) Исторія воен. дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г.

у насъ въ отрядѣ, при умѣренной дачѣ, могло хватить не болѣе какъ на 8 дней. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, главнокомандующій еще вечеромъ, послѣ битвы 9-го числа, не смотря на общую усталость солдатъ, приказалъ укрѣпить на сѣверной высотѣ отбитые непріятельскіе шанцы. Къ разсвѣту усердные сподвижники Паскевича окончили работу и со всѣхъ батарей стали громить городъ и цитадель.

Съ 10-го по 15-е число еще устроено нѣсколько батарей, и все это время не умолкала съ обѣихъ сторонъ сильная канонада.

Эриванскій полкъ всѣ эти дни находился у прикрытія и на работахъ батарей № 4-го и главной. Туркамъ еще было предложено условіе сдачи, на что Кіось-Магометъ паша отвѣчалъ: «Одна шашка насъ раздѣляетъ»; тогда главнокомандующій въ день Успѣнія пресвятой богородицы, 15 августа, рѣшился штурмовать крѣпость.

Въ составъ штурмующей колонны поступилъ 2-й баталіонъ эриванцевъ, небывшій въ дѣлѣ 9-го августа. Штурмъ опредѣлено начать днемъ, въ 4 часа по полудни, ибо турки, ожидая штурма, не спали цѣлыя ночи, и готовые къ бою, постоянно находились на полсадахъ; а днемъ нѣсколько уменьшали бдительность.

Въ 4 часа, когда обыкновенно смѣнялись рабочіе и караулы, наши войска, построившись въ боевой порядокъ, подъ громомъ осадныхъ батарей, съ распущенными знаменами, веселыми пѣснями и музыкою двинулись къ крѣпости.

Первыми ворвались въ городъ два баталіона Ширванскаго полка, поддерживаемые 3-мъ баталіономъ гренадерск. Херсонскаго полка и ротою саперъ, назначенною для возведенія ложементовъ. Битва завязалась отчаянная—каждый шагъ впередъ стоилъ жизни многимъ. Штурмующая колонна стала нуждаться въ новыхъ силахъ—въ подкрѣпленіе ей былъ посланъ 2-й баталіонъ эриванцевъ. Съ этихъ поръ перевѣсъ битвы сталъ скло-

няться въ нашу пользу. Каждый домъ приходилось брать штурмомъ или изъ домовъ выжигать защитниковъ огнемъ.

Въ одной мечети сгорѣло до 400 человѣкъ.

Въ особенности они долго оспаривали католическую церковь, занятую ими подъ складъ пороха,—а когда ширванцы, послѣ кровавыхъ схватокъ, взяли церковь и втащили орудія на плоскую кровлю ея, то нѣсколько фанатиковъ бросились съ фитилями къ церкви, чтобы поджечь лежащій въ ней порошокъ, но были переколоты.

Гарнизонъ и жители дрались съ ожесточеніемъ—даже женщины съ немовѣрнымъ отчаяніемъ вступали въ бой и доходя до иступленія, бросались въ пламя огня. Батареи неумолкали. Наступившая ночь не прекратила сраженія, а увеличила ужасное зрѣлище: распространившееся пламя ярче заблестѣло огненными языками и стало поглощать дома и жителей, а безпрестанное лопанье гранатъ, визгъ конгревовыхъ ракетъ и крики сражающихся—наводили столбенѣющій ужасъ. Пожаръ, распространившійся около католической церкви, чуть не уничтожилъ даже нашихъ осадныхъ работъ въ городѣ, но вездѣ преслѣдуемый непріятель, не могъ видѣть нашей собственной опасности. Въ рукахъ его оставались еще два городскіе бастіона, отдѣленные отъ насъ глубокимъ оврагомъ. Одинъ, находившійся на небольшомъ возвышеніи, приказано взять штурмомъ 4-й егерской ротѣ Эриванскаго полка. Командиръ ея, капитанъ Ромистровъ, смѣло повелъ свою роту въ дѣло, и пройдя оврагъ, «стремительно и съ примѣрнымъ хладнокровіемъ бросился на бастіонъ», захвативъ тамъ двѣ пушки и 8 знаменъ (*). Турки, потерявъ этотъ, одинъ изъ послѣднихъ спорныхъ пунктовъ, немедленно бросили свою восточную часть города и только изъ крѣпости вели перестрѣлку до 3-хъ часовъ ночи съ застрѣльщиками Эриванскаго полка.

(*) См. исторію воен. дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г., часть 1-я, стр. 334-я.

Утро 16-го числа освѣтило совершенно новую картину. Священники съ толпами христіанскихъ старцевъ, женщинъ и дѣтей вышли изъ пылающаго города къ нашимъ войскамъ, неся въ рукахъ кресты.

Женщины, забывъ азійскій обычай, воспрещающій показывать лицо, приближались къ офицерамъ и солдатамъ, прося пощады.

Гарнизонъ еще до разсвѣта очистилъ городъ и укрывшись въ цитадели, выслалъ парламентаревъ. Опъ просилъ 5 дней для размышленія, но главнокомандующій требовалъ безотлагательной сдачи крѣпости со всѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ, дозволяя только гарнизону возвратиться на родину.

Окончательная сдача послѣдовала въ 7 часовъ утра. Побѣда увѣнчалась пріобрѣтеніемъ 67 пушекъ, 52 знаменъ и 5 бунчуковъ. Непритель во время приступа потерялъ болѣе 500 человекъ. Наша потеря—убито 128 и ранено 490 человекъ.

Такъ пала одна изъ грозныхъ азійскихъ твердынь. Нынѣ, при вѣздѣ въ Ахалцихъ, стоитъ на дорогѣ памятникъ, на которомъ написанъ годъ покоренія крѣпости русскому оружію графомъ Эриванскимъ и имена храбрыхъ офицеровъ, павшихъ при взятіи Ахалциха.

По взятіи Ахалциха войскамъ объявленъ слѣдующій приказъ:

Храбрые воины!

«Подъ Карсомъ и Ахалкалаки стяжали вы неувядаемые лавры—нынѣ вы покрыли себя новою славою.

«Отъ Ахалкалаки предстоялъ вамъ путь многотрудный: громады горъ крутыхъ, дорога непроходимая. Но тамъ, гдѣ проѣзжалъ съ трудомъ всадникъ, вы на рукахъ вашихъ перенесли всѣ тяжести, самую осадную артиллерію и явились подъ Ахалцихомъ, означивъ слѣдъ вашъ твердостію, трудомъ и усердіемъ. Я не замедлилъ повести васъ противу враговъ, и

ожиданія мои исполнились: разбивъ 5-го числа многочисленное войско, вы вырвали изъ рукъ непріятелиа выгодное мѣсто для лагеря и для начатія осады.

«9-го числа перенесли вы оружіе ваше въ станъ непріятельскій, на защиту коего выступило 30,000 отважныхъ воиновъ; но вы, будучи впятеро малочисленнѣе, неустрашились противостать имъ, сражаясь безъ отдыха 14 часовъ съ непріателемъ отчаяннымъ; и среди толикихъ трудностей, съ мужествомъ, изумившимъ враговъ, попли на приступъ укрѣпленнаго лагеря и водрузили знамя побѣды среди окоповъ непріятельскихъ. Вамъ, храбрые товарищи, принадлежатъ трофеи знаменитаго дня сего: 10 орудій, 13 знаменъ, 4 укрѣпленныхъ лагеря, всѣ снаряды и запасы его. Отъ грознаго меча вашего 3000 турокъ легли на полѣ битвы.

«Въ четыре послѣдующіе дня, стоившіе вамъ трудовъ несусынныхъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ, вы совершили осадныя работы, отбили вылазки, наконецъ, 15-го числа, съ веселымъ духомъ и мужествомъ, попли на приступъ, и Ахалцихъ, дотолѣ считавшійся непобѣдимымъ, знаменитый звѣрскою храбростію жителей, защищаемый 15-ю тысячами гарнизона, послѣ штурма, 13 часовъ продолжавшагося, палъ предъ оружіемъ вашимъ. Храбрые! самое ожесточенное сопротивление, самое отчаянное упорство защитниковъ, обрѣкшихъ себя на смерть, уступили геройскому мужеству вашему. Каждый шагъ стоилъ вамъ потоковъ крови, но каждый шагъ ознаменованъ вашими подвигами и гибилію враговъ. Въ сей день 52 знамени, 5 бунчуковъ, 66 пушекъ добыты грудью вашею и болѣе 5,000 непріятелей пали подъ вашимъ оружіемъ.

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности благодарю васъ, храбрые товарищи! Въ продолженіи 22-хъ-лѣтней боевой моей службы много видѣлъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе мужественныхъ въ сраженіи, болѣе постоянныхъ въ трудахъ, не знаю. Счастіемъ поставлю свидѣтельствовать о доблестяхъ вашихъ государю справедливому и великодушному. Дѣянія ваши оста-

нутя незабвенными въ позднѣйшемъ потомствѣ: честь и слава вамъ, побѣдители!»

Награды за дѣла и штурмъ Ахалциха (*):

Подполковникъ Кашутинъ—Георгія 4 класса.

Полковникъ Фридриксъ } Золотыя шпаги съ надписью
Поручикъ Петровъ } за храбрость.

Маіоры:	Лебединскій.	} Ор. св. Вл. 4 ст.	Поруч:	Мищенко.	} Ор. св. Вл. 4 ст.
	Агеевъ.			Кн. Гурамовъ.	
Шт.-капит:	Ещенко.			Ониковъ.	
	Рудневъ.			Сагиновъ	
	Кириловъ.			Прапорщ. Давыдовъ.	
	Бражежинскій.				

Подполковникъ Хамутскій—ор. св. Анны 2 ст.

Маіоръ Долипъ. } Ор. св. Анны 2 ст.
Капитанъ Ротмистровъ. }

Шт.-капит. Музайко } Ор. св. Анны 3 ст.
Подпоруч. Туркевичъ. }

Подп: Литвиновъ.	} Ор. св. Анны 3 ст.	Кн. Вачнадзе.	} Ор. св. Анны 3 ст.
Амбаровъ.		Джеваховъ.	
Едигаровъ.		Поруч. Педяшъ.	} Ор. св. Ан. 4 ст.
Бережной.		Подпор. Татариновъ.	
Курмачевъ.		Прапор: Ивановъ.	
Синявскій.		Скромаченко.	
Евтрашевъ.	Букаръ.		
Прап: Говіушъ.	} Ор. св. Ан. 4 ст.	Эристовъ.	} Ор. св. Ан. 4 ст.
Кв. Амераджибовъ		Золотаревъ.	

Нижнимъ чинамъ на полкъ пожаловано 95 знаковъ отличія военнаго ордена (*).

Черезъ семь дней послѣ взятія крѣпости 3-й баталіонъ Эриванскаго полка былъ отпущенъ 22-го августа, чрезъ Ахалкалаки, въ урочище Манглисъ, а первый и второй находились еще подъ Ахалцихомъ, откуда разработывали дорогу къ Ардагану, раньше сдавшемуся безъ боя нашему отряду, высланному изъ Карса.

(*) Приказы по полку, отъ 7 апрѣля, 1829 г., № 76, и 1830 г., 10 іюля, № 162.

(**) Приказъ по полку, № 152, отъ 23 октября, 1828 г.

Наступившая суровая погода заставила турокъ прекратить на-время военныя дѣйствія. Они стянулись къ Арзеруму. Вместе съ тѣмъ выпавшій глубокой снѣгъ на саганлугскихъ горахъ раздѣлилъ враждующія войска и далъ возможность русскому главнокомандующему въ концѣ сентября распустить нѣкоторыя части дѣйствующаго корпуса на зимнія квартиры; въ этомъ числѣ первый и второй баталіоны эриванцевъ получили приказаніе слѣдовать въ свою штабъ-квартиру, куда и прибыли 25 октября.



ГЛАВА XI.

Положеніе воюющихъ сторонъ. Дѣйствіе маіора Клюки со вторымъ баталіономъ близъ шаушетскаго лѣса. Движеніе къ Арзеруму—битвы 17, 19 и 20 іюня; взятіе Арзерума. Полкъ 29 іюня празднуетъ полковой праздникъ въ столицѣ Анатоли. 1-я карабинерная рота въ отрядѣ Бурцева. Неудачное дѣло при селеніи Хартъ. Движеніе къ Сивазу. Штурмъ Вайбурта. Окончаніе войны. Полеъ получаетъ серебряныя трубы.

Не смотря на огромныя потери, понесенныя Портою въ кампанію 1828 года, она нашла однакожь способы собрать и вооружить новую армію въ 200,000 человѣкъ, при 136 орудіяхъ, и обезпечить ее продовольствіемъ. Оба прежніе паши были замѣнены новыми, которымъ даны большія права (*). Между тѣмъ средства русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ далеко несоотвѣтствовали рѣшительнымъ условіямъ Порты. Предшествовавшія двѣ персидскія и одна турецкая кампаніи хотя и покрыли кавказскіе полки славою, но ряды ихъ уменьшились на половину. При всемъ усиліи графъ Паскевичъ едва могъ собрать въ дѣйствующій главный корпусъ 18 т. пѣхоты и кавалеріи при 70 орудіяхъ. Въ ряды этого корпуса включено два баталіона эриванцевъ, въ числѣ 2220 человѣкъ, усиленные людьми 3 баталіона. Такимъ образомъ, кавказскія войска не составляли и $\frac{1}{10}$ части того огромнаго вооруженія, которымъ располагало турецкое правительство.

Кромѣ того, тлетворное дыханіе азіятской чумы ежедневно сокращало наши силы. Назначенные-же на усиленіе кавказскаго корпуса 20 т. рекрутъ, не могли прибыть ранѣе іюня. Между тѣмъ подымалась гроза и съ другой стороны: шахъ, подстрекаемый Портою и англичанами, сталъ готовить-

(*) Въмѣсто арзерумскаго сераскира Гашебъ-паша назначенъ Гаджи-паша съ неограниченнымъ полномочіемъ, а на мѣсто главнокомандующаго Кіоса-паша назначенъ Гагки-паша, отличавшійся военными способностями. Сераскиру на военныя издержки разрѣшено употребить всѣ доходы съ Азіятской Турціи; кромѣ того, ему прислано еще отъ султана 2 м. руб. сер.

ся къ войнѣ, льстясь надеждою возвратить свои потери. Вскорѣ нерасположеніе Персіи къ намъ ясно выразилось: въ Тегеранѣ былъ убитъ нашъ посланникъ Грибоѣдовъ (авторъ «Горе отъ ума»). Такое преступное поведеніе Персіи вызывало насъ на войну и съ нею.

Можно сказать, что положеніе русскихъ на Кавказѣ въ то время было одно изъ затруднительнѣйшихъ, какія только представляетъ исторія владычества нашего въ томъ краѣ, и, конечно, Кавказъ обязанъ своимъ спасеніемъ ловкимъ и дружескимъ сношеніемъ графа Паскевича съ Аббасъ-Мирзою, котораго графъ расположилъ въ нашу пользу, а также тому героическому духу, которымъ были воодушевлены войска, на непобѣдимость которыхъ Россія возлагала свои надежды и главнокомандующій могъ опереться. Онъ писалъ къ сыну шаха, Аббасъ-Мирзѣ: «Все ваше политическое существованіе въ рукахъ нашихъ; вся надежда ваша—въ Россіи; она одна можетъ васъ свергнуть,—она одна васъ можетъ поддержать. . . Не полагайтесь на обѣщанія англичанъ и увѣренія турокъ—они васъ не защитятъ, и что было въ послѣднюю войну—будетъ вновь».

Графъ Паскевичъ, вступая въ переговоры съ Персією, хотѣлъ только выиграть время; онъ хорошо зналъ, что первый удавшійся маневръ, первое успѣшное дѣло—разрушить и разстроить всѣ планы турецкихъ пашей и устрашить шаха, а потому рѣшился дѣйствовать наступательно. Въ силу этого убѣжденія, онъ 12-го мая собралъ главный корпусъ около Ахалкалакъ, куда прибыли и эриванцы подъ командою полковника Фридрикса, отдохнувшіе въ своей штабъ-квартирѣ и готовые къ новымъ дѣйствіямъ. Мая 22-го корпусъ выступилъ къ Ардагану и прибылъ туда въ три дня. Погода еще стояла суровая, вершины горъ, черезъ которыя пролегали дороги, были покрыты снѣгомъ, дожди шли ежедневно съ сильнымъ градомъ и вѣтромъ, подожный кормъ едва показывался. Но всѣ эти препятствія преодолевались мужественно. Главнокомандующій приказалъ нашимъ отрядамъ открыть наступательныя дѣйствія съ

разныхъ сторонъ, и этимъ развлекъ вниманіе непріятеля, который совершенно растерялся отъ неожиданнаго движенія русскихъ войскъ и сталъ сосредоточиваться на арзерумской дорогѣ. Отсюда сараскиръ намѣренъ былъ дѣйствовать противъ Карса, а паша Кагія противъ Ахалциха. Это обстоятельство заставило Паскевича раздѣлить главный корпусъ на два отряда. Съ большею частью корпуса, куда поступили и эриванцы, онъ приказалъ 30-го мая генералу Муравьеву, соединясь съ отрядомъ генер. Бурцева, высланнымъ изъ Ахалциха, двинуться въ тылъ Кягіи-паши, расположенному при дер. Чаборіи, на крѣпкой позиціи, откуда, выманивъ его, вступить въ дѣло. Самъ-же лично съ прочими войсками 31-го мая выступилъ къ Карсу, гдѣ соединился съ отрядомъ Панкратьева. Генераль Муравьевъ успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе. Опъ 2-го іюня, соединясь съ отрядомъ Бурцева, разбилъ Кягію-пашу при Чаборіи и взялъ его укрѣпленный лагерь. Въ этомъ дѣлѣ колонна карабинеръ, подъ командою генераль-маіора Сергѣева, была послана въ обходъ и хотя не приняла прямого участія въ дѣлѣ, такъ какъ была слишкомъ далеко отодвинута отъ пункта удара, тѣмъ не менѣе принесла пользу, потому что турки, увидѣвъ ея движенія, тотчасъ обратились въ бѣгство въ аджарскія горы.

По окончаніи дѣла Муравьевъ послалъ вслѣдъ за непріятелемъ, по дорогѣ къ Цицкобу, маіора Клюки-фонъ-Клюгенау съ двумя ротами эриванцевъ его баталіона и командою казаковъ для совершеннаго очищенія посховскаго ущелья. Клюки, достигнувъ безпрепятственно Цицкоба и узнавъ, что за арсіанскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ посховскій санджакъ отъ Шаушета, тянется большое число аробъ и व्यюковъ, принадлежащихъ турецкому отряду, тотчасъ направился за ними. Прощедши 21 версту по весьма трудной мѣстности, перерѣзанной горами, и переваливъ чрезъ хребетъ, еще покрытый снѣгомъ, Клюки настигнувъ непріятельскій транспортъ при входѣ въ шаушетскіе дѣса. Часть пѣхоты и конницы, прикрывавшая

этотъ обозъ, послѣ гибельной для турокъ перестрѣлки съ нашими карабинерами, застрѣльщиками и казаками, была прогнана. Обозъ достался намъ въ добычу. Однако, дурная дорога, по которой невозможно было провести черезъ горы даже порожнихъ повозокъ, не позволила Кюки воспользоваться множествомъ аровъ, нагруженныхъ провіантомъ и разнымъ имуществомъ. Захвативъ только около 400 штукъ рогатаго скота и взявъ на лошадей, сколько можно было поднять, хлѣба и соли, а прочее истребивъ огнемъ, отрядъ Кюки на другой день присоединился къ Муравьеву.

Главнокомандующій, получивъ радостное извѣстіе о пораженіи турокъ при Чаборѣ, и взятіи его транспорта, приказалъ Муравьеву немедленно слѣдовать къ Карсу. Соединивъ отряды, Паскевичъ двинулся по направленію къ саганлугскому хребту, къ селенію Катанлы. Здѣсь 10-го іюня, на обширной равнинѣ, онъ произвелъ ученье, для ознакомленія начальниковъ съ различными построеніями, необходимыми въ предстоящихъ полевыхъ дѣйствіяхъ.

Отъ сел. Катанлы повозочная дорога изъ Карса въ Арзерумъ раздваивается и перерѣзываетъ саганлугскій хребетъ двумя вѣтвями дорогъ въ 12 верстъ одна отъ другой, которыя соединяются уже у моста на р. Араксъ, близъ сел. Керпикевъ. Лѣвая изъ этихъ дорогъ извѣстна подъ именемъ меджингерской, а правая называется зевинскою, и обѣ, выходя на хребетъ, тавутся по вершинамъ его, покрытымъ лѣсомъ; мѣстами же дороги пересѣкаютъ крутые овраги, удобные для засѣкъ и засадъ (*). На саганлугскомъ хребтѣ въ томъ году въ половинѣ іюня, на огромномъ протяженіи, лежали еще большія глыбы снѣга, сохранившіяся даже до августа. Густой, преимущественно сосновый лѣсъ начинается у самой сѣверовосточной подошвы и покрываетъ весь саганлугскій хребетъ.

На меджингерской дорогѣ, при урочищѣ Милидюзь, на ровной вершинѣ хребта былъ расположенъ 20-ти тысячный

(*) Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г.

лагерь Гагки-паши на крѣпкой и командующей окрестностями высотѣ, окруженной глубокими скалистыми оврагами и искусственными укрѣпленіями, тянувшимися на протяженіи 2-хъ верстѣ. Все это дѣлало позицію Гагки-паши сильной и, сверхъ того, почти неприступной, такъ что къ ней былъ единственный, болѣе удобный подступъ—это съ тылу.

Паскевичъ, рѣшившись слѣдовать къ Арзеруму по зевинской дорогѣ, сталъ дѣлать рекогносцировки и движенія по меджингерской дорогѣ, чтобы этимъ привлечь вниманіе непріятеля въ эту сторону. Между тѣмъ самъ съ главными силами 13-го іюня, въ 5 часовъ по полудни, выступилъ по зевинской дорогѣ на Саганлугъ безъ обоза съ 5-ти-дневнымъ провіантомъ, оставя тяжести и вагенбургъ при селеніи Котанлы. Въ составѣ главной колонны шли два баталіона эриванцевъ, въ числѣ 2159 человекъ, подъ командою Фридрикса. Корпусъ съ величайшею осторожностію подымался ночью на саганлугскій хребетъ, чтобы не быть замѣченнымъ непріателемъ, такъ что запрещено было курить трубки и даже громко разговаривать.

Особый отрядъ, какъ мы упомянули, дѣлалъ фальшивое наступленіе по меджингерской дорогѣ и вступя въ перестрѣлку, успѣлъ привлечь на себя все вниманіе турокъ. Замаскировавъ движеніе, главный отрядъ, пройдя въ ночь 39 верстѣ, благополучно взошелъ на Саганлугъ и сталъ въ 8 часовъ утра лагеремъ при рѣкѣ Инжа-Су, въ 7 верстахъ отъ лагеря Гагки-паши. Этимъ ловкимъ и счастливымъ маневромъ Паскевичъ выполнилъ главную задачу своихъ предпріятій. Корпусъ взошелъ на лѣсистый саганлугскій хребетъ безъ по потери въ людяхъ. Карабинеры вмѣстѣ съ другими войсками съ любопытствомъ и неподдѣльнымъ удовольствіемъ осматривали лагерь Гагки-паши, виднѣвшійся на горахъ. Солдаты дѣлали свои заключенія какъ надо выбить бусурмановъ изъ окоповъ, гдѣ турокъ, «какъ шмель запрятался.» Враждебные отряды находились въ виду другъ друга.

Паскевичъ, 14-го іюня сдѣлавъ рекогносцировку къ не-

пріятельской позиціи, убѣдился въ ея неприступности съ фронта и фланговъ; а потому оставалось одно средство—дѣйствовать съ тылу,—но для этого надо было совершить трудное обходное движеніе около 50 верстъ. Однако, медлить было невозможно—лазутчики доносили, что Гагки-паша съ часу на часъ поджидаетъ прибытія сераскира къ себѣ въ подкрѣпленіе. На этомъ основаніи графъ Паскевичъ сталъ дѣйствовать настойчиво и съ большею энергіею. Придвинувъ въ виду турокъ вагенбургъ, онъ сталъ производить большимъ числомъ войскъ фальшивыя атаки слѣва, дабы этой демонстраціею скрыть главную цѣль своихъ предпріятій.

Узнавъ 17-го іюня отъ разъѣзда, что на большой обходной дорогѣ стоитъ съ отрядомъ Османъ-паша возлѣ глубокой бордоской долины, графъ Эриванскій послалъ туда конный отрядъ милиціонеровъ для точнѣйшаго опредѣленія силъ Османъ-паши. Когда-же посланные милиціонеры вступили въ перестрѣлку съ турками, засѣвшими за окопы, то около 7-ми часовъ утра были двинуты на подкрѣпленіе къ милиціонерамъ 2-й баталіонъ эриванцевъ, маіора Клюки, донской полкъ и 4 орудія подъ общимъ начальствомъ командира Эриванскаго полка, полковника барона Фридрикса. Вслѣдъ за выдвинутою колоною главнокомандующій лично выѣхалъ на ближайшую гору.

2-й баталіонъ эриванцевъ, въ полубаталіонныхъ колонахъ къ атакѣ, направился бѣгомъ прямо по дорогѣ вмѣстѣ съ артиллеріею на рысяхъ, и перейдя въ бродъ рѣчку Хункяръ-су, двинулся къ шанцамъ, имѣя впереди застрѣльщиковъ, подъ командою подпоручика Татаринова; стрѣлковая цѣпь наша, направляясь впередъ, усиливала болѣе и болѣе перестрѣлку. Тогда баталіонъ эриванцевъ, предводимый маіоромъ Клюкифонъ-Клугенау, вмѣстѣ съ кавалеріею понесся на завалы. Сильнымъ ружейнымъ огнемъ встрѣтилъ непріятель нашу колону, но не остановилъ быстро и смѣлаго ея нападенія. Карабинеры вмѣстѣ съ кавалеріею ворвались въ шанцы и прижавъ турокъ

въ обрывистой скалѣ, оставили до 300 человекъ на мѣстѣ убитыми и ранеными. Сверхъ того, 100 человекъ взяты въ плѣнъ. Съ нашей-же стороны потеря ничтожна—убито и ранено 16 человекъ.

Это удавшееся дѣло надъ отрядомъ Османъ паши въ начинавшейся кампаніи противъ Арзерума имѣло блистательный результатъ, и бѣжавшіе остатки пораженнаго отряда распространили въ станѣ Гагки-паши ужасъ. Послѣ кратковременнаго отдыха на мѣстѣ сраженія, приказано было второму карабинерному баталіону и кавалерійскимъ полкамъ подвинуться впередъ для обозрѣнія дороги, подъ командою Муравьева; другой баталіонъ карабинеръ, казачій полкъ и 6 орудій посланы къ нимъ на подкрѣпленіе. Муравьевъ сдѣлалъ съ карабинерами быстрый переходъ къ замку Загину, занятому неприятелемъ, и встревожилъ его своимъ появленіемъ; но неимѣя разрѣшенія вступить въ дѣло, ограничился рекогносцировкой и вернулся въ лагерь при Инжа-су. При этомъ обратномъ движеніи карабинеры, построившись въ двѣ колонны, отступили въ порядкѣ. Турки только издали слѣдили за нашими колоннами. Вечеромъ въ лагерь при Инжа-су главнокомандующій приказалъ знамена, отбитыя барономъ Фридриksomъ, поставить на высотѣ противъ стана Гагки-паши. Погода была ясная, видъ отнятыхъ знаменъ и радостный крикъ ура между русскими полками, долетавшій до лагеря турокъ, довершили дѣйствіе страха надъ неприятелемъ.

На другой день, 18-го іюня, лишь только передъ разсвѣтомъ раздался выстрѣлъ заревой пушки, корпусъ нашъ снялся съ лагеря для обходнаго движенія; въ главѣ колонны шель въ этотъ день Эриванскій полкъ. На слѣдующій день корпусъ продолжалъ двигаться скрытно въ тылъ укрѣпленнаго лагеря Гагки-паши. Около 10-ти часовъ утра замѣчены были первые разъѣзды неприятеля. Значительная партія стала показываться на большой арзерумской дорогѣ, другая влѣво, на высотахъ. На подкрѣпленіе первому баталіону эриванцевъ, шед-

пему въ авангардѣ, высланъ былъ еще баталіонъ эриванцевъ и Грузинскій гренадерскій полкъ. Непріятель при рѣчкѣ Коинлы-чай усиливался, что предвѣщало серіозный бой. Главнокомандующій рѣшился неуклоняться отъ полевого дѣла, имѣя въ виду выманить большую часть силъ изъ мили-дюэкаго лагеря. Войскамъ дана диспозиція къ принятію сраженія, по которой эриванцамъ, въ числѣ 2174 чел., приказано построиться къ атакѣ во второй линіи, а въ первой линіи, въ передовой колонѣ, грузинцамъ полубаталіонными колонами. Карабинерный и гренадерскій полки поручены бригадному командиру Муравьеву. Въ часъ по полудни главнокомандующій повелъ лично эту колону впередъ къ деревнѣ Коинлы. Въ исходѣ второго часа непріятель смѣло атаковалъ нашу первую линію войскъ. Турки, ободренные прибытіемъ Кягы-паши, мужественно стали выступать противъ центра боевой линіи. Усилія непріятели на центрѣ заставили главнокомандующаго подпрѣпить фронтъ полубаталіономъ эриванцевъ и артиллеріей, дѣйствія которой вмѣстѣ съ свѣжими силами карабинеръ вынудили непріятели не только-что оставить нападенія на центръ, но даже на этомъ пунктѣ обратили ихъ въ бѣгство. Такимъ образомъ, силы турокъ были разрѣзаны центромъ нашимъ на двѣ части. Вскорѣ правый и лѣвый фланги заставили тоже непріятели отступить. Сераскиръ, отойдя и занявъ позицію, сталъ укрѣпляться. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, замѣтилъ: «Я покажу, что въ присутствіи русскихъ войскъ это не такъ легко сдѣлать.»(*)

Вечеромъ, при барабанномъ боѣ и звукахъ музыки, колонны стали наступать. Генералъ-маіоръ Муравьевъ съ эриванцами и грузинцами шелъ на правомъ флангѣ. Дружное и рѣшительное появленіе русскихъ войскъ передъ лицомъ непріятели и испытанная турками по-утру неудача до того поколебали духъ ихъ и навели на нихъ паническій страхъ, что они

(*) Истор. военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г.

въ безпорядкѣ, объятые ужасомъ, послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ бросились въ бѣгство.

Сераскиръ въ этотъ день понесъ значительный уронъ убитыми и ранеными, сверхъ того, потерялъ два орудія и 300 человѣкъ плѣнными,—да и самага его только быстрота лошади спасла отъ плѣна. Наша потеря состояла изъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Кавказцы, совершивъ 40 верстъ усиленнаго марша въ лѣтнее жаркое время и доблестно сбивъ непріятеля съ двухъ позицій, расположились на ночлегъ близъ селенія Караурганъ.

Съ первымъ появленіемъ утренней зари графъ Паскевичъ двинулъ войска на укрѣпленный лагерь Гагки-паши. Эриванцы, въ числѣ 2174 человѣкъ, въ полубаталіонныхъ колонахъ къ атакѣ, шли во 2-й линіи. Не смотря на предшествовавшее изнуреніе, карабинеры шли съ бодростію на новый подвигъ, и ряды ихъ оживлялись веселыми пѣснями. Въ 8 часовъ утра войска поднялись послѣ большихъ трудовъ на мили-дюзскую высоту, въ тылъ непріятеля, и тѣмъ отрѣзали ему всякое сообщеніе съ Арзерумомъ. Вчерашняя побѣда надъ сераскиромъ и стройное движеніе нашихъ колонъ поколебали мужество турокъ. Они сначала открыли усиленную, непрерывную канонаду, а потомъ, видя единственное свое спасеніе въ бѣгствѣ, бросились въ лѣсъ. Нашимъ войскамъ дано приказаніе гнать турокъ сколько позволяетъ мѣстность и сила. Преслѣдуя непріятеля въ лѣсу и оврагахъ, 1-й баталіонъ эриванцевъ, предводимый подполковникомъ Кашутинимъ, отбилъ знамя(*). Вообще-же колона Муравьева, состоявшая изъ эриванцевъ и кавалеріи, взяла 19 знаменъ и 1200 плѣнныхъ. Въ два часа преслѣдованіе кончилось; чрезвычайно утомленные эриванцы, заночевали на дорогѣ между Пенджингертомъ и Милли-дюзомъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что немного найдется примѣровъ столь полнаго и совершеннаго успѣха, какой кавказ-

(*) За это дѣло Кашутинъ награжденъ чиномъ. Высоч. приказъ отъ 11-го апрѣля. 1830 г.

скія войска одержали 19 и 20 іюня; тѣмъ болѣе, что эти славныя побѣды куплены самымъ малымъ пролитіемъ крови съ нашей стороны. Потеря наша около 100 человекъ, между тѣмъ отрядъ послѣ 60 верстъ форсированнаго марша разбилъ и разсѣялъ азіятско-турецкую армію, взялъ въ плѣнъ знаменитаго ихъ полководца Гагки-пашу, взялъ приступомъ два лагеря—въ числѣ ихъ одинъ укрѣпленный—и отбилъ 25 пушекъ, 19 знаменъ, 2000 плѣнныхъ и до 3000 палатокъ. Но главное—громкія дѣла наши за саганлугскимъ хребтомъ устрашили персидскаго шаха, и онъ перемѣнилъ свою враждебную политику къ намъ, а наслѣдникъ шахскаго престола, Аббасъ-Мирза, послалъ въ Петербургъ сына своего просить прощенія за смерть Грибоѣдова.

Изъ эриванцевъ 20-го іюня особенною храбростію отличились унтеръ-офицеръ 3-й егерской роты Назаръ Казанцевъ и рядовой Семснъ Дьякинъ (*), «которые, будучи въ стрѣлкахъ, бросились къ засѣвшему въ скалахъ непріятелю и взяли съ бою турецкое знамя»; главнокомандующій лично наградилъ унтеръ-офицера Казанцева, имѣвшаго уже знакъ отличія военнаго ордена, *8 червонилли и чинамъ прапорщика*, а рядового Дьякина -- знакомъ отличія военнаго ордена (**).

Послѣ милли-дюзской побѣды графъ Эриванскій сталъ быстро наступать къ Арзеруму. 22-го іюня корпусъ ночевалъ близъ Ардоса, а 23-го числа около селенія Керпи-кевъ. Здѣсь главнокомандующій узналъ, что турки, расположенные лагеремъ при Гасанъ-кале, при извѣстїи о приближенїи нашего корпуса, въ безпорядкѣ, по частямъ, стали предаваться бѣгству, такъ что сераскиръ, желая спасти артиллерію и провіантскіе запасы, приказалъ поспѣшно перевозить ихъ въ Арзерумъ. Получивъ

(*) Прик. по полку, № 216, отъ 28 авг., 1829 г., и № 47-й, 17 января, 1830 г.

(**) Кроме того, награждены: кап. Жигенскій, Антоновъ и пор. Бутычевъ—съ Влад. 4 ст. съ бант.; пор. Недиль, подпор. Татаринъ, прап. Эристовъ в Букаръ—съ Анны 3 ст. съ бант.; подп. Давильковскій, прап. Скворцовъ, Кушкинъ—Анны 4 ст.; майоръ Кюлки, подп. Потебня—золотыя шапки; 10 офицер. слѣдующіе чины нижн. чинамъ 27 крестовъ. Прик. по полку, № 43, января 16, 1830 г.

эти благоприятныя извѣстія, Паскевичъ немедленно приказалъ летучему отряду, составленному изъ Эриванскаго полка и части кавалеріи, слѣдовать въ Гасанъ-кале. Въ теченіи дня эриванцы сдѣлали болѣе нежели 40 верстъ и безъ боя взяли стариннѣйшую крѣпость Гасанъ-кале съ 29 орудіями и небольшимъ пороховымъ погребомъ. Гарнизонъ-же, уstraшенный приближеніемъ побѣдителей Гагки-паши и сераскира, за нѣсколько часовъ до прихода нашего авангарда въ безпорядкѣ бѣжалъ изъ Гасанъ-кале.

25-го іюня корпусъ, отпраздновавъ взятіе Гасанъ-кале и устроивъ здѣсь госпиталь, въ 4 часа по полудни двинулся на легкахъ къ Арзеруму и ночевалъ близъ деревни Наби-чай, испытавъ во время движенія ураганъ вмѣстѣ съ удупливою пылью, которая цѣлыми облаками обдавала движущіяся войска. «Мы шли въ рядахъ, не видѣвши другъ друга» (*). 26-го числа корпусъ сталъ въ 4 верстахъ отъ Арзерума на равнинѣ, посреди которой красиво возвышались свои стѣны столица Анатоли. Главпокомандующій потребовалъ отъ турокъ сдачи города на капитуляцію. Въ Арзерумѣ образовались двѣ партіи: одна соглашалась на сдачу, а другая стала стрѣлять по нашимъ пикетамъ и фуражирамъ. Тогда Паскевичъ въ грозномъ боевомъ порядкѣ придвинулъ свои колоны къ главному укрѣпленію Топа-дога. Этотъ маневръ рѣшилъ участь города—уstraшенные мусульмане, отворили ворота побѣдителямъ. Такъ покоренъ въ 1-й разъ христіанскими народами главный городъ Анатоли, и покореніе это совершилось 27-го іюня, въ годовщину полтавской битвы. Въ тотъ-же день полки съ музыкою заняли, въ 5 часовъ вечера, Арзерумъ, и тѣмъ увѣчали наше оружіе новою славой.

Въ Арзерумѣ приобрѣтено болѣе 150 орудій, избыточные магазины съ провіантомъ, шесть знаменъ и жезлъ сераскира. Наши войска, занявъ столицу, вели себя достойно—марадерство было рѣдкостію.

(*) Изъ разсказа кн. Багдале.

Государь въ собственноручномъ письмѣ къ Паскевичу выразилъ свою благодарность побѣдителямъ слѣдующими словами: «Изъявите войскамъ совершенное мое удовольствіе и признательность; поведеніе ихъ послѣ побѣды мнѣ столько-же пріятно, какъ и славнѣйшіе подвиги (*).

По взятіи Арзерума, почти цѣлый мѣсяцъ главный корпусъ нашъ находился въ бездѣйствіи, обезпечивалъ себя провіантомъ и поджидалъ подкрѣпленій изъ Грузіи. Эриванскій полкъ съ 27-го іюня до 6 іюля занималъ въ Арзерумѣ укрѣпленіе Топа-дога. Здѣсь 29-го іюня, на Петра и Павла, полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ: «Какъ въ стѣстныхъ припасахъ, такъ и въ напиткахъ недостатка не было (**). Все это способствовало и увеличивало веселье. Полковая музыка и ротные пѣсенники два дня, не переставая, играли и пѣли въ укрѣпл. Топа-дога. Любопытные жители, забывъ свое горе, цѣлыми толпами собирались возлѣ пирующихъ эриванцевъ, которые хотя и предавались веселью, но держали себя чутко, и готовы были всякую минуту стать въ ружье—такъ была сильна дисциплина.

Іюля 6-го полкъ былъ передвинутъ къ селенію Канты, гдѣ простоялъ въ лагерѣ до 17-го іюля, кромѣ первой карабинерной роты, которая, находясь въ отрядѣ генерала Бурцова, 7-го іюля заняла крѣпость Байбуртъ слѣдующимъ образомъ: Турки, воспользовавшись нашимъ бездѣйствіемъ, стали готовить ударъ малочисленному отряду генерала Бурцова. Ихъ пѣхота, занявъ селеніе Хартъ, а также офскую и трапезундскую дороги, приблизилась 18-го іюля къ аванпостамъ отряда Бурцова и завязала перестрѣлку, стараясь отгѣснить ихъ къ Байбурту. Бурцовъ, видя увеличивавшуюся дерзость турецкихъ лазовъ, рѣшился внезапно напасть на нихъ. Съ этою цѣлью ночью 19-го числа, оставивъ двѣ роты херсонцевъ въ Байбуртѣ, онъ выступилъ двумя колонами къ селен. Хартъ: правая

(*) Приказъ по корпусу, № 194, отъ 6 сентября, 1829 г.

(**) Изъ разсказа поселенца Кравцова.

колона состояла изъ двухъ ротъ херсонскихъ гренадеръ, при 3-хъ орудіяхъ, подъ командою маіора Засса, а лѣвая—изъ 1-й карабинерной роты эриванцевъ капитана Житинскаго, 2-хъ ротъ херсонцевъ, 50 казаковъ мусульманскаго полка при 4 орудіяхъ, подъ командою генерала Бурцова. По данной диспозиціи, обѣ колонны на утренней зарѣ должны были вмѣстѣ атаковать селеніе Хартъ. Однако, маіоръ Зассъ, встрѣтивъ на дорогѣ препятствіе (*), опоздалъ къ назначенному времени; тогда генералъ Бурцовъ рѣшился одною колоною выбить лазовъ изъ сел. Хартъ, которое возвышалось надъ окрестною долиною, и имѣло на обрывистыхъ скалахъ нѣсколько укрѣпленныхъ башенъ. Кромѣ этого, селеніе было обнесено завалами и колючею застѣкою. Бурцовъ, пренебрегая турецкими баррикадами, смѣло повелъ три роты на приступъ. 1-я рота эриванцевъ, нынѣ шефская, шла подъ командою своего ротнаго командира, капитана Житинскаго, впереди другихъ. Подойдя между высокимъ хлѣбомъ къ непріятелю, солдаты ударили въ штыки. Лазы вышли изъ оврага и укрылись въ башнѣ, а также застѣли въ домахъ, выстроенныхъ изъ камня и встрѣтили солдатъ частымъ ружейнымъ огнемъ, а подбѣгающихъ къ стѣнамъ стали бить камнями. Сверхъ того, большая партія, выйдя изъ селенія, стала огибать нашъ лѣвый флангъ. Бурцовъ вынужденъ былъ отойти на 200 шаговъ отъ строеній къ кладбищу, бросивъ на мѣстѣ битвы тяжело раненныхъ и убитыхъ. При отступленіи карабинерныхъ застрѣльщиковъ, прапорщикъ Огаревъ, въ то время, когда ободрялъ солдатъ и мужественно удерживалъ натискъ турокъ, палъ убитый нѣсколькими пулями. Къ полудню прибыла колонна Засса. Бурцовъ, сомкнувъ ряды, опять повелъ роты на приступъ. Съ новою силою бросились солдаты на толпу непріятеля и снова заставили противника очистить оврагъ; но въ этотъ моментъ, среди жаркаго боя, получилъ смертель-

(*) Турки, запрудивъ рѣчку, пустили воду на окрестныя поля Хартъ, и тѣмъ сдѣлали грунтъ земли чрезвычайно вязкій, почти недоступный для слѣдованія артиллеріи. Изъ разсказа армянскаго, бывшаго въ этомъ дѣлѣ со стороны турокъ.

ную рану храбрый генераль Бурцовъ. Потеря смѣлаго начальника остановила атаку. Карабинерамъ, все время находившимся въ сферѣ ружейнаго непріятельскаго огня и истощившимъ всѣ усилія и патроны, приказано, вмѣстѣ съ прочими войсками, отодвинуться къ позиціи около кладбища. Остатки отряда, лишенные лучшихъ офицеровъ и солдатъ, не возобновляя атаки, отступили къ Байбурту. Эта отчаянная, хотя и неудавшаяся схватка, дорого стоила 1-й карабинерной ротѣ—она понесла чувствительный уронъ: убито 13 и ранено 45 человекъ, что составляло почти половину наличнаго состава роты (*). Эриванская рота пострадала въ этомъ дѣлѣ болѣе другихъ частей, потому что она, слѣдуя при отступленіи въ арріергардѣ, удерживала всю силу натисковъ турецкихъ войскъ (**).

Графъ Паскевичъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ Бурцова, стянулъ главныя силы противъ селенія Хартъ, защищенное 9-ю тысячами лазовъ, которыхъ еще подкрѣплялъ 2-хъ-тысячный полевой резервъ Османъ-паши.

Юля 27-го наши войска сбили непріятеля съ передовыхъ укрѣпленій и загнали къ ночи къ сел. Хартъ, которое сейчасъ же окружили. Три полубаталіона эриванцевъ заняли восточную часть селенія. Лазы, видя себя совершенно окруженными и не надѣясь отразить предстоящаго штурма, бросились въ полночь на южную сторону, которую блокировали наши мусульманскіе полки, и пробившись сквозь ихъ ряды, стали поспѣшно удаляться; тогда наша регулярная кавалерія, поддерживаемая застрѣльщиками, бросилась по слѣдамъ бѣгущаго непріятеля и нанесла ему значительный уронъ. Трофеемъ ночной побѣды былъ лагерь Османъ-паши съ двумя орудіями.

Августа 4-го полкъ въ рядахъ всего корпуса сдѣлалъ маршъ въ глубину Азіятской Турціи, къ селенію Балахара, 9-го числа сталъ лагеремъ у селенія Килкитъ-чафтликъ, от-

(*) Прик. по полку, № 181, отъ 23 іюля, 1829 г.

(**) Награды: капит. Житицкій—орденъ св. Анны 3-й ст., прапорц. Золотаревъ—въ подпоручики, и нижнимъ чинамъ 3 креста. Прик. по полку, № 11, отъ 17 января, 1830 г.

куда до девяти тысячъ турокъ отступило по севизской доро-
гѣ. Въ это время повсемѣстное бѣгство непріятели открыло
почти безпрепятственный путь къ Сивазу, и графъ Паскевичъ
уже намѣревался продолжать туда наступленіе, дабы такимъ
образомъ довершить исполненіе предначертаннаго плана кам-
паніи, но полученныя свѣдѣнія объ арзерумскомъ и байбурт-
скомъ заговорѣ въ тылу нашихъ войскъ заставили принять
новый планъ. Паскевичъ, сдѣлавъ фланговое движеніе къ Тра-
незунду и выставивъ на рѣкѣ Шенъ-су, для прикрытія отступ-
ленія, 6 ротъ эриванцевъ, 23-го августа предпринялъ обрат-
ное движеніе къ Арзеруму. На пути слѣдованія 25-го числа,
во время дневки, приказалъ взорвать на воздухъ крѣпость
Байбуртъ. Августа 23-го корпусъ сосредоточился въ окрест-
ностяхъ Арзерума. Эриванцы, слѣдовавшіе въ арріергардѣ, стали
близъ селенія Мегнасуртъ, на дорогѣ байбуртской, въ 30 вер-
стахъ отъ Арзерума. Мятежники, при приближеніи нашихъ
войскъ, опять изъявили безусловную покорность.

Между тѣмъ сераскиръ, собравъ болѣе 20-ти тысячъ вой-
ска, снова укрѣпивъ Байбуртъ и Чифтликъ, открылъ паступа-
тельные дѣйствія вслѣдствіе полученнаго фирмана отъ султана:
«Во чтобы-то ни-стало, отнять у русскихъ Арзерумъ (*).»

Паскевичъ тоже съ своей стороны припалъ рѣшительныя
мѣры и 24-го сентября выступилъ во вторичный походъ къ
Байбурту, желая этимъ предупредить дальнѣйшее паступленіе
Сераскира. Эриванцы двигались въ правой колоннѣ, имѣя въ
сумкахъ пятидневный провіантъ. Черезъ три дня, 27-го августа,
въ 5 часовъ утра, полки двинулись на штурмъ Байбурта.
Эриванцы шли во 2-й боевой линіи, но при входѣ въ бай-
буртское ущелье, были остановлены главнокомандующимъ для
прикрытія нашего тыла отъ покушеній наблюдательнаго не-
пріятельскаго отряда, продолжавшаго занимать позицію на вы-
сотахъ праваго берега рѣки Чорохи. Подъ прикрытіемъ эри-
ванцевъ оставался съ своимъ штабомъ графъ Паскевичъ, по
когда разгорѣлся штурмъ, то эриванцамъ приказано было под-

(*) Истор. воен. дѣйств. въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г.

крѣпить уланы. Появленіе генераль-маіора Фридрикса (*) съ своимъ карабинернымъ полкомъ, при 4-хъ пушкахъ, не позволило туркамъ долго держаться въ зарѣчномъ предмѣстіи; они, бросивъ сады, стали отступать по небольшимъ скалистымъ тропинкамъ къ селенію Дудучаръ, лежащему на испирской дорогѣ. Карабинеры и уланы слѣдовали по пятамъ, но крутизны горъ были столь велики, что солдаты, съ трудомъ, почти задыхаясь на каждомъ шагу, преслѣдовали непріятеля. Къ полудню городъ былъ совершенно очищенъ и турки окончательно обращены въ бѣгство. Солдаты, раздраженные неоднократно измѣною жителей Байбурга, не падали никого.

Часть лазовъ, засѣвшихъ въ скалистомъ гребнѣ Егригауть и окруженные карабинерами, уланами и колоною генерала Сергѣева, принуждены были сдаться (**).

Сраженіе кончилось около 4 часовъ вечера. Турки въ этой для нихъ несчастной битвѣ, на пространствѣ 16 верстъ, потеряли въ бою: 6 орудій, 12 знаменъ, болѣе 700 убитыми и 1276 плѣнными (***). Нашъ уронъ не превосходилъ 100 человекъ.

Доблестной байбуртской побѣдой завершилась счастливая для насъ турецкая война.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами документовъ за персидскую и турецкую кампаніи, видимъ, что порученія трудныя и требовавшія быстрого исполненія графъ Паскевичъ, также какъ прежде Котляревскій, болѣею частію, возлагалъ на карабинеръ. Полкъ, гордясь этимъ довѣріемъ, всегда съ честью и рвеніемъ, напрягая свои силы, оправдывалъ заслуженное

(*) Произведенъ за отличіе противъ турокъ.

(**) Награды: маіоръ Григоровичъ—Владимира 4 ст.

Поручики: Бутковскій—золотую шапку.

Немачной { Анны 4 ст.
Иранорцъ ии. Абхазовъ. {

Слѣдующіе чины 14 челов., а нижнихъ чинами 9 знак. отлич.

(***) Намъ рассказывалъ старожилъ Байбурга, что турки по окончаніи войны въ теченіе года топили новорожденныхъ младенцевъ Байбурга, полагая, что женщины ихъ осквернены русскими.

вниманіе любимаго начальника. Слава полка за этотъ періодъ связана съ именемъ ихъ знаменитаго полководца.

По его рекомендаціи передъ августѣйшимъ монархомъ полкъ названъ «Эриванскимъ». Украшая этимъ именемъ полкъ, Паскевичъ хотѣлъ отдать заслуженную пальму первенства карабинерамъ—какъ главнымъ дѣателямъ и побѣдителямъ Эривани. Въ ознаменованіе-же подвиговъ, совершонныхъ полкомъ въ турецкую кампанію, по его представленію полкъ получилъ особенную царскую милость: георгіевскія серебряныя трубы съ надписью «турецкіе походы въ 1828 и 1829 годахъ» (*).

Вмѣстѣ съ трубами выслана высочайшая грамота: «Отличное мужество и храбрость, оказанныя Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ въ минувшую противъ турокъ войну, обратили на оныя особенное наше вниманіе,—въ ознаменованіе коего, всемилостивѣйше жалуя препровождаемая у сего георгіевскія трубы, повелѣваемъ, по прочтеніи сей нашей грамоты предъ полкомъ, употребить оныя на службу намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, только російскому воинству свойственными.

НИКОЛАЙ. Г. Полтава.»

Всѣмъ-же чинамъ въ ознаменованіе турецкой войны установлены медали на лентѣ свят. великом. и побѣдоносца Георгія съ надписью: «за 1828 и 1829 годъ» (**).

Наконецъ, всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловано по 5 руб. ассигнаціи на челобѣда (***)

Въ заключеніе нужно сказать, что въ эту турецкую кампанію полкъ не испытывалъ столькихъ лишеній и бѣдствій, какъ въ предшествующія войны. Сверхъ особенной заботливости полкового командира барона Фридрикса о благосостояніи полка, на матеріальную сторону войскъ было обращено примѣрное вниманіе графа Паскевича: полки имѣли всегда при движеніяхъ достаточное количество провіанта и теплуду

(*) Высочайшій приказъ, отъ 22 сентября, 1829 г.

(**) Высоч. приказъ, отъ 1 октября, 1829 г.

(***) Приказъ по полку, № 82, отъ 26 марта, 1831 г.

пищу съ мясомъ; кромѣ того, въ эту войну, кавказскія войска были снабжены палатками.

Такое попеченіе само-собою много способствовало къ сохраненію силъ солдатъ и дало возможность быстро достигъ такихъ счастливыхъ результатовъ. Въ теченіе двухъ-лѣтней войны кавказскимъ корпусомъ почти уничтожена многочисленная турецкая армія со всею полевой артиллерією: взяты въ плѣнъ сераскиръ и болѣе семи тысячъ чловѣкъ разныхъ чиновъ, покорены 5 пашалыковъ съ 10 крѣпостями и отбито 575 орудій, 260 знаменъ, 211 бунчуковъ и жезлъ сераскира.

По адрианопольскому миру намъ уступлена крѣпость Ахалцихъ и весь ахалцихскій пашалыкъ.

Въ эту турецкую войну полкъ, кромѣ ратныхъ подвиговъ, по засвидѣтельствованію очевидцевъ (*), отличался исправностію и строгимъ порядкомъ, чѣмъ, конечно, больше всего обязанъ полковому командиру—какъ главѣ и руководителю. Баронъ Фридриксъ, прощаясь съ эриванцами, подтверждаетъ высказанную нами мысль: «Имѣвъ счастье командовать два года и восемь мѣсяцевъ столь отличнымъ полкомъ, я почитаю приятнымъ себѣ долгомъ изъяснить мою искреннюю благодарность гг. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ за всегдашнюю готовность каждаго исполнять всѣ по службѣ обязанности и за сохраненіе совершеннаго порядка и исправности во вѣрспныхъ имъ частяхъ, а нижнихъ чиновъ—за усердіе къ службѣ, повиновеніе начальству и терпѣніе въ перенесеніи столь трудныхъ походовъ, каковы были въ четыре послѣднія кампаніи—особенно персидскія. *Я всегда буду имѣть въ числѣ приятныхъ воспоминаній то время, которое разделялъ съ симъ полкомъ труды и опасности, бывъ свидѣтелемъ славы, столь достойно признанной начальствомъ. 1829 г., декабря 30.*

Генералъ-маіоръ баронъ Фридриксъ» (**).

(*) Разказъ отстав. подполк. кн. Багдате и подпр. Шкабля

(**) Приказъ по полку, № 289.



ГЛАВА XII

Движеніе полка въ Джаро-бѣлоканскую область. Дѣйствія Стрѣкалова. Неудачное закатальское дѣло, гдѣ полкъ потерялъ $\frac{1}{2}$ людей. Духъ полка. Взятіе Закаталь. Движеніе въ Табасарань. Штурмъ сел. Ерпили и Чиркей. 3-й баталіонъ въ Чочпѣ—туда-же двинуты 1-й и 2-й баталіоны. Погромъ Чорни. Движеніе къ Гимрамъ. Штурмъ и взятіе этого аула.

Адріанопольскій миръ надолго прекратилъ войну съ Турціею и далъ возможность силы кавказскаго корпуса употребить для умиротворенія враждебныхъ горскихъ племенъ, населявшихъ глубочайшія ущелья и почти неприступныя скалы кавказскаго хребта.

Горцы, зная о нашихъ успѣхахъ въ войнѣ съ мусульманскими государствами—Персіей и Турціей—и предвидя близкую опасность своей свободы, стали изыскивать средства къ защитѣ. Явились проповѣдники—перетолковали нѣкоторыя изреченія Магомета и стали стараться, во имя вѣры, дать политическую связь разрозненнымъ горскимъ народамъ. Въ 1829 году мулла Магометъ создалъ между горскимъ мусульманскимъ населеніемъ мюридовъ—фанатическо-религіозную секту. Главнымъ догматомъ этой вѣры было безпощадное истребленіе невѣрныхъ, т. е. не мусульманъ.

Ученикъ муллы Магомета Казимулла торжественно провозгласилъ знамя «казавата» (война за вѣру) и краснорѣчивыми воззваніями разомъ увлекъ за собою весь горный Дагестанъ. Онъ говорилъ: «Я посланъ отъ Бога спасти вась на брань съ невѣрными, казавать русскимъ.»

Къ распространенію возстанія много способствовали вольный духъ народа, страсть къ грабежамъ—какъ насущное ремесло и какъ молодечество, буйныя инстинкты и дикія привычки къ удали и, наконецъ, въ высшей степени энергичные и способные люди, раздувавшіе мюридизмъ (*).

(*). Въ соч. Романовскаго: «Публичныя лекціи» и Фадѣева «60 лѣтъ кавказ. войны»—подробно изложено ученіе о мюридизмѣ.

Кавказское начальство сначала не придавало особеннаго значенія религиозной сектѣ и приняло возстаніе горцевъ за бунтъ, который старалось подавить силою оружія. Экспедиціи, дѣлаемыя во внутрь горъ съ цѣлью разорить и сжечь ихъ жилища и имущества, только усилили сопротивленіе и ненависть къ русскимъ, не принеся никакой пользы. Напротивъ, скорѣе такая мѣра приучила горцевъ легко покидать аулы и создавать ихъ вновь въ болѣе недоступныхъ мѣстахъ.

Ближайшими сосѣдями къ Грузіи были джаро-бѣлоканскіе лезгины, которые хотя и считались съ 1803 года нашими давниками, но при всякомъ удобномъ случаѣ, вмѣстѣ съ другими мусульманскими народами, вооружались противъ насъ. Такое вѣроломное поведеніе джарцевъ заставило графа Паскевича часть нашего корпуса, только-что вернувшася изъ глубины Турціи, обратить противъ бунтовщиковъ. Въ половинѣ февраля 1830 года 9 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Эриванскаго полка), 6 эскадроновъ драгунъ и 5 сотенъ казаковъ, при 58-ми орудіяхъ, перешли р. Алазань и заняли важнѣйшіе аулы. Лезгины, устрешенные внезапнымъ появленіемъ многочисленнаго отряда, а болѣе всего громомъ нашихъ орудій, изъявили совершенную покорность и выдали аманатовъ. Паскевичъ, учредивъ за Алазанью область, наказавъ зачинщиковъ мятежа и выбравъ мѣсто для постройки крѣпости Новые Закаталы, вернулся въ Грузію. Отрядъ, усмирявшій джарцевъ, частію былъ оставленъ въ новой области для удержанія жителей въ покорности, частію-же, въ томъ числѣ и оба баталіона эриванцевъ, былъ возвращенъ въ свои штабъ-квартиры.

Карабинеры, совершивъ эту зимнюю экспедицію, не имѣя почти больныхъ, расположились въ Тифлисѣ, откуда 5 и 6-я роты, подъ командою маіора Чиляева, поступила въ отрядъ генер. Рейнскампфа, которому поручено было привести въ покорность осетилъ, обитавшихъ на южной сторонѣ кавказскихъ горъ. Роты, пройдя высокую гору Замкоро, участвовали 22-го

іюня при овладѣніи замкомъ Колла, и 4-го сентября, окончивъ походъ, возвратились въ Манглись, потерявъ убитыми 2-хъ и ранеными 5 человекъ (*).

За взятіе штурмомъ замка Колла, по засвидѣтельствуванію Рейненканпфа, награждены: майоръ Чилевъ—орденомъ св. Анны 2-й степени, капитанъ Бржезинскій—золотою шпагою, сверхъ того, два офицера получили чины, а нижніе чины 4 креста.

Между тѣмъ одинъ изъ отважныхъ мюридовъ, Шихъ-Шабанъ, съ огромнымъ скопищемъ дагестанцевъ явился въ джаро-бѣлоканскую область и краснорѣчивыми воззваніями во имя пророка и свободы сталъ приглашать джарцевъ ко всеобщему возстанію противъ гауровъ русскихъ.

Жители: Чаръ, Закаталь, Катехъ, Мацехъ и Таль по первому призыву ополчились противъ русскихъ, такъ что вскорѣ во всей джаро-бѣлоканской области не было ни одного преданнаго намъ лезгина. 21-го іюня Шихъ-Шабанъ открылъ свои дѣйствія противъ Бѣлованъ, защищавшихся небольшимъ нашимъ гарнизономъ, но получивъ отпоръ, перешелъ къ крѣпости Новые Закаталы, гдѣ отвелъ воду, окружилъ крѣпость блокадою и началъ стрѣлять по ней съ командующихъ высотъ и безпрестанно нападать на наши пикеты и фуражировъ.

Паскевичъ, находившійся въ это время на кавказской линіи, узнавъ о неблагопріятномъ положеніи дѣлъ въ джаро-бѣлоканской области, предписалъ генераль-адъютанту Стрѣкалову собрать отрядъ изъ ротъ Эриванскаго и Грузинскаго полковъ и двинуться къ Закалатамъ (**).

7-го октября 1 и 2-й баталіоны эриванцевъ, подъ командою князя Дадіана, выступили изъ Тифлиса во вторичный походъ за Алазань.

(*) Приказъ по полку, отъ 4-го іюля, 1830 года, № 464

(**) Тифлисскій генералъ-губернаторъ.

«Любо было смотрѣть на строй эриванцевъ—говорятъ очевидцы,—груди почти у всѣхъ были увѣшаны кавалерскими знаками. Баталіонные командиры—Кашутинъ и Кюки—люди были отважные, привыкшіе къ боевой жизни и не разъ смѣло водившіе свои баталіоны въ дѣло. Между офицерами не было въ то время ни одного такого, который-бы кланялся нуль».

На шестой день баталіоны, здоровые своею физическою силою и опытностію, почевали на Алазани, а 13-го октября стали лагеремъ при крѣпости Закалахъ, расположенной у южнаго склопа кавказскихъ горъ.

Генералъ Стрѣкаловъ, желая произвести рекогносцировку къ селенію Закалахъ и выбрать позицію для укрѣпленнаго лагеря и постройки новаго укрѣпленія между новыми и старыми Закалахами, приказалъ 15-го октября, въ 9 часовъ утра, выступить изъ лагеря, подъ общою командою генерала Сергѣева, двумя колонами: главная колонна состояла изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго полка, команды казаковъ и саперъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника князя Дадіана,—демонстраціонная колонна должна была состоять изъ графцевъ, подъ командою полковника Кошкарева (см. планъ).

Эриванцы были двинуты лѣвымъ флангомъ и вскорѣ заняли высоту, лежащую къ сѣверо-западной сторонѣ крѣпости. Генералъ Сергѣевъ, начальникъ колоны, предлагалъ означенную высоту занять укрѣпленнымъ лагеремъ и дѣлая просьбу, подвигаться впередъ къ мятежному аулу Закалахамъ; но Стрѣкаловъ, найдя этотъ пунктъ близкимъ къ новымъ Закалахамъ, приказалъ двигаться далѣе, оставивъ на высотѣ двѣ роты и одно орудіе подъ командою Кашутинна, давъ ему инструкцію, до прибытія сюда колоны Кошкарева, прикрывать пашъ тылъ, а послѣ присоединиться къ полку. Кашутинъ порученіе исполнилъ въ точности. Полкъ, пройдя отдѣленіями еще версты двѣ по узкой дорогѣ, пролегавшей между изгородью, былъ остановленъ: 1-й баталіонъ на высотѣ въ лѣсу, на небольшой

площадкѣ, выдающейся мысомъ къ крутому оврагу,—а 2-й баталіонъ—ниже перваго, на кладбищѣ, при соединеніи двухъ дорогъ. Позиція 2-го баталіона была весьма сжата колючимъ густымъ лѣсомъ; она граничила къ западу и востоку глубокими лѣсистыми оврагами, къ сѣверу—балка разобцала позицію съ 1-мъ баталіономъ, а съ юга прилегала къ дорогамъ, отъ которыхъ тянулись длинные сады съ высокою изгородью, сложенною на цементѣ изъ камня аршина въ $1\frac{1}{2}$ толщиною. Сверху каменной ограды еще фута на два были воткнуты заостренные колья съ колючкою (*). На обоихъ пунктахъ фронтъ боевой линіи не могъ быть развернуть болѣе, какъ на взводную дистанцію. Генералу Стрѣкалову означенная позиція представилась весьма выгодною для постройки на ней новаго укрѣпленія и для будущихъ военныхъ операцій; а потому карабинерамъ велѣно, выставивъ застрѣльчиковъ, приступить къ вырубкѣ лѣса и къ постройки батарей на кладбищѣ и на мысу.

Живо заходили топоры, повалились вѣковые орѣхи и лѣсные великаны чинары, переплетенные плющемъ и дикимъ виноградомъ. Работа шла успѣшно. Лезгинны, сторожившіе русскихъ, дозволили совершенно безпріяетвенно подойти къ своему аулу, но когда карабинеры по приказанію генерала открыли работы, то отважные закатальцы, завидя близкую опасность, угрожавшую родному аулу, стали вмѣстѣ съ копичемъ Шихъ-Шабана окружать работающихъ, пробираясь съ ловкостію кошекъ изъ оврага въ оврагъ. Число горцевъ быстро умножилось до значительной цифры. Шихъ-Шабанъ еще разъ заставилъ ихъ поклясться предъ кораномъ умереть за свободу своихъ семействъ, онъ говорилъ: «Молитва ваша не будетъ молитвою и постъ не будетъ постомъ, пока вы не побѣдите пришельцевъ русскихъ».

Горцы заняли сады; завязалась перестрѣлка въ цѣпи, выставленной передъ кладбищемъ отъ 2-хъ ротъ 2-го баталіона.

(*) Во всемъ завалахъ болѣею частью такою изгородью обнесены аулы и селы.

Тутъ-же присутствовавшій генераль Стрѣкаловъ, основывая свои распоряженія на донесеніяхъ лазутчиковъ-лезгинъ, увѣрявшихъ его, что скопища дагестанцевъ нѣтъ и закатальцы въ маломъ числѣ, не принялъ при первыхъ выстрѣлахъ строгихъ мѣръ предосторожности, заведя войска на выгодную позицію, а разбилъ ихъ на небольшія команды. Бездѣйствіе наше ободрило горцевъ. Перестрѣлка часъ отъ часу усиливалась. Наконецъ, лезгинны, видя передъ собою малое число стрѣлковъ, съ дикими криками бросились въ шашки. Въ одно мгновеніе пали подъ ударами горцевъ: начальникъ застрѣльщиковъ, подпоручикъ Карсунъ, 4 унтеръ-офицера и 5 рядовыхъ. Горцы на этомъ пунктѣ стали сосредоточиваться. Князь Дадіанъ, находясь близъ цѣпи и опасаясь, чтобъ ее совершенно неотрѣзали, послалъ просить взводъ въ подкрѣпленіе. Взводъ однако былъ высланъ поздно, такъ что цѣпь, тѣсняемая громадностію силъ непріятели, вынуждена была отступить; прибывшій взводъ дозволилъ застрѣльщикамъ, отступая, навести горцевъ на баталіонъ, который встрѣтилъ непріятели ружейнымъ огнемъ и картечнымъ залпомъ. Мѣткій залпъ опрокинулъ чрезмѣрно дерзкую массу горцевъ—они бросились въ лѣсъ и сады; цѣпь, въ числѣ 66 человекъ, была снова выставлена подъ командою штабсъ-капитана Потебни, но уже ближе къ баталіону; работа въ обоихъ баталіонахъ продолжала производиться. Начальникъ резерва цѣпи, штабсъ-капитанъ Гурамовъ, замѣтя, что лезгинны въ большой силѣ собираются впереди фронта и фланговъ баталіона, увѣдомилъ о замыслахъ противника командира полка, который тотъ-же часъ приказалъ подполковнику Ключи собрать рабочихъ и быть въ готовности встрѣтить горцевъ, а самъ отправился къ Стрѣкалову, находившемуся на высотѣ, занимаемой баталіономъ Кашутина, чтобъ лично доложить генералу о ходѣ дѣла и испросить дозволеніе 2-му баталіону сбить лезгинъ съ запытаго ими пункта и тѣмъ отдалить отъ нашихъ рабочихъ. Однакожь, генераль, все еще довѣряя лазутчикамъ, несогласился на просьбу

Дадіана, и приказалъ усиленно рубить лѣсъ, не обращая вниманія на малочисленнаго непріятеля.

Между тѣмъ наваленный лѣсъ все больше и больше уменьшалъ позицію и окружалъ карабинеръ какъ будто засѣкою, которая давала возможность горцамъ совершенно незамѣченными подкрадываться къ рабочимъ.

Въ 3 часа по полудни, когда укрѣпленіе не было еще и въ половину окончено, лезгинны, усиленные новыми толпами, прибывшими въ помощь изъ соседнихъ ауловъ, собрались въ густомъ лѣсу и рѣшились всѣми силами атаковать русскихъ сперва на кладбищѣ, на могиллахъ своихъ праотцевъ, покой которыхъ нарушили невѣрные.

Карабинеры, успокоенные генераломъ, съ особенною дѣятельностію продолжали производить работу, сопровождая паденіе каждаго дерева веселыми криками, не предвидя грозы, которая вблизи ихъ собиралась.

Чуткая цѣпь наша, открывъ снова непріятеля, вступила съ нимъ въ перестрѣлку. Резервъ, состоявшій изъ 92 человѣкъ, сталъ ее усиливать. Въ этотъ моментъ лезгинны по приказанію набобовъ выхватили шашки и съ ужаснымъ гикомъ бросились съ фронта и фланговъ на рабочихъ и цѣпь, отрѣзавъ послѣднюю совершенно отъ баталіона; застрѣльщики окруженные, стали мужественно защищаться. Штабсъ-капитанъ Потебня, ободряя солдатъ и дѣйствуя въ ряду ихъ штыкомъ, первый палъ подъ ударами шашекъ. Штабсъ-капитанъ Гурамовъ, не уступая въ отвагѣ Потебни, неподалека назадъ до тѣхъ поръ, пока кровь, лившаяся изъ раны, не обезсилила его.

Карабинеры-застрѣльщики почти всѣ сложили свои молодецкія головы возлѣ начальниковъ—только 4 человѣка уцѣлѣло, чтобъ передать потомству объ ужасной, только-что разыгравшейся кровавой сценѣ.

Рабочіе, рубившіе въ балкѣ лѣсъ, влѣво отъ кладбища и вправо на скатъ горы, были съ такою-же внезапностію атако-

ваны, такъ-что многіе не успѣли даже разобрать ружей, составленныхъ въ козлы. Завязался отчаянный, хотя и неровный бой; два орудія, находившіяся на кладбищѣ, едва успѣли сдѣлать 3-й выстрѣлъ, какъ офицеръ былъ раненъ, а прислуга и лошади перебиты и ранены. Подполковникъ Клюки, составившій съ 206 человѣками прикрытіе къ орудіямъ, бросился въ помощь рабочимъ, уже отгѣсненнымъ къ дорогѣ. Здѣсь произошелъ рѣшительный бой. Лезгины, собравшись въ числѣ болѣе 3-хъ тысячъ, съ новою яростію бросились на остатки баталіона и въ одинъ мигъ выхватили храбрѣйшихъ изъ рядовъ. Подполковникъ Клюки, все время находившійся впереди баталіона, одушевлялъ личною отвагою подчиненныхъ, пока рана не лишила его чувствъ; подпоручикъ Литвиновъ, взявшій при штурмѣ Карса непріятельское знамя, врубился въ толпу горцевъ и дорогою цѣною искупилъ свою смерть; фельдфебеля и унтеръ-офицеры дрались и падали во главѣ ротъ.

Генераль Сергѣевъ прислалъ сначала въ подкрѣпленіе двѣ роты 1-го баталіона, подъ командою Кашутина, а вскорѣ и остальные двѣ роты, оставивъ на высотѣ для своего прикрытія $\frac{1}{2}$ роты саперъ, при 2-хъ орудіяхъ.

Прибытіе 1-го баталіона на мѣсто сраженія только увеличило число жертвъ, ибо стѣсненная мѣстность парализировала дѣйствія карабинеръ. Первый баталіонъ, сбитый въ кучу, подвергался той-же участи. Кашутинъ, не смотря на всѣ невыгоды своего положенія, не смотря на потери и презирая смерть, вступилъ въ рукопашный бой, но получивъ двѣ раны, за-мертво вынесенъ былъ изъ дѣла.

Остатки ротъ, лишеныя начальниковъ и доведенныя до крайняго истощенія и изнеможенія, были вдвинуты въ узкую улицу, гдѣ горцы, засѣвъ по обѣ стороны изгороди, почти на выборъ, совершенно безнаказанно, стали поражать папихъ. Всякое сопротивленіе на этомъ пунктѣ было невозможно и даже безразсудно—карабинеры вынуждены были отступить.

Саперы, тоже потерявшіе до 18 челов., отступили, неся раненаго генерала Сергѣева.

Потери полка состояли: убитыми и ранеными два баталіонныхъ командира, 10 оберъ-офицеровъ, всѣ Фельдфебеля и 339 нижнихъ чиновъ, что составляло болѣе третьей части бывшихъ въ дѣлѣ (*). Все это доказываетъ въ какой ужасной, неблагоприятной мѣстности и въ какомъ жестокомъ положеніи находился полкъ. Однако, не смотря на такую громадную убыль, баталіоны, какъ только дозволила мѣстность, остановились на широкой полянѣ и построившись въ колонны, стали наступать съ барабаннымъ боемъ на горцевъ, которые, завидя развернувшіяся силы карабинеръ, поспѣшно стали удаляться въ горы. Въ это время наступленіе баталіоновъ было остановлено приказаніемъ Стрѣкалова—вернуться въ лагерь. Князь Дадіанъ, отъ имени полка, два раза просилъ генерала дозволить карабинерамъ продолжать атаку и доказать, хотя-бы это стоило жизни всѣхъ, что полкъ умѣетъ драться, но воли генерала была непреклонна.

Грустно возвращались эриванцы въ лагерь — самолюбіе было сильно задѣто. Въ теченіе 30-лѣтней кавказской войны они ни разу еще не уступали непріятелю занимаемой позиціи и всегда торжествовали побѣду.

(*) Приказъ по полку, отъ 21 октября, 1830 года, № 245.

Убиты: штабсъ-капитанъ Потебня, подпоручики Литвинсъ, Селя-Стіановъ, Борсунъ и Шрейберъ; ранены, кроме баталіонныхъ командировъ, капитанъ Янгенскій, штабсъ-капитаны Ошкель и Гурамовъ.

Нижнихъ чиновъ убито:	4-го баталіона	1-й карабн. роты	2.	Нижнихъ чиновъ ранено:	10
		1-й есек.	1.		14.
		2-й —	42.		7.
		3-й —	46.		11.
		Итого . . .	94.		Итого . . .
2-го баталіона		2-й карабн. роты	41.	21.	
		4-й есек.	30.	42.	
		5-й —	28.	46.	
		6-й —	28.	44.	
		Итого . . .	127.	Итого . . .	63.
Всего . . .		218.	Всего . . .		405.

Въ лагерѣ въ этотъ вечеръ карабинеры не раскладывали бивуачныхъ огней и не вели оживленнаго разговора. Сердитыя лица и затаенная злоба свидѣтельствовали о неудачномъ дѣлѣ, а общее желаніе новаго боя съ горцами показывало, что полкъ не былъ деморализованъ.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Паскевича объ этомъ дѣлѣ оканчивается слѣдующими словами (*): «Какъ изъ бумагъ, такъ и изъ другихъ собранныхъ мною свѣдѣній оказывается главнѣйшею причиною сего несчастія командовавшій войсками генераль Стрѣкаловъ, тѣмъ, что слишкомъ раздробилъ отрядъ и завелъ малыми частями въ такое мѣсто, гдѣ невозможно было дѣйствовать. Малочисленная команда (карабинеръ), будучи разсыпана въ стрѣлкахъ и для рубки деревь, внезапно была окружена со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, и при семъ случаѣ не была имъ подана во время помощь» (*). Государь императоръ донесеніе это повелѣлъ: «Принять къ свѣдѣнію».

Къ донесенію Паскевича можно прибавить то, что Стрѣкаловъ сильно довѣрялъ лазутчикамъ и мало обращалъ вниманія на показанія колоннаго начальника и князя Дадіана. Когда былъ остановленъ первый взрывъ горцевъ, надлежало ихъ взять баталіонами въ штыки и совершенно разсѣять, какъ предлагалъ князь Дадіанъ; а между тѣмъ, какъ будто оробѣвъ, приблизили цѣпь къ баталіону. Такой маневръ только поощрилъ смѣлое предпріятіе лезгинъ, и лишилъ цѣпь нашу возможности на дальнемъ разстояніи слѣдить за движеніями ихъ скопищъ. Духъ горской войны хотя въ послѣдствіи и измѣнился вслѣдствіе мюридизма, но въ то время горцы, какъ и всѣ вообще дикари, были робки при наступленіи на нихъ регулярныхъ войскъ съ барабаннымъ боемъ и весьма дерзки, лишь только замѣчали малое замѣшательство въ рядахъ противника.

(*) Т. Ар., отъ 31 декабря, 1830 года, по г. шт., 2 отдѣлен.

(**) Демонстраціонная волея полковника Кашгарета не приняла участія въ дѣлѣ, хотя была вблизи.

Послѣ закатальскаго дѣла сейчасъ потребованы были изъ Манглиса въ отрядъ двѣ роты 3-го баталіона и всѣ нижніе чины первыхъ двухъ баталіоновъ, оставшіеся въ полку при ротномъ хозяйствѣ.

Между тѣмъ цѣлый мѣсяць отрядъ провелъ въ бездѣйствіи. Генералъ Стрѣкаловъ, поторопясь сначала, потомъ сталъ медлить. Наша нерѣшительность предала горцамъ особенную смѣлость. Они 5-го ноября напали на колону фуражировъ и хотя были остановлены эриванскими и другими застрѣльщиками, но при этомъ случаѣ выказали снова какими огромными скопищами они могутъ собираться. Черезъ три дня опять повторили нападеніе на 3-ю егерскую роту штабсъ-капитана Оникова, убивъ одного и ранивъ троихъ (*).

Наконецъ, 14-го ноября выбрано днемъ штурма Закаталь. «Обрадовались эриванцы, ибо всѣ чины, составлявшіе полкъ, горѣли однѣмъ нетерпѣніемъ—отмстить врагамъ за падшихъ товарищей» (**).

Войска были раздѣлены на три колонны: одной изъ нихъ, состоявшей подъ начальствомъ князя Дадіана, изъ двухъ баталіоновъ карабинеръ, приказано атаковать съ фронта, другой колоноѣ велѣно дѣйствовать со стороны горной дороги въ Дагестанъ, а третьей поручено обойти въ тылъ.

Въ день штурма, пользуясь густотой тумана, наши колонны безпрепятственно прошли затрудненія, встрѣтившіяся на пути и быстро устремились на непокорный ауль. Эриванцы, направленные въ центръ, въ самое опасное мѣсто, взяли штыками домъ старшины Чайко-оглы—главнаго мятежника, овладѣли лагеремъ, гдѣ отбили одно орудіе, а тѣсня далѣе опрокинутыхъ закатальцевъ, вырвали у нихъ послѣ стычки еще два орудія,—вторая колона взяла башню. Горцы, выбитые изъ Закаталь, намѣревались отступить по горной тропѣ къ селе-

(*) Приказъ по полку, отъ 18 ноября. 1830 г., № 263.

(**) Изъ донесен. князя Дадіана.

нію Мухахъ, по обойденные третьей колоною въ тылъ, а съ фронта преслѣдуемые карабинерами и тушивами, вынуждены были разсѣяться по всѣмъ ущельямъ, бросивъ въ одномъ оврагѣ свои имущества и семейства въ добычу разсвирѣпѣвшимъ тушинцамъ, которые, пегодуя къ нимъ народною ненавистію, не щадили даже женъ и дѣтей ихъ.

Такъ пали неприступныя Закаталы. Однако, скопница горцевъ, увлекаемая мюридизмомъ, снова собрались подъ знамена наибовъ, заняли селеніе Бѣлоканы тремя лагерями и окружили небольшое паше Бѣлоканское укрѣпленіе. Русскіе отряды съ двухъ сторонъ были направлены въ помощь бѣлоканскому гарнизону: изъ Закаталъ двинуты десять ротъ эриванцевъ, при 3-хъ орудіяхъ, а съ Алазани отрядъ полковника Кашкарева. Съ разсвѣтомъ 22-го декабря отряды приблизились къ Бѣлоканамъ и вступили въ дѣло; эриванцы дѣйствовали противъ верхняго укрѣпленнаго лагеря—бой продолжался цѣлый день; дагестанцы жестоко дрались, но наши войска шагъ за шагомъ выбивали ихъ изъ аула. Темнота ночи прекратила атаку. Войска ночевали на полѣ битвы.

Горцы, не надѣясь удержаться въ Бѣлоканахъ, стали удаляться въ горы, но наши передовые пикеты, замѣтя отступленіе, дали знать резерву, откуда тотчасъ были высланы колонны для преслѣдованія. Двѣ роты—8 и 9-я—прибывшія изъ Манглиса подъ командою подполковника Хамуцкаго, почти бѣгомъ преслѣдовали горцевъ до неприступныхъ снѣжныхъ горъ.

Этимъ дѣломъ завершилась экспедиція 1830 года, результатомъ которой было то, что главные мюриды—Амзатъ-бекъ и Шихъ-Шабанъ—покорились безусловно. Закаталы, какъ гнѣздо вѣчной ненависти къ Россіи, было истреблено до основанія. Обезоруженные-же жители его выселены на Алазань. Съ потерю Закаталъ джарскіе лезгинны лишились лучшаго мѣста для обороны.

Уничтоженіемъ Закаталъ и усмиреніемъ джарцевъ безопасность Кахетинъ была отчасти обезпечена. Правда, изъ внутреннихъ горъ Дагестана, по едва доступнымъ тропинкамъ, лезгины могли дѣлать опустошительные набѣги на грузинскія деревни, но для заслоненія пути этимъ разбойничьимъ шайкамъ, учреждена лезгинская кордонная линія на разстояніи отъ Тупетинъ до Нухи, охраняемая пѣшимъ полкомъ туземцевъ и небольшими подвижными резервами изъ регулярной пѣхоты. Въ составъ этихъ резервъ входили въ разное время и баталіоны Эриванскаго полка.

Въ началѣ 1831 года Кази-мулла уже успѣлъ взбунтовать подвластные намъ Табасаранъ и Каракайтахъ, а лѣтомъ того-же года имѣлъ даже нѣсколько удачъ въ своихъ боевыхъ предпріятіяхъ. Этимъ удачамъ много способствовало удаленіе нашихъ войскъ къ границѣ Персіи, вслѣдствіе возникшихъ несогласій съ нею. Однако, скоро дружескія отношенія съ этою державою были восстановлены, и значительныя силы кавказскаго корпуса снова были устремлены противъ возмутителя.

Въ концѣ сентября въ Дербентѣ былъ собранъ отрядъ изъ 3,500 человекъ пѣхоты, 3000 чел. конницы, при 20-ти орудіяхъ, надъ которымъ принялъ начальство генераль-адъютантъ Панкратевъ—въ то время управлявшій закавказскимъ краемъ за отсутствіемъ графа Паскевича.

Въ составъ этого отряда вошли оба первые баталіона эриванцевъ, выступившіе въ этотъ походъ изъ своей штабъ-квартиры еще въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Панкратевъ двинулъ свой отрядъ тремя колонами въ верхнюю Табасаранъ—для истребленія самыхъ значительныхъ селеній, въ коихъ гнѣздились бунтовщики. Князю Дадіану поручалось съ эриванцами и милиціею взять аулы Хунчи и Холоди (*). Онъ 4-го октября занялъ съ бою сильно укрѣпленное селеніе Хунчи, гдѣ мятежники держались нѣкоторое время,

(*) Колону составляли 1-й и 2-й баталіоны эриванцевъ, два полка милиціи, при 4-хъ орудіяхъ.

но взятые въ штыки, нѣсколько сотъ человѣкъ, сдались въ плѣнъ. У эриванцевъ убито: капитанъ Бронзинскій—командиръ 5-й роты—и четыре карабинера, а ранено два (*). По совершенномъ истребленіи Хунчи, Дадіанъ взялъ 7-го октября аулъ Холоди и тѣмъ выполнилъ возложенное на него порученіе. Другія колонны, въ особенности полк. Миклашевскаго, взятіемъ неприступнаго аула Дювека тоже достигли хорошаго результата. Табасаранцы смирились, обѣщаясь выгнать мюридовъ и не впускать на свои границы Казн-муллу (**).

Между тѣмъ родственникъ шамхала Тарковскаго, Умаладь-Бей, передавшійся мюридамъ, находился въ аулѣ Ерпили, имѣя до 6000 вооруженныхъ людей. Панкратьевъ 23-го октября атаковалъ аулъ Ерпили, лежащій почти въ неприступномъ мѣстѣ. Аулъ былъ окруженъ глубокими оврагами, густымъ лѣсомъ и завалами. Эриванцы шли въ штурмовой колоннѣ. Всѣ завалы, лѣсъ и аулъ (заключавшій до 500 каменныхъ домовъ) брались штурмомъ и очищались штыками, но не смотря на такую трудную кровавую работу (въ теченіе двухъ часовъ), Ерпили взяли вмѣстѣ съ почетнымъ знаменемъ Умаладь-Бея. Кромѣ этого, захвачено до 1000 штукъ разнаго скота, множество имущества и ружей. Самаго Умаладь-Бея только сильный туманъ едва спасъ отъ плѣна.

Послѣ взятія Ерпили отрядъ приблизился къ аулу Чиркей, расположенному на лѣвомъ берегу р. Койсу. Чиркей считался главнымъ притономъ ревностнѣйшихъ послѣдователей мюридизма. Въ немъ находились въ сборѣ приверженцы Казимуллы, въ числѣ до 4000 дагестанцевъ. Они, уничтоживъ мосты и укрѣпивъ берегъ бурнаго Сулака, встрѣтили наши войска ружейнымъ огнемъ, но вызванные охотники (въ томъ числѣ Эриванскаго полка капитанъ Золотаревъ, подпоручики: Курмачевъ, Гозиушъ,—прапорщики: Котовъ и Тархановъ, а также

(*) Приказъ по полку, отъ 8-го октября, 1831 года, № 192.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 6-го октября, 1831 года, № 74.

нижнихъ чиновъ 300 человекъ) (*), бросились впередъ, сбили дегестанцевъ съ береговыхъ укрѣпленій и ворвались въ ауль. Чиркейцы, потерявъ болѣе 300 человекъ убитыми, согласились во всемъ исполнять волю нашего правительства (**).

Покореніемъ означенныхъ ауловъ окончилась экспедиція 1831 года—она возстановила спокойствіе въ Дагестанѣ (***)).

Между тѣмъ Казимулла, испытавъ неудачи съ этой стороны, бросился къ чеченцамъ, возмущилъ ихъ противъ насъ и вмѣстѣ съ ними 1-го ноября неожиданно напалъ на городъ Кизляръ, разорилъ его и съ добычею поспѣшно удалился въ горы.

Генералъ Вельяминовъ, начальникъ кавказской линіи, рѣшился строго наказать чеченцевъ. Съ этою цѣлью онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ собралъ отрядъ, въ числѣ 5369 человекъ. Въ составъ этого отряда поступилъ 3-й баталіонъ эриванцевъ подполковника Хамуцкаго. Въ баталіонѣ находилось 685 штыковъ, въ томъ числѣ и женатая рота. 28-го декабря баталіонъ уже участвовалъ при взятіи приступомъ и совершенномъ истребленіи ауховской дер. Ярыкъ-су-аухъ. Отсюда отрядъ 5 января безъ палатокъ, въ однѣхъ шинеляхъ, выступилъ къ непокорному аулу Ахташъ-аухъ. Баталіонъ Хамуцкаго шелъ въ авангардѣ. Не смотря на то, что дорога была покрыта снѣгомъ и гололедицею, карабинеры быстро стали приближаться къ аулу Ахташъ, но не доходя его, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ

(*) Приказъ по полку, № 199, октября 27-го. Нижніе чины отъ командира полка за это дѣло получили: по 4 руб. ассн. и по чаркѣ водки.

(**) Извѣстіе отъ 14-го ноября, 1831 года, помѣщ. въ газетѣ „Кавказъ“.

(***) Награды за экспедицію: полковой командиръ Дадаши—Владим. 3 степени.

Штабсъ-капит.	Миргородскій.	}	св. Владим. 4 степени
Поручики:	Джавახовъ.		
	Брякеловъ.	}	св. Анны 3 степени.
	Золотаревъ.		
	Потебинъ.	}	св. Анны 4 степени.
	Жуковъ.		
Прапорщики:	Коталовъ.		
	Шмаговъ.		

Остальные офицеры повышены въ чинахъ.

Нижнимъ чинамъ 24 знака. Приказъ по полку, отъ 16 ноября, 1831 г., № 221

залпомъ изъ окоповъ, прикрывавшихъ доступъ къ аулу. Тогда Хамуцкій, осмотрѣвъ мѣстоположеніе аула, повелъ баталіонъ съ одѣмъ орудіемъ въ обходъ вправо, по скалистому косоугру, и зайдя во флангъ, открылъ по окопу огонь изъ орудія и застрѣльщиками. Маневръ этотъ имѣлъ отличный результатъ. Горцы, обнаженные съ фланга, не могли противостоятъ нашимъ выстрѣламъ и толпою побѣжали въ аулъ. Вельяминовъ по слѣдамъ чеченцевъ пустилъ въ атаку карабинеръ и другія части войскъ. Первый ворвался въ Ахташъ-аухъ Хамуцкій съ своимъ баталіономъ (*). Чеченцы, преслѣдуемые карабинерами, не въ силахъ были удержаться въ аулѣ и скоро бѣжали за р. Ахташъ, къ новому поселенію нашихъ бѣглыхъ андреевцевъ, которое было сильно защищено двумя крѣпкими завалами при подъемѣ на врутой берегъ р. Ахташъ.

Вельяминовъ, миновавъ поселеніе андреевцевъ, двинулся въ салатавскія земли, гдѣ укрывалось до 2-хъ тысячъ мюридовъ подъ начальствомъ самаго Кази-муллы. Появленіи нашихъ войскъ и перестрѣлки при деревняхъ Анбурго и нижнемъ Комаръ было достаточно, чтобъ привести салатавцевъ въ покорность. Кази-мулла съ скопищемъ удалился въ глубь горъ.

Сильные январскіе морозы 1832 года въ горахъ и сугробы снѣга не позволили далѣе продолжать экспедицію. Отрядъ, отодвинувшись назадъ, расположился на зимовку по станциямъ; эриванцы заняли стапцы Калиновскую и Мекинскую.

Не-долго простоялъ 3 баталіонъ на мѣстѣ—въ половинѣ марта Вельяминовъ предпринялъ набѣгъ на непокорные аулы, лежащіе вблизи крѣпости Грозной,—баталіонъ Хамуцкаго шелъ въ авангардѣ, по дорогѣ, заваленной снѣжными глыбами. На другой день по выступленіи взяты штурмомъ двѣ деревни: Казакъ-кичи и Албара (**), которыя тотчасъ были сожжены, а

(*) Рапортъ Хамуцкаго кн. Дадіану, отъ 20-го января, 1832 года, № 16: убито при Ахташъ два рядовыхъ и ранено 14 человекъ.

(**) Рапортъ Хамуцкаго кн. Дадіану, отъ 25-го февраля, 1832 года, № 82: убито 1 и ранено 6 карабинеръ.

отрядъ, не имѣя возможности продолжать набѣга далѣе вслѣдствіе сильной стужи и метелей, сталъ отступать, неся съ собою до 200 человѣкъ обмороженныхъ въ ночь на 16-е марта. Спиртъ, привезенный Хамуцкимъ въ горы, далъ возможность карабинерамъ перенести морозъ безъ послѣдствій. Эти движенія Вельяминова были сопряжены съ такими сильными лишениями, что сподвижники его уцѣлѣвшіе въ Манглисѣ на военномъ поселеніи, и теперь съ ужасомъ вспоминаютъ про эту экспедицію. „Всю зиму провели подъ шапкой—гдѣ ночь застала, тутъ и останавливаются на почлегъ; только и удавалось, обогрѣвшись возлѣ костра, соснуть немного, да и то иной разъ чеченецъ, подкравшись, разгонялъ пулями. Днемъ-же мы гонялись за ними и брали съ бою саклюги, а тамъ такая нищета, что и перекусить ничего не найдешь“ (*).

Еще въ октябрѣ 1831 года прибылъ въ Тифлисъ новый командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ 1-й, въ то время, когда весь Дагестанъ, какъ мы видѣли, былъ приведенъ въ волненіе вліяніемъ мюридизма и главнымъ его проповѣдникомъ—Кази-муллою. Не смотря на то, что отряды генераловъ Панкратьева и Вельяминова часто разгоняли скопища горцевъ и восстанавливали спокойствіе въ горахъ, не смотря и на то, что смѣлыя дѣйствія нашихъ отрядовъ хотя и наводили страхъ на горскія племена и они выдавали аманатовъ, но лишь только между ними появлялись мюриды съ главою ихъ Кази-муллою, то они снова ополчались съ воими единовѣрцами противъ русскихъ и дѣлали смѣлые набѣги на наши станицы. Въ такое-то время прибылъ баронъ Розенъ и рѣшился дѣйствовать противъ Кази-муллы, какъ противъ главнаго виновника всѣхъ возстаній. Съ этою цѣлью онъ усилилъ отрядъ Вельяминова до 10,000 и въ половинѣ іюля 1832 года прибылъ самъ въ походъ, предоставивъ распоряжаться дѣйствіемъ отряда Вельяминову. Въ составъ этого отряда вошли въ іюлѣ 1 и 2-й баталіоны эриванцевъ, вы-

(*) Разсказъ поселенца Крацова.

ступившіе изъ Манглиса еще въ началѣ іюня, подъ командою князя Дадіана, и стоявшіе до этихъ поръ за Балтой, верстахъ въ 15-ти вверхъ по Тереку. Первый ударъ нашихъ войскъ былъ направленъ противъ галгаевцевъ.

По русскому обычаю, отслуживъ сперва молебень, корпусный командиръ поздравилъ солдатъ съ походомъ. Барабанъ ударилъ переправу, и баталіоны 11-го іюля перешли Терекъ черезъ мостъ, устроенный на козлахъ. Погода въ день выступления стояла прекрасная. Салдатики въ фуражкахъ, подобравъ по кавказскому обыкновению шинельныя полы, несли въ мѣшкахъ шести-дневный запасъ сухарей—отрядъ поднялся на-легкахъ, безъ палатокъ, имѣя на выюкахъ только десяти-дневное продовольствіе. Войска растянулись въ нитку на разстояніи 5-ти верстъ—эриванцы шли въ авангардѣ. Галгаевцы, испуганные движеніемъ войскъ, побросали свои аулы и бѣжали въ труднодоступныя мѣста кавказскаго хребта; каменные жилища ихъ, встрѣчаемыя на пути, разламывали кирками и ломами, а деревянныя жгли; башни встрѣчались съ крестами, что служило признакомъ господства здѣсь грузинъ въ концѣ XI-го и въ началѣ XII-го столѣтія при царевнѣ ихъ Тамарѣ.

Бѣдно и дико было житье заоблачныхъ ауловъ, лѣпившихся по скалистымъ утесамъ подобно орлинымъ гнѣздамъ. Чѣмъ далѣе уходили въ общество галгаевцевъ, тѣмъ хуже становилась горная стезя, по которой едва проходила лошадь. Впереди идущаго, нельзя было обогнать, не рискуя оборваться въ бездну; тѣла горныхъ орудій и лафеты эриванцы подымали на длинныхъ жердяхъ, а спускали на веревкахъ. Нашъ солдатъ, взрощенный на плоскости, обремененный тяжестью, ловко карабкался на скалы, считавшіяся доступными для однихъ туровъ и легкихъ горцевъ. На 5-й день похода, 15-го іюля, двинулись на верховья Ассы; войска стояли бивуакомъ,—іюльское солнце яркимъ свѣтомъ обливало природу—въ этотъ день раздалась первые непріятельскіе выстрѣлы. На горѣ Гой укрылись

горскія семейства; милиція, поддерживаемая эриванскими ротами, пущена на другой день въ атаку. Галгаевцы осыпали наступающихъ камнями, которые, летя съ крутизны со свистомъ и оглушительнымъ грохотомъ, дѣлали движеніе впередъ невозможнымъ. Лазутчикъ повелъ войска въ обходъ, и этимъ горцы вынуждены были очистить гору. На другой день, 21-го іюля, эриванцы, вытянувшись гуськомъ, шли опять въ головѣ отряда.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ тропа пзвивалась надъ бездною, непріятель, засѣвъ въ башнѣ не далѣе двадцати шаговъ отъ тропы, открылъ стрѣльбу—первый солдатъ убитъ, двое послѣдующихъ ранены. Донесли барону Розину: «Если отрядъ станетъ дефилировать подъ выстрѣлами, то у насъ безъ всякаго проку перебьютъ нивестъ сколько людей» (*).

Дѣйствительно, царинская башня стояла на отдѣльной гранитной скалѣ,—она была чрезвычайно плотно сложена изъ крѣпкаго камня, съ узкими бойницами.

Открытый огонь изъ орудій по башнѣ оказался безвреднымъ—осталось сдѣлать подкопъ и взорвать ее на воздухъ. Передовыя двѣ роты эриванцевъ, поднявшись съ величайшимъ трудомъ на скалистую гору, зашли башнѣ въ тылъ и стали кирками долбить скалу; на другой день весьма трудная работа продолжалась, вмѣстѣ съ тѣмъ вступили въ переговоры съ гарнизономъ и объявили имъ, что они взлетятъ на воздухъ, если не сдадутся—въ случаѣ покорности, имъ обѣщана жизнь. Послѣ непродолжительной паузы послѣдовало согласіе; отлетѣли двери, и какво было удивленіе всѣхъ, когда изъ башни вышли только два оборванныхъ галгаевца, которые остановили отрядъ, убили у насъ трехъ и ранили одиннадцать человекъ.

По взятіи царинской башни разорено нѣсколько хуторовъ—тѣмъ и обончилась галгаевская карательная экспедиція; отрядъ двинулся обратно.

(*) Русскій Вѣстникъ 1869 г., мартъ, стр. 123

Эриванцы вели галгасцевъ, взятыхъ въ башнѣ. Конвой и оба плѣнника вытянулись по горной тропинкѣ врьдъ—одинъ за другимъ. Старшій въ конвои унтеръ-офицеръ, опасаясь упустить горцевъ, связалъ имъ назадъ руки веревкою и конецъ отъ нея привязалъ къ своему поясному ремню. Плѣнники задумали бѣжать. Во время проѣзда главнокомандующаго мимо конвоя они стали жаловаться, что имъ крѣпко связаны руки и просили ослабить веревки. Когда просьба ихъ по приказанію главнокомандующаго была исполнена, то они, выбравъ удобное и хорошо имъ извѣстное мѣсто надъ обрывомъ, съ такою быстротою рванулись въ кручу, покрытую непроницаемымъ туманомъ, что въ одинъ мигъ слетѣли внизъ, увлекши съ собою и унтеръ-офицера. Поднялась тревога—эриванцы бросились спасать сослуживца, но было безуспѣшно. Горцы, очутившись на двѣ пропасти, освободили себѣ руки, убили обезпамятовавшаго унтеръ-офицера и безнаказанно ушли въ горы. Подобные случаи выработывали у эриванцевъ навыкъ къ горной войнѣ.

Отрядъ, сосредоточившись на р. Ассѣ, съ 5-го августа, по плану генерала Вельяминова, открылъ свои дѣйствія небольшими колоннами противъ малой Чечни. Въ тотъ-же день Эриванскій полкъ, въ колоннѣ генералъ-маіора Черкаскаго, участвовалъ при взятіи и совершенномъ истребленіи аула Ачхоя, расположеннаго на р. Фортангѣ, при чемъ карабинеры-застрѣльщики вели оживленную перестрѣлку и всю ночь провели на аванпостахъ въ непрерывной готовности отразить нападеніе чеченцевъ, которые подкрадывались къ нашей цѣпи, открывали пальбу и ранили трехъ карабинеръ. Утромъ пальба смолкла. Колонна, истребивъ посѣвы, отошла на Ассу.

Черезъ три дня, отрядъ, еще до свѣта, поднялся на ноги, пообѣдалъ и двинулся въ глубь малой Чечни, къ аулу Нурко, по дорогѣ, пролегавшей въ густомъ лѣсѣ. Во время этого слѣдованія у эриванцевъ поднялась тревога—первая рота съ крикомъ ура повернула въ нашу лѣса. Причиною этой тревоги

былъ слѣдующій случай: отъ этой роты молодой солдатъ свернулъ немного съ дороги въ лѣсъ, гдѣ на него напали чеченцы. Емельяновъ (такъ звали солдата) сталъ обороняться и звать на помощь своего дядьку рядового Петрова. Крикъ былъ услышанъ въ ротѣ, доложили ротному командиру, штабсъ-капитану Миргородскому, который, не теряя времени, повернулъ роту въ лѣсъ, не успѣвъ даже испросить на это разрѣшенія. Петровъ первый поспѣшилъ на выручку своего племянна. Чеченцы скрылись, но у Емельянова уже была отрублена лѣвая рука.

За всякимъ нашимъ шагомъ слѣдили чеченцы и пользуясь малѣйшею оплошностію, какъ хищныя звѣри, изъ своихъ логовищъ нападали на неосторожныя жертвы. Старые солдаты знали сноровку непріятеля и держали себя каждый часть чутко.

Вечеромъ того-же дня наши войска, разбросавъ засѣтки, преграждавшія доступъ къ аулу Нурко, истребили его огнемъ.

На слѣдующій день отрядъ перешелъ къ богатому аулу Гехи, который вмѣстѣ съ сосѣдними аулами изъявилъ намъ безусловную покорность. Отъ Гехи эриванцы въ авангардной колонѣ своего полкового командира князя Дадіана перешли къ рѣчкѣ Рошни; тутъ съ большимъ успѣхомъ разорили и сожгли разсыпанные по лѣсу хутора; за тѣмъ, пройдя безъ потерь извѣстный кавказцамъ по битвамъ гойтинскій лѣсъ, тянувшійся на разстояніи семи верстъ, присоединились къ отряду, передвинутому уже на рѣчку Гойту.

На этомъ бивуакѣ главнокомандующій, принявъ покорность отъ жителей малой Чечни, далъ приказъ войскамъ готовиться къ походу въ большую Чечню.

Всѣ больные и раненые были отправлены въ кр. Грозную, куда слѣдоваль транспортъ за провіантомъ.

Дождавшись транспорта, баронъ Розенъ двинулъ свой семитысячный отрядъ въ большую Чечню; Эриванскій полкъ, слѣ-

дуя въ авангардѣ, 22-го августа перешелъ въ бродъ чрезвычайно быструю «восьмирукавную» рѣку Аргунъ. Переправа чрезъ Аргунъ была сопряжена съ большими усиліями. Для уменьшенія напора воды, казаки на лошадяхъ сдѣлали чрезъ рѣчку улицу, по которой пѣхота выше пояса проходила въ бродъ, взявшись рука за руку,—если-же кого уносило водою, то ихъ спасали плавцы, разставленные для этой цѣли внизъ по теченію рѣки.

Выйдя подъ выстрѣлами на противоположный берегъ, отрядъ, разогнавъ скопище чеченцевъ и истребивъ ихъ аулы Белготай и Джалъ-юрта, заночевалъ на шалинской полянѣ.

Ночью чеченцы не беспокоили отрядъ, но лишь только сталъ заниматься день, они снова открыли стрѣльбу и стали усиливаться на дорогѣ къ аулу Герменчугу. Однако, это нисколько неостановило движенія русскихъ войскъ. Отрядъ, оставивъ вагенбургъ на полянѣ, переправился чрезъ неглубокую рѣчку Джалку, протекавшую предъ Герменчугомъ, и къ полудню сталъ на позицію въ виду аула, занятаго тремя тысячами чеченцевъ. Отрядной начальникъ, генералъ Вельяминовъ, дѣйствуя хладнокровно и желая утомить чеченцевъ ожиданіемъ боя, приказалъ солдатамъ варить обѣдъ. Онъ говорилъ: «Каждый часъ ожиданія отнимаетъ у нихъ силы и духъ, а наши солдаты тѣмъ временемъ отдыхаютъ и сила ихъ растетъ» (*). Когда роты пообѣдали и выпили порцію спирта, стали строиться въ боевыя колонны. Эриванскимъ застрѣльщикамъ приказано оцѣпить аулъ сзади, а баталіонамъ находиться въ резервѣ.

Чеченцы и въ особенности мюриды, присланные Казимуллою для защиты Герменчуга, дрались съ ожесточеніемъ, доходившимъ даже до изступленія. Каждую саклю приходилось или брать штурмомъ, или жечь вмѣстѣ съ защитниками. Къ вечеру Герменчугъ былъ взятъ (**). Русскіе торжествовали побѣду—на

(*) Русскій Вѣстникъ 1869 г., мартъ, стр. 123.

(**) При чемъ нашъ уронъ—убито: офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 104; ранено офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 42. Эриванцевъ ранено 2 человека.

ихъ бивуагѣ, освѣщенномъ пылающимъ огнемъ, пѣли пѣсни и вели оживленные разговоры, а раненыхъ, по распоряженію генерала Вельямина, уложили въ уцѣлѣвшей саклѣ и напоили чаемъ.

По засвидѣтельствуванію барона Розена: «Карабинерные стрѣлки много способствовали къ выигрышу дѣла». Онъ на восемь карабинеръ за это дѣло возложилъ знаки отличія военнаго ордена (*).

Шесть дней послѣ уничтоженія Герменчуга стояли возлѣ него, поджидая изъ кр. Грозной транспорта, куда посланы были раненые и больные.

Въ этотъ промежутокъ времени князь Дадіанъ съ своимъ Эриванскимъ полкомъ, 41 егерскимъ и тремя кавалерійскими полками занялъ съ бою аулъ Шали, при чемъ карабинерные охотники взяли штурмомъ лѣсистый оврагъ, гдѣ засѣвшіе чеченцы силились дать отпоръ. Разоривъ Шали и Чингорай-юрта, колона Дадіана присоединилась къ отряду. У эриванцевъ ранены—поручикъ Бувобльдъ и семь карабинеръ.

Съ утренней зарею 1-го сентября ударили подъемъ; отрядъ, построившись, двинулся чрезъ лѣсъ къ аулу Автури. При переправѣ чрезъ рѣчку Хулхулау, войска были встрѣчены сильнымъ огнемъ изъ лѣса; тогда отрядной начальникъ, генералъ Вельяминъ, послалъ справа и слѣва по четыре роты карабинеръ сбить горцевъ съ высотъ,—карабинеры быстро исполнили порученіе, и въ виду всего отряда ворвались въ аулъ и зажгли его.

Предъ захожденіемъ солнца отрядъ вышелъ на открытое возвышеніе, у подошвы котораго текла р. Хулхулау, и расположился бивуакомъ.

Сторожевые застрѣльщики оцѣнили бивуагъ противъ своихъ частей, а въ опасныхъ мѣстахъ, откуда неприятелю удобнѣе было напасть, положены секреты на всю ночь. На ихъ

(*) Приказъ по полку, отъ 30 августа, 1832 года, № 168.

бдительности лежала безопасность лагеря; ночь провели спокойно и двинулись далѣе—отрядъ шелъ большею частію лѣсомъ, ведя перестрѣлку; 6-го сентября стали на позицію у аула Маіортупа. Здѣсь главнокомандующій баронъ Розенъ узнавъ, что мюриды Казн-муллы отбили у гребенскихъ казаковъ, полковника Волжинскаго, два орудія и оставили въ ичкеринскомъ аулѣ Беной, двинулся выручать орудія съ большею частію отряда, эриванцы-же были оставлены прикрывать вагенбургъ.

Пока баронъ Розенъ успѣшно совершалъ движеніе въ глубь Ичкеріи, эриванцы фуражировали въ окрестностяхъ Маіортупа и жгли аулы, а 19-го сентября, вмѣстѣ съ вагенбургомъ, присоединились къ возвращавшемуся отряду.

Горцы, раздраженные разореніемъ ихъ жилищъ и взятіемъ обратно двухъ орудій, съ остервененіемъ преслѣдовали отрядъ. Въ особенности отступленіе сопряжено было съ большою потерей при движеніи чрезъ ичкеринскій лѣсъ (столь памятный кавказцамъ) и при спускѣ на кумыхскую плоскость.

Опытный Вельяминовъ, самъ распоряжался арріергардомъ. Онъ клалъ цѣпь въ три линіи и назначалъ резервы на опасныя пункты въ видѣ засады.

Горцы въ одномъ мѣстѣ добѣжали даже до орудія, но картечь брызнула имъ прямо въ лице и уложила нѣсколько десятковъ. Арріергарду въ этотъ день, 21-го сентября, не-легко было отбиваться отъ чеченцевъ—«которыхъ легче убить, нежели отогнать». Отрядъ двигался на Хопъ-гелды, такъ какъ маіортупская дорога была сильно баррикадирована.

Войска шли медленно, на каждомъ шагу отбиваясь, и уже поздно ночью вышли изъ лѣса и остановились бивуакомъ на кумыхской плоскости.

Такимъ образомъ отрядъ разгромилъ Чечню. Карабинеры въ этихъ ежедневныхъ перестрѣлкахъ выпустили до 52,000 патроновъ (*).

(*) Приказъ по полку, отъ 10 октября, 1832 года, № 195.

Дорого обошлась чеченцамъ эта экспедиція—лишь кучи обгорѣлыхъ развалинъ указывали мѣста ихъ непокорныхъ ауловъ. Отрядъ, пройдя Чечню и опустошивъ ее огнемъ и мечемъ, принудилъ смириться.

Въ концѣ сентября, чеченцы, доведенные до крайняго изнеможенія, изъявили покорность, выдали аманатовъ и внесли подати, а участвовавшіе изъ нихъ въ набѣгъ на Кизляръ, заплатили сверхъ того штрафъ за разграбленіе этого города.

Водворивъ спокойствіе на кавказской линіи, корпусный командиръ направился къ Дагестану—съ намѣреніемъ идти къ аулу Гимры, прочному притону Кази-муллы съ приверженцами. И передъ тѣмъ два или три раза блистали русскіе штыки надъ бездной, въ которой лежитъ аулъ Гимры, но каждый разъ обстоятельства препятствовали спуску, и наши войска отступали, не видя даже плоскихъ кровель убожища имама (*).

На этотъ разъ ни неприступность мѣста, ни слѣпая вѣра гимрцевъ въ святость и ненобъдимность своего муллы-проповѣдника не спасли его.

Къ 5-му октября нашъ отрядъ сосредоточился на рѣкѣ Сулакѣ, противъ Чиръ-юрта. Здѣсь присоединился къ отряду 3-й баталіонъ эриванцевъ, занимавшій послѣ зимней экспедиціи гарнизонъ въ крѣпости Внезапной. Шестого октября началась переправа: двѣ искривленныя и длинныя линіи аровъ, наполненныя камнями, составляли шаткіе и узкіе мосты чрезъ бурный Сулакъ. Вся пѣхота къ 8-му октября переправилась по этимъ мостамъ, а обозъ и артиллерія были перевезены между мостами. За Сулакомъ дорога подымалась на возвышенную плоскость, у подошвы коей переправившіяся войска остановились лагеремъ. На другой день, т. е. 9-го октября, Вельяминовъ съ авангардомъ, въ коемъ состоялъ и 3-й баталіонъ эриванцевъ капитана Антонова, получилъ приказаніе слѣдовать къ Гимрамъ по карпайской дорогѣ (отъ Акуши),

(*) Эриванскій полкъ въ этихъ походахъ не участвовалъ.

составлявшей правый берег Койсу. Авапгардъ, преодолевая неслыханные труды при переходѣ чрезъ дикій гребень хребта, ужасныя стремнины и кручи, наконецъ, явился на скалистой вершинѣ, отвѣсно висящей надъ Гимрамп. Три тропинки спускались къ аулу, извиваясь почти по отвѣснымъ ребрамъ скаль. Одна изъ нихъ, средняя, на пространствѣ четырехъ верстъ, спускается вдоль косогора и обрывовъ, далѣе спускъ ея пролегаетъ узкими скалистыми уступами, которые были соединены ступенями, высѣченными въ скаль,—съ одного-же изъ уступовъ нельзя иначе было сойти, какъ по деревянной лѣстницѣ. Вправо отъ этой главной прямой тропы отдѣляется другая, едва замѣтная, которая спускается къ рѣкѣ Койсу между скалистыми обрывами, нѣсколько ниже Гимръ; но на этой тропинкѣ нужно было въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ 30 сажень, соскочивать съ уступа на уступъ по одиночкѣ, на что рѣшаются только отважныя горцы въ случаѣ угрожающей опасности. Третья тропинка тянется влѣво надъ обрывами, на протяженіи десяти верстъ, и выходитъ на эрпелійскій спускъ, до соединенія съ которымъ представляетъ несравненно болѣе препятствій, нежели двѣ первыя, а потому генераломъ Вельяминовымъ для спуска войскъ выбрана первая, такъ называемая каранайская дорога, и немедленно приступлено было къ ея разработкѣ. Таулинцы (*), глядя на наши войска, смѣялись надъ ними, говоря, что дождевыя потоки смоютъ ихъ и занесутъ въ Сулакъ; между ними даже образовалась насмѣшливая поговорка: «Русскимъ нужно имѣть крылья, чтобы сойти въ Гимры». Такъ сильно они были увѣрены въ невозможности, не только взятія Гимръ, но и спуска къ этому аулу. Однакожь, не смотря на это убѣжденіе непріятели и дѣйствительно затруднительный, почти невозможный путь, генералъ Вельяминовъ, прикрываясь густымъ туманомъ, къ вечеру сошелъ съ перваго уступа безъ потери въ людяхъ. Непрiятельскіе наблюдательныя пикеты, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отступили. Горная ар-

(*) Дагестанцевъ называютъ также таулинцами отъ слова Тау—гора.

тиллерія и вышки были снесены на рукахъ. На эту позицію сосредоточился весь отрядъ къ 15-му октября и въ этотъ-же день, взявъ передовые завалы, занялся разработкою дороги. Эриванцы вмѣстѣ съ другими дѣятельно прокладывали зигзаги по скаламъ или ледникамъ, спуская внизъ огромные камни и глыбы снѣга и сопровождая паденіе ихъ веселыми криками. Горцы, замѣтя дальнѣйшую разработку карнайскаго спуска, стали показываться на хребтѣ и заняли одинъ крутой переваль на тропинкѣ, ведущей къ эрпельской дорогѣ, а за тѣмъ поспѣшно стали готовить на немъ каменные завалы. Къ 17-му числу дорога наша была настолько разработана, что легкія орудія могли спуститься; тогда баронъ Розенъ, оставивъ на спускѣ 2-й баталіонъ эриванцевъ майора Войникова и двѣ роты Московскаго полка для обезпеченія нашего тыла, т. е. для прикрытія сообщенія съ вершиною на случай неудачи въ предпріятіи, остальнымъ войскамъ приказалъ спуститься къ Гирамъ подъ команду Вельяминова.

Гирмы былъ большой аулъ (въ 800 сакель) и расположенъ въ 4-хъ верстахъ отъ аула Ундукля, по правую сторону р. Аварскаго Койсу; онъ скрытъ въ глубокомъ тѣсномъ ущельи, идущемъ подъ прямымъ угломъ къ рѣкѣ, и едва замѣтенъ съ высоты близъ-лежащихъ горъ. Аулъ этотъ, кромѣ недоступной дикой природы, еще былъ укрѣпленъ съ большимъ военнымъ соображеніемъ и искусствомъ. Цѣлый рядъ заваловъ въ шахматномъ порядкѣ преграждали дорогу, а внизу, поперегъ ущелья, возвышались три каменные стѣны, надъ которыми съ лѣвой стороны, почти на отвѣсной скалѣ, еще было устроено нѣсколько заваловъ. Генералъ Вельяминовъ, видя, что весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ занятія заваловъ, коими устья противоположныя скалы, командующія каменными стѣнами укрѣпленія, рѣшилъ сначала выбить отсюда непріятеля. Въ этихъ видахъ былъ посланъ въ обходъ по лѣвую сторону ущелья пѣхотный полкъ съ грузинскою милиціею, а внизъ по тѣснинѣ, противъ поперечнаго завала, баталіонъ тифлисцевъ

и 2-й баталіонъ херсонцевъ, при 2-хъ орудіяхъ. Крутая мѣстность не дала возможности упомянутымъ колонамъ дѣйствовать одновременно, вслѣдствіе чего первый штурмъ нашъ отбитъ съ большимъ урономъ. Генераль Вельяминовъ со свитою, подойдя къ штурмующей колонѣ, приказалъ поставить барабанъ въ виду оборонительной стѣны, сѣлъ на него и принялся разсматривать гимрскія укрѣпленія. Непрiятель направилъ на него большую часть выстрѣловъ, но эта опасность нисколько не смущала хладнокровнаго генерала; онъ, разсмотрѣвъ стѣны, приказалъ готовиться къ новому штурму. Князь Дадіанъ, командиръ Эриванскаго полка, подошелъ къ нему съ убѣдительною просьбой—пожалѣть свою жизнь и уйти съ этого опаснаго мѣста. «Да, князь, отвѣтилъ генераль, здѣсь дѣйствительно очень опасно, но тамъ еще опаснѣе—неугодно-ли вамъ съ вашимъ баталіономъ идти въ горы и прогнать непріятеля!» Надо замѣтить, что въ это время горцы, воодушевившись отбитіемъ штурма, стали, подъ начальствомъ отважнаго Гамзатъ-бека, большими массами показываться при соединеніи дорогъ отъ Эрпеля на Карнай, угрожая тѣмъ отрѣзать наше сообщеніе съ вершиною. Поэтому Вельяминовъ, предугадывая смѣлый планъ Гамзатъ-бека, и направилъ сюда князя Дадіана съ 1-мъ баталіономъ карабинеръ. Рота, нынѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, предводимая капитаномъ Золотаревымъ, шла смѣло впереди. «Съ отличною рѣшительностію—пишетъ баронъ Розенъ—привыкшіе къ горамъ эриванцы, вскарабкались подъ выстрѣлами на горы и вскорости принудили Гамзатъ-бека уйти съ вершины горы.» Послѣ этого маневра направленъ второй, усиленный штурмъ противъ заваловъ и стѣнъ. На этотъ разъ и 3-й баталіонъ эриванцевъ, капитана Автонова, поступилъ въ штурмовую колону—на долю его досталось штурмовать завалы, лежащіе по лѣвую сторону ущелья на крутой скалѣ. Первый пошелъ въ дѣло 3-й баталіонъ эриванцевъ, и когда поровнялся съ поперечною стѣною и обратилъ на себя вниманіе верхнихъ заваловъ, то приказано было снова идти на штурмъ

тѣмъ войскамъ, которыя находились внизу. Здѣсь Вельяминовъ, пропуская мимо себя баталіоны, погрозилъ пальцемъ при словѣ: «Ни пяди назадъ!»

Штурмъ начался рѣшительный. Непрiятель теперь могъ дѣйствовать только съ нижнихъ заваловъ, ибо эриванцы, влѣзая на неимовѣрныя крутизны, подъ сильнымъ огнемъ взяли штыками нѣсколько верхнихъ заваловъ и тѣмъ облегчили нижней колонѣ доступъ къ стѣнамъ. Къ вечеру всѣ верхніе завалы были взяты, а внизу очищены стѣны и башни отъ непрiятеля. Наступившая ночь не позволила въ этотъ день дойти до Гимръ—войска расположились бивуакомъ, гдѣ кого застала ночь: два баталіона эриванцевъ ночевали подъ ружьемъ на горѣ, три роты въ гимрскомъ ущельи, а одна рота въ верхнихъ завалахъ. Въ этомъ дѣлѣ эриванцевъ выбыло изъ фронта убитыми 6 и ранеными 35 человекъ, вся-же наша потеря 279 человекъ. Болѣе двухъ сотъ пятидесяти непрiятельскихъ тѣлъ покрыли заваль, а главное—мюриды въ этотъ день лишились своего имама Кази-муллы: онъ заколотъ саперами при взятiи одной башни.

На другой день, послѣ пробитiя утренней зари, данъ сигналъ къ общему наступленію. Но лишь только наши войска тронулись съ бивуачныхъ позицій, какъ изъ Гимръ выѣхали на встрѣчу старшины, прося пощады. Такъ палъ одинъ изъ неприступныхъ ауловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погибъ и главный защитникъ всѣхъ смуть—мюридъ Кази-мулла. Приверженцы мюридизма не вѣрили въ смерть своего имама. Тогда для ихъ убѣжденiя выставили на повазъ его тѣло, проколотое русскими штыками. Капитанъ Бестужевъ-Рюминъ нарисовалъ портретъ съ мертваго Кази-муллы, потомъ этотъ портретъ былъ литографированъ въ чертежной генеральнаго штаба Кавказскаго корпуса.

Генералъ Розенъ въ донесенiи къ министру Чернышеву для доклада государю выразился такъ: «Всѣ служащіе на Кавказѣ, въ этомъ числѣ и Вельяминовъ, увѣряютъ, что они

не встрѣчали никогда мѣста столь неудобопроходимаго, какъ спускъ и тѣснина гимрская. Природные горцы не могли не удивляться, видя, какъ взбирались солдаты по крутизнамъ, едва доступнымъ для искуснѣйшихъ изъ здѣшнихъ пѣшеходовъ; тѣмъ болѣе, трудности эти должны были преодолевать подъ выстрѣлами горцевъ, заблаговременно засѣвшихъ въ завалахъ». Въ концѣ донесенія присовокупляетъ: «Еслибъ я не командовалъ такими войсками, то предпріятіе мое считалось-бы за дерзость противнуть въ Гимры» (*).

Результатомъ взятія Гимръ было то, что всѣ горскіе аулы, взволнованные противъ насъ Кази-муллою, просили помилованія и спѣшили выдавать своихъ аманатовъ и по 6 руб. подати съ cadaго дома. Такимъ образомъ первый взрывъ мюридизма на восточномъ Кавказѣ былъ подавленъ.

Въ концѣ октября генералъ Розенъ распустилъ отрядъ на зимовку; по этому распоряженію эриванцы вернулись въ штабъ-квартиру, предварительно получивъ отъ главнокомандующаго 32 знака отличія военнаго ордена за храбрость и мужество при взятіи гимрскихъ ауловъ (**).

Государь императоръ, получивъ донесеніе о взятіи Гимръ, повелѣлъ отдать слѣдующій приказъ по войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса (***):

«Храбрые воины! Непоколебимому мужеству вашему ввѣрилъ я усмиреніе дикихъ и необузданныхъ племенъ дагестанскихъ: лезгинъ, чеченцевъ, галагаевцевъ и карабулаковъ, увлеченныхъ къ возстанію изувѣромъ Кази-муллою,—водвореніе прочнаго между сими народами спокойствія и покорности правительству.

Подвигъ сей совершонъ вами съ успѣхомъ, съ ожиданіемъ моимъ вполне соответствующимъ. Повсюду поражали вы непокорныхъ, и быстрого дѣйствія вашего не могли остановить

(*) Донесеніе, отъ 22 октября, 1832 г., № 303. Дѣло по описи № 69, по генер. шт., 2-го отдѣл. Тифл. арх.

(**) Приказъ по полку, отъ 4 марта, 1832 г., № 38.

(***) Отъ 1 декабря, 1832 г., № 119.

ни безчисленныя препятствія, воздвигнутыя на пути вашемъ самою природою, ни отчаянная храбрость мятежниковъ. Толпы ихъ истреблены въ стремнинахъ и въ ущельяхъ Кавказа, въ продолженіи многихъ вѣковъ считавшихся неприступными и непроходимыми, и самъ глава мятежа—хищный Кази-мулла, палъ, тщетно защищая противу васъ послѣднее убѣжище дикихъ своихъ однородцевъ, знаменитое на Кавказѣ неприступностію своею—Гимры.

Воины! Вы стяжали полное право на мою благодарность, и я исполняю долгъ пріятный, торжественно изъявляя вамъ оную столь-же за примѣрную храбрость и неустрашимость вашу, сколько за мужественное терпѣніе и твердость въ безчисленныхъ трудахъ и совершенной вами экспедиціи, соблюденіе во всѣхъ частяхъ строгаго воинскаго порядка и благоустройства и всѣ похвальныя качества, коими вы и въ достопамятныя кампаніи 1827, 1828 и 1829 годовъ стяжали удивленіе и справедливое уваженіе окружающихъ васъ иноплеменныхъ народовъ, и упрочили между ними славу оружія.

Я увѣренъ, что слава сія будетъ вашимъ удѣломъ.

Николай 1-й».

Вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ при взятіи Гимръ, по одному руб. серебр. на человѣка (*). Въ Эриванскій полкъ получено денегъ на 2131 человѣка.

Награды: маіоръ Войниковъ, капитанъ Золотаревъ—св. Анны 2 ст.; штабсъ-капитаны: Гурамовъ—золотую шпагу, Семеновъ—св. Анны 3 ст., Подяшъ и Синявскій—Владимира 4 ст., подполковникъ Чилевъ, капитанъ Антоновъ, Золотаревъ, Ониковъ и поручики: Миргородскій, Естрановъ, Амбаровъ, подпоручикъ Гозиушъ—повышены въ чинахъ; кромѣ того, 6 юнкеровъ и фельдфебель 1-й роты Евсѣевъ награждены первыми чинами, а 28 нижнихъ чиновъ знаками отличія.

(*) Отношеніе генералъ-штандарта, отъ 17 августа, 1833 г., № 4324.

ГЛАВА XIII.

Приведеніе полка въ 1834 году въ 4-хъ-баталіонный составъ, съ присоединеніемъ къ полку 2-го баталіона херсонцевъ. Устройство черноморской береговой линіи. Участіе первыхъ двухъ баталіоновъ въ походъ 1834 года за рѣку Кубань. Движеніе оттуда баталіоновъ обратно и разработка имеретинской дороги съ 1835 по 1838 годъ. Прибытіе покойнаго государя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ Тифлисъ. Императорскій смотръ баталіонамъ въ разныхъ мѣстахъ. Участіе полка въ 1838 году при взятіи Сочи. Эриванцы спасаютъ экипажъ съ фрегата «Варна» и корвета «Менсевріи». Устройство укр. Сочи. Перестрѣлки. Движеніе въ Манглисъ.

Въ 1834 году кавказская гренадерская бригада приведена въ составъ двухъ полковъ, въ каждомъ по четыре баталіона и по одной инвалидной и нестроевой ротѣ (*). Бригаду эту составили Грузинскій и Эриванскій полки, Херсонскій-же былъ расформированъ и поступилъ на укомплектованіе другихъ полковъ. Въ строй Эриванскаго полка вошелъ въ полномъ составѣ 2-й баталіонъ херсонцевъ съ своимъ знаменемъ и названъ 3-мъ баталіономъ Эриванскаго полка, а бывший 3-й баталіонъ Эриванскаго полка названъ 4-мъ.

Херсонскій баталіонъ до присоединенія къ полку расположенъ былъ въ г. Гори, откуда 29-го мая прибылъ въ Манглисъ въ слѣдующемъ составѣ—по списку состояло: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 777, изъ этого числа больныхъ 58, въ командировкахъ штабъ-офиц. 1, оберъ-офиц. 9, нижнихъ чиновъ 71, недоставало до штата 295. За тѣмъ на лицо: оберъ-офиц. 10, нижнихъ чиновъ 641 человекъ.

Баталіонъ этотъ въ 1790 году, 11-го декабря, участвовалъ при взятіи Суворовымъ крѣп. Измаила, въ штурмовой колонѣ генерала Кутузова, который, направляя 2-й баталіонъ херсонцевъ въ отчаянный бой, крикнулъ: «Гренадеры, съ нами Богъ и Суворовъ». Баталіонъ повторилъ дружно восклицаніе, вытѣснилъ турокъ изъ бастіона (главнаго пункта атаки). За

(*) Высочайшій приказъ, отъ 24-го марта, 1834 года.

взятіе Измаила баталіонъ, вмѣстѣ съ другими, получилъ овалныя серебряныя медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензеля императрицы Екатерины II, а на другой надпись: «За отлѣнную храбрость при взятіи Измаила» (*). За персидскую войну 1826 и 1827 годовъ баталіонъ получилъ знаки отличія на шапки, а за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ, при полковыхъ командирахъ Бурцовѣ и Бахмановѣ, награжденъ серебряною трубою. Эти отличія вмѣстѣ съ баталіономъ поступили въ полкъ.

Новый штатъ полка учрежденъ слѣдующій: въ военное время положено имѣть 5,283 челоѣка, а въ мирное 4,735. Въ полку-же, по приведеніи его въ новый составъ, числилось:

	По списку.				Недостаетъ.		Н А Л И Ц О.			
	штабъ-офиц.	оверъ-офиц.	нижн. чиновъ.	в с е г о.		в с е г о.	штабъ-офиц.	оверъ-офиц.	нижн. чиновъ.	в с е г о.
Въ 1-мъ баталіонѣ... ..	4	20	897	921	Больныхъ.....	107	3	14	825	842
Во 2-мъ баталіонѣ.....	3	20	848	841	Въ командиров-		4	49	634	671
Въ 3-мъ — — — — —	1	18	745	764	вахъ.....	168	•	43	690	703
— 4-мъ — — — — —	3	22	709	734			2	17	649	668
В с е г о... ..	11	80	3169	3260	В с е г о.....	—	6	63	2815	
Въ инвалидной ротѣ...	•	•	•	118						
— нестроевой ротѣ..	•	•	•	144						

Скоро послѣ переформированія полка ему предстояли новые труды. Корпусный командиръ, баронъ Розенъ, полагая, что наказаніе и потери, испытанныя горцами восточнаго Кавказа въ гимрской экспедиціи, совершенно достаточны для удержанія ихъ въ нашей власти, предположилъ обратиться къ

(*) Въ царствованіе Павла Петровича полкъ назывался полкомъ Титова; въ слѣдующее-же царствованіе опять названъ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ.

завоеванію западнаго Кавказа; для этого въ началѣ задумано было учредить черноморскую береговую линію.

Цѣль учрежденія ея, какъ проектировалъ баронъ Розенъ, заключалась въ томъ, чтобы, во-первыхъ, отрѣзать горцевъ отъ сообщенія съ Чернымъ моремъ и тѣмъ прекратить ихъ сношеніе съ Турціею, куда они продавали рабовъ и плѣнныхъ христіанъ, увозимыхъ ими изъ нашихъ провинцій, а во-вторыхъ, чтобы ихъ поставить въ необходимость войти въ тѣсныя сношенія съ русскими.

Государь императоръ утвердилъ проектъ барона Розена, и потому съ 1834 года большая часть вниманія кавказскаго начальства была обращена на западный Кавказъ. Съ этихъ поръ, ежегодно составляемый планъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, предварительно посылался въ Петербургъ на утвержденіе. Такимъ образомъ, корпусный командиръ, поставленный въ необходимость дѣйствовать по данной ему программѣ, увлекался возложеннымъ на него порученіемъ—разумѣется, желая выполнить предначертанія въ точности, иногда совершенно упускалъ изъ виду другіе, болѣе серіозные вопросы, требовавшіе одновременныхъ дѣйствій; такъ, напримѣръ, не смотря на то, что до 1840 года Чечня находилась подъ нашей властью, здѣсь не-было возведено ни одного укрѣпленія, кромѣ построенныхъ Ермоловымъ. Такое равнодушіе къ восточному Кавказу имѣло то послѣдствіе, что мюридизмъ, подавленный ударомъ пштыка, но систематически непреслѣдуемый съ нашей стороны, вскорѣ, какъ увидимъ далѣе, разросся въ страшную силу.

Устройство линіи предположено начать въ одно время съ юга, со стороны Абхазіи, и съ сѣвера—со стороны Екатеринодара. Лѣтомъ 1834 года первый и второй баталіоны эриванцевъ, предназначенные дѣйствовать на западномъ Кавказѣ, двинулись на Кубань. Они, пройдя усиленными маршами главный кавказскій хребетъ, расположились у подножія горъ: первый на рѣкѣ Ксанти, а второй по-ротно возлѣ Кисловодска.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Касовича, выступилъ въ отрядъ полковника Засса—въ экспедицію за Кубань. 7-го декабря этотъ баталіонъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ ауломъ князя Харцызова, въ урочищѣ Майкопѣ. При этомъ штабсъ-капитанъ Миргородскій со второю карабинерною роткою занялъ подъ выстрѣлами опушку лѣса, а фельд-фебель Полянскій, съ 20-ю охотниками Эриванскаго полка, выбилъ изъ опушки скопище абадзеховъ и отбилъ значительное стадо барановъ. Въ этомъ дѣлѣ убито 3 и ранено 6 карабинеръ (*).

На слѣдующій 1835 годъ первые два баталіона были отпущены съ кавказской линіи въ Грузію. Въ мартѣ мѣсяцѣ, во время страшной распутицы, баталіоны прошли по военнотгузинской дорогѣ до Мцхета, откуда первый былъ направленъ въ Манглись, а второй на разработку ахалцихской дороги. Третій-же баталіонъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступилъ въ абхазскій отрядъ, въ рядахъ котораго въ теченіе полугода занимался разработкой дорогъ отъ Гагръ къ Сухуму и дѣлалъ рекогносцировку на судахъ къ сторонѣ мыса Адлера для выбора мѣста предполагавшемуся укрѣпленію. Во все это время горцы изрѣдка только беспокоили нашъ отрядъ. Глубокой осенью баталіонъ вернулся въ Манглись, растерявъ отъ лихорадокъ треть людей по госпиталямъ.

Съ весною слѣдующаго 1836 года опять 5-ть ротъ карабинеръ разработывали дорогу.

Проложеніемъ дороги до Гагръ получилась возможность абхазскому отряду приступить къ главной цѣли—экспедиціи, т. е. къ выбору мѣста на берегу моря для постройки укрѣпленій, что и было приведено въ исполненіе въ 1837 и 1838 годахъ.

Баронъ Розень, понимая важность выбора пунктовъ для

(*) Приказъ по полку 1835 г., 12 января, № 12.
Миргородскій награжденъ слѣдующимъ чиномъ. Прик. по полку, № 132, іюня 20, 1835 года.

укрѣпленій на берегу Чернаго моря, самъ предпринялъ 23-го апрѣля 1837 года рекогносцировку на судахъ къ мысу Адлеру, и послѣ тщательнаго осмотра, 3-го мая занялъ его десантомъ. Въ десантныхъ войскахъ Эриванскій полкъ не участвовалъ, а былъ расположенъ въ это время такъ (*):

Первый баталіонъ составлялъ гарнизонъ въ г. Тифлисѣ, 2-й баталіонъ находился на крѣпостной работѣ въ Гимрахъ, а 3-й баталіонъ и 4-я карабинерная рота 4-го баталіона разрабатывали имеретинскую дорогу отъ сурамскаго хребта до Бѣлогорской станціи. Здѣсь корпусный командиръ, осматривая роты, нашель, что люди кормятся весьма дурно: «Въ котлахъ не только говяжьяго навара, но и вкуса сала нѣтъ, а хлѣбъ дурно испечень». Такая небрежность въ продовольствіи людей была поставлена полку на видъ (**). Затѣмъ остальные три роты 4-го баталіона, проживая въ Манглисѣ, занимались устройствомъ штабъ-квартиры.

Полковой командиръ, князь Дадіанъ, съ особенною заботливостію приготавливалъ какъ строевую, такъ и хозяйственную часть полка къ предстоящему смотру государя. Въ штабъ-квартирѣ дѣятельно строились для лазарета и шеолы военныхъ воспитанниковъ новыя кровати, посуда и одежда; казенный обозъ ремонтировался за-ново. Полковой командиръ безпрестанно разъѣзжалъ отъ баталіона къ баталіону, приводя все въ порядокъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ въ полкъ поступали недоросли изъ туземныхъ дворянъ, незнающіе даже говорить порусски, и производимые въ офицеры, то баронъ Розенъ, по инициативѣ генерала Вельяминова, исходатайствовалъ разрѣшеніе на учрежденіе при нѣкоторыхъ полкахъ и баталіонахъ военныхъ школъ для обученія дворянъ русской грамотѣ. Въ 1837 году при полку, съ высочайшаго соизволенія, учреждена

(*) Въ исторіи Грузинскаго полка ошибочно сказано, что 3-й баталіонъ Эриванскаго полка участвовалъ въ десантѣ.

(**) Предписаніе въ полкъ, отъ 22 октября, 1836 г., № 1768.

школа на 25 мальчиковъ. Впослѣдствіи, при князѣ Воронцовѣ, эта школа увеличена до 100 казеннокоштныхъ воспитанниковъ и ей даны болѣе опредѣленныя правила и программы. Школа комплектовала полкъ большею частію туземными юнкерами, которые производились за отличіе въ дѣлахъ въ офицеры и составляютъ до настоящаго времени почти $\frac{2}{3}$ офицеровъ полковаго штата.

Покойный государь, высадившись въ Поти, къ 21-му сентября прибылъ въ Сурамъ, гдѣ 3-й баталіонъ маіора Антонова, выставленный на дорогѣ, былъ представленъ государю.

22-го сентября въ первый разъ жители Тифлиса съ восторженными криками и пародною музыкою-зурной, встрѣтили императора Николая Павловича.

На другой день 1-й баталіонъ эриванцевъ, щегольски одѣтый, былъ выстроенъ съ утра за Авлабаромъ, на возвышенной равнинѣ, вмѣстѣ съ другими войсками для представленія государю. Дадіанъ командовалъ одной изъ линій, при чемъ сбивался въ фронтовыхъ построеніяхъ, за что получилъ замѣчаніе. За тѣмъ въ слѣдующій день назначенъ всѣмъ войскамъ церемоніальный маршъ на александровской площади (нынѣ александровскій садъ). Въ этотъ день погода была ясная. На небѣ не было ни одной тучки. Сентябрьское южное солнце не жгло, а лишь только грѣло. Толпа любопытныхъ окружила площадь и сосѣдніе дома. По рядамъ эриванцевъ уже не разъ разносилось смирно при пріѣздѣ разныхъ начальствующихъ лицъ. Наконецъ, заколыхался народъ—показался государь со свитою. Раздалось еще разъ: „смирно, на плечо, на караулъ“, и баталіонъ, сдѣлавъ приемы, замеръ,—только торжественные звуки музыки нарушали тишину. На привѣтствіе Николая Павловича баталіоны откликнулись ура! Толпа народа подхватила это радостное восклицаніе и долго оно раздавалось въ воздухѣ. Государь остался чрезвычайно доволенъ смотромъ, за что пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю, по фунту мяса и

по чаркѣ водки (*). Но этотъ день произвелъ сильное впечатлѣніе на эриванцевъ—на ихъ полкового командира, князя Дадіана, о его злоупотребленіяхъ былъ сдѣлалъ государю доносъ. Отличительная черта покойнаго монарха—строгость и справедливость, выказалась и здѣсь. Онъ, въ виду всего народа приказалъ съ полковника Дадіана снять эполеты и флигель-адъютантскіе аксельбанты, за тѣ злоупотребленія, о коихъ государю было допесено. Форменное изслѣдованіе объ открывшихся злоупотребленіяхъ производилъ по волѣ государя флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ и открылъ: что рекруты по прибытіи въ полкъ, оставаясь по году и болѣе въ сборной командѣ, исключительно занимались частными работами въ ущербъ прямому назначенію солдата,—кромѣ того, значительная часть полка была раскинута отдѣльными командами собственно для личныхъ хозяйственныхъ потребностей командира полка, отчего солдаты не получали своевременно казенныхъ вещей, обпашивались и терпѣли крайнюю нужду въ одеждѣ.

Второй баталіонъ, представлявшійся императору въ Гумрахъ (**), найденъ въ хорошемъ состояніи, за что удостоился получить высочайшую благодарность.

Наказаніе полкового командира сильно подѣйствовало на нравственную сторону полка. Вообще какъ на боевой духъ войскъ, такъ и на ихъ общественную жизнь имѣетъ огромное вліяніе личность начальника части. Если командиръ полка свои личныя выгоды ставитъ выше служебныхъ обязанностей, то это неизбежно влечетъ за собою нравственный упадокъ полка; если-же во главѣ полка является человѣкъ боевой, энергичный, который заботится о славѣ и чести полка, то и подчиненные непременно будутъ стараться соответствовать его направленію и образу дѣйствій, что и высказалось при новомъ полковомъ командирѣ, полковникѣ баронѣ Врангелѣ—человѣкѣ безкорыстномъ и извѣстномъ государю своимъ строгимъ испол-

(*) Изъ приказовъ по полку за 1837 годъ. Полковой архивъ.

(**) Въ это время крѣпость Гумры названа Александропольемъ.

непиемъ службы. Его командованіе полкомъ хотя и не прославлено особенно громкими подвигами, но за то отличается матеріальнымъ благосостояніемъ полка, не смотря на непрерывные походы.

Въ 1838 году рѣшено окончательно овладѣть черноморскимъ берегомъ и укрѣпить его рядомъ нашихъ редутовъ. Для исполненія этой задачи генералъ Головинъ, замѣнившій барона Розена, назначилъ два десантныхъ отряда, коимъ предписано было весною высадиться на восточномъ берегу Чернаго моря: первому, подъ командою генерала Симборскаго, со стороны Сухума, а второму, подъ командою генерала Раевского, со стороны Анапы. Въ отрядъ генерала Симборскаго вошелъ весь эриванскій полкъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, полкъ, обмундированный по новому образцу, обутой въ сапоги съ длинными голенищами и одѣтый въ полушубки и папахи, выступилъ въ походъ подъ командою полковника барона Врангеля, только-что принявшаго полкъ.

Кавказскій солдатъ по обыкновенію шелъ въ походѣ съ пѣсьями и прибаутками, неся съ собою котелокъ, сухари, сальницу съ саломъ и разныя необходимыя мелочи. Задумываться и тужить ему было некогда, да и не надъ чѣмъ, а къ трудамъ походнымъ онъ былъ пріученъ, почему терпѣливо переносилъ всѣ невзгоды здѣшней разнообразной природы, двигаясь съ дня на день усиленными маршами. Такъ было и въ этотъ разъ—полкъ двигался весело въ Сухумъ-Кале, на сборный пунктъ десантнаго отряда.

Цѣль высадки заключалась въ занятіи урочища Сочи, избраннаго для возведенія на немъ вновь предполагаемаго укрѣпленія. Генералъ Симборскій раздѣлил десантъ на три боевыя колонны: первая состояла изъ двухъ баталіоновъ Мингрельскаго полка, 6 орудій и 200 милиціонеровъ; вторая изъ 2 и 3-го баталіоновъ Эриванскаго полка, девяти орудій и 150 мили-

ціонервъ, подъ начальствомъ полковника барона Врангеля; третья изъ 1-го баталіона Эриванскаго полка, 4-хъ орудій и 75 милиціонервъ, подъ командою генераль-лейтенанта князя Шервашидзе. 11-го апрѣля, послѣ хорошаго отдыха въ Сухумѣ, десантъ сѣлъ на суда и вышелъ въ море. На слѣдующій день эскадра съ войсками лавировала у мыса константиновскаго, а 13-го числа, въ три часа по полудни, выстроилась у устья Сочи-пета, и вслѣдъ затѣмъ открыла учащенный огонь по берегу, усѣянному завалами и занятому непріятелемъ. Между тѣмъ гребныя суда спустились въ воду и стали высаживать на берегъ сначала первую колонну, но лишь только мингрельцы вступили на землю и бросились на заваль, какъ тотчасъ, не смотря на ихъ быстроту и мужество, были отброшены въ берегъ, оставивъ на взятой уже высотѣ свой единорогъ; тогда высадились эриванцы, ударили дружно съ мингрельцами въ штыки и на плечахъ горцевъ ворвались въ ихъ передовые завалы. Потомъ каждый клочекъ земли брался штурмомъ. Наконецъ, послѣ 3-хъ часового боя, предназначенное мѣсто для укрѣпленія, было отнято у черкесовъ: оно стоило эриванцамъ убитыми 3 и ранеными 25 человекъ (*), вся-же потеря состояла изъ одного единорога, 30 человекъ убитыми и 128 ранеными.

Ночь войска провели не раздѣваясь, съ ружьями въ рукахъ, ожидая съ минуты на минуту нападенія горцевъ, крикъ и брань коихъ долетали до слуха солдатъ, расположившихся бивуакомъ вокругъ огня на только-что отбитомъ берегу.

Лучи утренняго солнца весело освѣтили вершины ближайшихъ горъ, усѣянныхъ коннымъ и пѣшимъ непріятелемъ, стягивавшимся къ нашей позиціи со стороны горы Мамаю. Десантъ, рассыпавъ цѣпь и поставивъ резервы, принялся расчищать лѣсъ въ 180 саженьяхъ отъ устья Сочи-пета, для возве-

(*) Приказъ по полку, отъ 20-го апрѣля. Полк. арх.

донія редута. Черкесы цѣлый день тревожили нашу цѣпь, но въ рѣшительный бой побоялись вступить. Въ послѣдующіе за тѣмъ дни черкесы всѣми силами старались воспрепятствовать нашимъ работамъ, но всегда были съ урономъ удерживаемы цѣпью.

Эриванцы проводили дни въ ежедневныхъ работахъ по сооружеію укрѣпленія и въ перестрѣлкахъ, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны: 19-го апрѣля, подъ начальствомъ маіора князя Гурамова, при демонстраціи горцевъ къ аулу, лежащему у подножія горы Мамаѣ, и 25-го въ рабочей колонѣ полковника Врангеля. Такая жизнь тянулась до 30-го мая—въ этотъ день мелкія кровавыя сцены замѣнились ужасною катастрофою.

На каушѣ 30-го мая подулъ юго-западный вѣтеръ, который въ теченіе дня сталъ значительно усиливаться и къ вечеру до того усилился, что море окончательно забурлило. Поднялись огромныя водяныя хребты горъ, которые съ быстротой неслись къ берегу и съ ужаснымъ ревомъ и трескомъ разбивались о ребра скалъ. Картина была величественная. Море сплилось взобраться на материкъ. Семь купеческихъ нашихъ судовъ и два военныхъ—фрегатъ „Варна“ и корветъ „Минсеврія“—среди непроницаемой темноты ночи были жертвою развирѣпѣвшаго моря. Первые стали дрейфовать (уклоняться) къ берегу купеческія суда, и одно за однимъ выброшены на материкъ недалеко отъ устья Сочи-пета. Люди съ этихъ судовъ, въ числѣ 91 человѣка, были тотчасъ спасены.

Фрегатъ «Варна» и корветъ «Минсеврія» еще держались на якоряхъ, но частымъ сжиганіемъ фальгифейровъ извѣщали о близкой опасности. Вскорѣ сближеніе этихъ огней съ берегомъ неоставляло нисколько сомнѣнія въ томъ, что оба суда сильно уклоняются къ берегу и что имъ готовится одна-же участь съ купеческими барками. Буря продолжалась свирѣпствовать. Въ полночь фрегатъ «Варна» выброшенъ на берегъ, а огни «Минсевріи», отдаляясь постепенно къ сторонѣ константиновскаго мыса, не стали видны. Въ часъ по полуночи

отъ одного спасагося матроса узнали, что полторы версты далѣе фрегата Варна, за мысомъ, называемымъ Соча-бытъ, прибитъ къ берегу корветъ Минсевріа. Для спасенія людей, находящихся на фрегатѣ Варна, послана команда Мингрельскаго полка, а въ прикрытіе ей выдвинуть 2-й баталіонъ эриванцевъ; для спасенія-же корвета Минсевріа, прибитаго къ берегу въ разстояніи двухъ съ небольшимъ верстъ отъ начатаго укрѣпленія, посланъ туда 3-й баталіонъ эриванцевъ, три роты мингрельцевъ, рота саперъ, всего до 1000 человекъ, подъ общою командою маіора Эриванскаго полка Антонова.

Покуда двигались наши войска среди ужасной темпоты, хищные горцы, зачуявъ близкую добычу, какъ коршуны, спустились съ горъ и окружили Минсеврію. Первые 10 человекъ матросовъ, вышедшіе на берегъ, сдѣлались ихъ добычею по въэто время, не взирая на опасный путь по низменному берегу, заливаемому волпеніемъ, Антоновъ достигнулъ означеннаго мѣста и бросился на горцевъ. Гулъ выстрѣловъ, грозное клокотаніе моря, крики ура и пронзительное гиканье черкесовъ—слилось въ одинъ оглушительный зловѣщій шумъ.

Съ одной стороны бушевала грозная, неумолимая стихія, а съ другой—люди такимъ-же потокомъ устремлялись другъ на друга. Эриванскаго полка поручикъ Зобовъ, слѣдовавшій впереди, сдѣлалъ ротный залпъ и бросился на высоту противъ разбитаго корвета Минсевріа. Натискъ роты Зобова былъ такъ стремителенъ, что ошеломленные горцы поспѣшили отступить съ высоты, не успѣвъ даже взять съ собою 4-хъ матросовъ изъ числа 10, взятыхъ ими въ плѣнъ. Зобовъ занялъ высоту. Вслѣдъ за этимъ отъ ротъ поручиковъ Воскресенскаго и Никитина первые взводы рассыпались въ цѣнь, а вторые взводы стали въ резервъ,—остальные затѣмъ люди приступили къ спасенію погибающихъ собратовъ-моряковъ. Самоотверженіе русскаго солдата заслуживало удивленія: они бросались въ бушующія волны, вытаскивали оттуда моряковъ и уцѣлѣв-

шіе остатки корвета. Однако, грозная стихія не щадила никого — 8 солдатъ увлечены волнами.

Черкесы, оправившись отъ первой неудачи, открыли сильную стрѣльбу и стали бросаться въ шашки, при чемъ взводъ эриванцевъ прапорщика графа Ржевущаго, стоявшій въ резервѣ, бросился на массу атакующихъ горцевъ. Завязался бой — черкесы дрались отчаянно. Ржевущій палъ убитымъ на самомъ берегу моря, но за смерть его непріятель заплатился дорого — солдаты на этомъ мѣстѣ много перекололи горцевъ. Однако, эта отбитая атака не охладила порывовъ непріятеля — черкесы, усиливаясь свѣжими толпами, безпрестанно повторяли нападенія на нашу цѣпь и резервы.

Положеніе отряда Антонова становилось затруднительнымъ. Къ 9-ти часамъ утра большая часть патроновъ была растрѣляна, а присланные изъ лагеря по берегу моря, оказались подмочепными. Не было никакой возможности оставаться на занятой позиціи, а потому маіоръ Антоповъ началъ отступленіе, забравъ съ собою спасенныхъ моряковъ. Горцы стали сильно преслѣдовать арріергардъ Антонова и нанесли чувствительный уронъ, но въ это время полковникъ Врангель выдвинулъ на высоту отъ второго баталіона двѣ роты, которыя подъ командою капитана Миргородскаго удерживали горцевъ, покушавшихся еще съ утра напасть на купеческія суда. Малевръ этихъ ротъ далъ возможность отряду Антонова отступить въ порядкѣ. Миргородскій, пропустя всѣхъ, отошелъ и самъ почти безъ потери, благодаря тому обстоятельству, что горцы, забывъ преслѣдованіе, бросились грабить оставшійся багажъ на Минсевріи.

Въ этой жаркой и упорной съ обонхъ сторонъ битвѣ наши войска выказали полное безстрашіе, самоотверженіе и дисциплину. Маіоръ Антоповъ точно и съ большимъ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, не смотря на то, что ему пришлось имѣть дѣло съ непріателемъ, котораго сильно возбуждала алчная корысть завладѣть экипажемъ Минсевріи.

Нельзя представить себѣ затруднительнѣе того положенія, въ которомъ находился отрядъ съ 30-го вечера до полудня 31-го мая. Войска, на пространствѣ трехъ верстѣ, въ одно и то-же время должны были охранять строящееся укрѣпленіе, спасать погибающихъ моряковъ и сражаться съ черкесами. Симборскій доноситъ (*):

«Ежели преодоленіе препятствій, самоотверженіе всѣхъ и cadaго ведетъ къ воинской славѣ, то въ настоящемъ случаѣ войска отряда покрылись ею всѣ до-едипа. Строгая справедливость и безпристрастіе налагаетъ на меня священнѣйшую обязанность свидѣтельствовать здѣсь о примѣрной храбрости Эриванскаго карабинернаго полка маіорѣ Аптоповѣ, капитанѣ Миргородскомъ и поручикахъ: Зобовѣ, Сагиповѣ, Бибиковѣ и Андрѣевѣ».

При крушеніи судовъ спасено моряковъ 566 челов., по спасеніе ихъ не дешево стоило эриванцамъ—убыло изъ полка убитыми въ этотъ день, кромѣ прапорщика графа Ржевудскаго, еще нижнихъ чиновъ 37 челов. и ранено: поручики Андрѣевъ (въ ногу пулею), Воскресенскій (въ левую) и нижнихъ чиновъ 92 челов.; утонуло 8 челов. и ушиблено бревнами при крушеніи фрегата Варна и корвета Минсевріа: маіоръ Антоновъ, поручикъ Никитинъ и 18 нижнихъ чиновъ (**).

Послѣ этого дѣла немедленно возвели на возвышенности батарею, изъ коей открыли сильный огонь по разбитому корвету Минсевріа, наполненному уже горцами. Мѣткій огонь заставилъ черкесовъ очистить Минсеврію, по они уже успѣли съ него увезти одно 8-ми-фунтовое орудіе и самый корветъ зажечь.

На третій день послѣ описанной катастрофы прибылъ въ Сочи корпусный командиръ, генералъ Головинъ (***), который,

(*) Репортъ Симборскаго генер. Головинъ. Тифл. арх., дѣло по генер. штабу 2 стл: за 1839 г.

(**) Изъ приказовъ по полку за 1838 годъ. Полк. арх.

(***) Приказъ по корпусу, отъ 2-го іюня, 1838 г., № 58

осмотрѣвъ войска и найдя ихъ во всѣхъ отношеніяхъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ, изъявилъ начальникамъ частей полную благодарность.

Горцы, провѣдавъ о прибытіи генерала Головина, обложили въ большихъ массахъ новое укрѣпленіе и изъ взятаго единорога открыли огонь по лагерю. Чтобы отдалить горцевъ отъ нашего укрѣпленія и лагеря, была послана рота карабинеръ капитана Сагинова 1-го и милиція. Тихо, прикрываясь темнотою ночи, карабинеры вмѣстѣ съ милиціей подползли къ самымъ непріятельскимъ заваламъ и внезапно крикнули ура. Черкесы до того растерялись, что не успѣли даже забрать оружія, а бросились бѣжать въ лѣсъ и трупцы. Однакожь, не смотря на быстроту ихъ бѣга, карабинеры успѣли захватить нѣсколько горцевъ въ плѣнъ.

Генералъ Симборскій, сознавая, что пока черкесы будутъ владѣть орудіемъ, безпрестанно станутъ тревожить войска ночью орудійными выстрѣлами по укрѣпленію,—а потому 10-го іюня назначилъ усиленную колону съ цѣлью отнять орудіе. За нѣсколько часовъ до свѣта выступили изъ лагеря пять ротъ (*) эриванцевъ, подъ начальствомъ маіора Эсадзе, и рота мингрельцевъ. Отрядъ, пользуясь темнотою, пробрался благополучно къ непокорнымъ двумъ ауламъ и предалъ ихъ пламени. Жители стали удаляться въ горы и навели отрядъ на большую непріятельскую партію, засѣвшую въ лѣсу, гдѣ у нихъ находилось и орудіе. Медлить было невозможно—горцы поспѣшно со всѣхъ концовъ стали усиливаться; тогда эриванцы вмѣстѣ съ мингрельцами, не смотря на сильную усталость, бросились впередъ. Черкесы, видя утомленіе нашихъ войскъ, допустили ихъ въ ложбину, и здѣсь, пользуясь своимъ превосходствомъ и свѣжестью силъ, кинулись въ шашки. Бой произошелъ рѣшительный. Черкесы врубались молодцами въ наши ряды—побѣда колебалась. Тогда начальники напомнили эриванцамъ ихъ прежнюю

(*) 1, 2, 3 и 6-я егерскія и 3-я карабинерная.

славу, указали на орудіе, взятое горцами у насъ при высадкѣ, и сомкнувъ ряды, двинули роты на орудіе. Никакое упорство горцевъ не могло уже остановить эриванцевъ; они прокладывая штыками дорогу, уже гнались за орудіемъ, и настигнувъ его въ чащѣ лѣса, послѣ послѣдней кровавой схватки, отняли орудіе у горцевъ. Въ этотъ послѣдній моментъ ранены: майоръ Эсадзе, штабсъ-капитанъ Савицкій, подпоручикъ Ковалевъ и нижнихъ чиновъ убито 6 и ранено 42 человѣка (*).

Достигнувъ цѣли, т. е. взявъ орудіе у горцевъ, отрядъ, послѣ незначительной перестрѣлки при отступленіи, вернулся благополучно въ лагерь. Громкое ура торжественно встрѣтило побѣдителей и служило имъ лучшею наградою.

Кромѣ описанныхъ здѣсь дѣлъ, войска отряда генерала Симборскаго почти ежедневно со дня высадки и до окончанія укрѣпленія вели постоянныя перестрѣлки съ партіями черкесъ, которые всѣми силами старались помѣшать нашему утвержденію на этомъ пунктѣ. Когда-же Симборскій предложилъ имъ условіе мирной жизни и покровительство Россіи, то вотъ въ какихъ словахъ они отвѣчали ему на это предложеніе (**):

«Вы говорите, что по адрианопольскому миру земля наша вамъ отдана—но это несправедливо; мы съ незапамятныхъ временъ ни чьими рабами не были—неужели впредь мы ими будемъ? Болѣе мы къ вамъ переговорщиковъ посылать не будемъ и вы не посылайте, не пишите къ намъ болѣе писемъ, а если это сдѣлаете, то посланнаго убьемъ, письмо разорвемъ въ клочки. Англійскій агентъ говоритъ: придетъ множество нашихъ кораблей, заведутъ торговлю и выручатъ насъ».

Изъ этого отвѣта ясно видно, что черкесы, кромѣ старинной ненависти къ русскимъ, еще были поддерживаемы англійскимъ правительствомъ, съ тою-же настойчивостію, съ какою англичане вооружали противъ насъ Персію и Турцію.

(*) Приказъ по полку, отъ 12-го іюня, 1838 г. Полк. арх.

(**) Рапортъ Симборскаго къ Головину. Тифл. арх. дѣло 2-го отдѣл. генер. шт. за 1838 годъ.

На долю кавказскаго солдата выпало рѣшеніе трудной задачи—умиротвореніе Кавказа. Побѣдивъ одного врага, онъ тотчасъ ставился лицомъ противъ другого, но вездѣ онъ шелъ къ цѣли смѣло и былъ вполнѣ счастливъ, когда слышалъ царское спасибо, залетѣвшее въ кавказскія горы.

На этотъ разъ такъ и случилось: императоръ Николай Павловичъ, обозрѣвая восточный берегъ Чернаго моря на пароходѣ Сѣверная звѣзда, остановился въ сочинскомъ рейдѣ, съ тѣмъ, чтобы выйти на берегъ и лично благодарить войска за службу ихъ; однакожъ, сильное волненіе моря не дало возможности сдѣлать высадку, а потому государь выразилъ свою признательность въ приказѣ (*) и пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по 1 руб., фунту рыбы и по чаркѣ вина.

Отрядъ генерала Раевского занялъ устье рѣки Шапсугъ для возведенія на немъ укрѣпленія. Такимъ образомъ оба отряда исполнили предназначенія, за что щедро были награждены.

По окончаніи укрѣпленія Сочи эриванскіе баталіоны въ половинѣ августа перешли въ Абхазію, на Келасуръ. Здѣсь, въ лагерѣ, они простояли почти мѣсяцъ: всѣ старослужащіе того времени вспоминаютъ келасурскій лагерь, какъ мѣсто убійственныхыхъ лихорадокъ, которою заболѣвали цѣлыя сотни людей. Къ тому-жъ изобиліе въ Келасурѣ разныхъ фруктовъ, которые солдаты бросались ѣсть, еще болѣе усиливало лихорадку и рождало желудочныя болѣзни. Наконецъ, 13-го сентября, изнуренные, 1-й и 2 баталіоны отправлены въ Манглисъ, а 3-й оставленъ въ укрѣпленіи Бамборахъ для усиленія гарнизона, но такъ какъ весь баталіонъ сталъ окончательно изнемогать отъ изнурительныхъ лихорадокъ, то начальство нашлось вынужденнымъ вывести и этотъ баталіонъ изъ Абхазіи. Въ одномъ бамборскомъ госпиталѣ умерло 74 человекъ изъ Эриванскаго полка (**).

(*) Приказъ по полку, отъ 17-го октября, 1838 г., № 226.

(**) Приказъ по полку, отъ 20 ноября, 1838 г., № 231.

Нынѣшній начальникъ дивизіи кавказскихъ гренадеръ, князь Тарханъ-Моуравовъ, тогда только-что начавшій свою боевую карьеру въ чинѣ прапорщика въ Эриванскомъ полку, намъ рассказывалъ: «Лихорадки до того были ужасно мучительны, что доводили больного до безпамятства. Солдатъ на часахъ и походѣ трясло и ломало. При движеніи съ Келасуръ въ Манглисъ, на моемъ дежурствѣ по баталіону, я не зналъ, что дѣлать съ заболѣвающими: всѣ казенныя фуры и артельныя телѣги были наполнены больными. У нѣкоторыхъ до такой сильной степени проявлялись лихорадочныя параксизмы, что больные въ страшныхъ мукахъ на пути слѣдованія умерали въ боевой аммуниціи, съ ружьемъ въ рукахъ. Полкового командира везли въ бреду полуживого, большинство-же офицеровъ или легли въ госпиталѣ, или-же ѣхали при баталіонахъ, бросаемые то въ холодъ, то въ жаръ».

Вообще черкесскіе походы, продолжавшіеся съ 1835 по 1839 годъ, сильно изнурили полкъ (*). Очевидцы рассказываютъ, что баталіоны изъ похода возвращались въ самомъ жалкомъ видѣ—измученные болѣзнями, оставивъ по лазаретамъ на пути слѣдованія болѣе половины наличнаго состава, а также обношенные, по причинѣ весьма ограбленнаго обоза, который разрѣшалось только брать подъ провіантъ. Запасную-же рубашку, шаровары и сапоги солдатамъ не дозволялось класть на артельныя повозки, а разрѣшалось имѣть въ ранцахъ. Эта мѣра вынуждала солдатъ ограничивать себя одною парою сапогъ, одною или двумя рубашками и шароварами, которые скоро изнашивались отъ безпрестаннаго пота и разрывались по колючимъ кустарникамъ.

(*) Вѣдомость умершимъ и больнымъ за 1838-й годъ (изъ мѣсячныхъ отчетовъ полка).

Умерло больн. въ госп. въ лазар.			Умерло въ госпит. въ лазр.				
Январь.	14	68	87	Июнь.	21	297	55
Февраль.	11	69	63	Августъ.	23	192	60
Мартъ.	2	137	55	Сентябрь.	20	689	92
Апрѣль.	12	121	49	Октябрь.	78	366	83
Май.	11	118	39	Ноябрь.	143	768	92
Июнь.	39	169	53	Декабрь.	96	667	84
Всего умерло. . 89			Всего умерло. 383				

На эти походы израсходовано много силы, труда и здоровья, а между тѣмъ, какъ убѣдились въ послѣдствіи, вся эта трата только затормозила умиротвореніе Кавказа, ибо какъ только вспыхнулъ новый взрывъ мюридизма на восточномъ Кавказѣ и отвлекъ туда часть корпуса, дѣйствовавшаго съ удвоенною энергіею съ береговъ Чернаго моря, то тотчасъ черкесы бросились на слабо защищаемыя нами укрѣпленія и въ 1840 году одно за другимъ уничтожили. Такъ палъ пятилѣтній трудъ. Учрежденіе черноморской береговой линіи обратилось въ избыточную мечту, которая, однако, горцамъ доставила много орудій, ружей и разныхъ снарядовъ.

ГЛАВА XIV.

ПОХОДЫ ВЪ ДАГЕСТАНЪ И ЧЕЧНЮ.

Шамиль. 3-й баталіонъ въ отрядѣ генерала Симборскаго на горѣ Салаватъ въ 1839 году. Бѣдствія, здѣсь испытанныя баталіономъ. Участіе 1-го баталіона въ перестрѣлкахъ съ чеченцами въ 1840 году. Движеніе въ Гурію. Третій баталіонъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго участвуетъ въ 1842 году при взятіи селенія Кюжоли и перестрѣлкахъ. Успѣхъ Шамиля въ 1843 году.

Послѣ того, какъ Кази-мулла палъ, защищая Гимры, является во главѣ мюридизма Гамзатъ-бекъ. Онъ, пользуясь отвлеченіемъ русскихъ войскъ къ западному Кавказу, успѣлъ снова взволновать всю Аварію и умертвилъ ея правителей, преданныхъ намъ. Однако, вскорѣ, въ отщепеніе, и самъ былъ убитъ заговорщиками въ Хунзакѣ.

Тогда Шамиль, другъ и ученикъ Кази-муллы, объявилъ себя преемникомъ Гамзата. Съ этихъ поръ произошелъ переломъ въ кавказской войнѣ. До того мюридизмъ имѣлъ направленіе чисто религіозное, но теперь, руководимый Шамилемъ, сталъ постепенно получать политическій характеръ. Шамиль, вооружась новымъ ученіемъ, сталъ организовать деспотическое азіатское государство. Задавшись этою цѣлью, онъ, какъ умный администраторъ, сталъ расчитанно осуществлять свою идею. Поселясь въ аулѣ Ахульго, на недоступныхъ скалахъ, при соединеніи рѣкъ андійскаго и аварскаго Койсу, онъ, проповѣдуя мюридизмъ, подчинялъ себѣ вольныя горскія общества.

Кавказское начальство, упустившее изъ виду первое дѣйствіе имама, вскорѣ вынужденнымъ нашлось перенести главныя силы корпуса опять въ Дагестанъ, противъ Шамиля. Съ этою цѣлью раннею весною 1839 года корпусный командиръ,

генераль Головинъ, направилъ два отряда—чеченскій и самурскій—на Ахты и Ахульго. Для облегченія дѣйствій самурскаго отряда, былъ сформированъ третій отрядъ, назначеніе коего состояло въ охраненіи шевинской области, въ обзорѣніи переходовъ чрезъ горы и въ отвлеченіи взволнованныхъ жителей верхне-кубинской провинціи и лезгинъ отъ укрѣпленія Ахты. Этотъ вспомогательный отрядъ составилъ третій баталіонъ эриванцевъ и два баталіона грузинцевъ, подъ командою генерала Симборскаго. Второй-же баталіонъ эриванцевъ, маіора князя Гурамова, поступивъ въ число кордонныхъ войскъ, расположился недалеко отъ укрѣпленія Беженьянъ, при входѣ въ сапцисъ-цхевское ущелье. Здѣсь 2-й баталіонъ занимался построикою укрѣпленія, а также фронтнымъ обученіемъ. Корпусный командиръ, осматривая кордонныя войска и найдя второй баталіонъ въ отличномъ состояніи, изъявилъ кн. Гурамову благодарность (*). На этой позиціи съ 24 на 25 марта, за часъ до разсвѣта, на 5-ю и 6 роты напали лезгинны, но, послѣ рукопашнаго боя и сильной перестрѣлки, были отбиты и прогнаны въ горы; объ этомъ случаѣ очевидецъ, бывший командиръ 5-й роты, подпоручикъ Домбровскій (**), рассказываетъ такъ: «О сборѣ партій горцевъ намъ положительно ничего не было извѣстно, а потому съ нашей стороны не было принято усиленныхъ мѣръ предосторожности, и мы, по обыкновенію, на капунѣ нападенія, осмотрѣвъ передовыя пикеты, не раздѣваясь, улеглись спать. За часъ до разсвѣта, я услышалъ страшный крикъ и гикъ съ фронта лагеря. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ сквозъ мракъ ночи какія-то тѣни, которыя поспѣшно влѣзали на валъ, прикрывавшій нашъ лагерь. Тогда по моему приказанію и по приказанію штабсъ-капитана Гозиуша, роты построились и быстро бросились на тѣни. Произошла рукопашная схватка. Пальба, шумъ, крикъ и барабанный бой—слились въ одинъ оглушительный шумъ. Такая сцена продолжалась нѣ-

(*) Приказъ по полку 4839 года, августъ.

(**) Пинѣ полковникъ и начальникъ тифлискаго военнаго училища.

сколько минут. Затѣмъ опять тѣни горцевъ, промелькнувъ на валѣ, стали исчезать. Въ этой почной битвѣ у насъ убитъ 1 и ранено кинжалами 4 карабинера, сверхъ того, убито и ранено рабочихъ грузинъ, собранныхъ также для постройки укрѣпленія, 89 человекъ. Лезгинны подъ завалами оставили около 11 тѣлъ.

Въ это-же время отрядъ Симборскаго къ 21-му апрѣля сосредоточился въ Нухѣ, откуда маіору Антонову съ 3 баталіономъ эриванцевъ предписано было окружить, въ селѣ Бумѣ, домъ бумскаго старшины Измаила-бека—одного изъ главныхъ соучастниковъ Шамиля. Эриванцы въ темную ночь осторожно подошли къ селенію и въ одно мгновеніе, соблюдая строжайшій порядокъ, окружили главный притонъ измѣнника и захватили его спящаго въ плѣнъ (*). Выполнивъ съ успѣхомъ возложенную задачу, Антоновъ съ баталіономъ, послѣ незначительной перестрѣлки въ бумскомъ ущельи, присоединился къ Симборскому въ Нухѣ, гдѣ и простоялъ въ бездѣйствіи болѣе мѣсяца. Откуда, впрочемъ, двѣ роты, для обезпеченія слѣдованія отряда въ горы и для предупрежденія лезгинъ, желавшихъ занять спускъ въ шинское ущелье, разработывали этотъ спускъ съ горы Науръ.

Къ ночи 23-го мая двѣ роты эриванцевъ и двѣ роты грузинцевъ, подъ начальствомъ подполковника Грузинскаго полка Тизенгаузена, заняли деревню Гуйнюкъ, лежащую при началѣ шинскаго ущелья. На слѣдующій день Тизенгаузенъ безпрепятственно поднялся къ горѣ Салаватъ-дагъ, которая уже была укрѣплена и занята горцами. Лишь только открылись работы по горѣ, какъ непріятель вступилъ въ перестрѣлку—7-я рота эриванцевъ, рассыпанная въ цѣпь по гребню, отстрѣливалась. Затѣмъ сильная партія горцевъ заняла лѣсистый и обрывистый берегъ рѣчки Салаватъ-чая, противъ самаго окончанія спуска. Партія, усилившись на этомъ пунктѣ до большой цифры, окончательно отрѣзала рабочую колону, и откры-

(*) Награды: маіору Антонову—335 р. сер., поручику Еромову—245 руб. сер.

ла частый огонь по 8-й ротѣ эриванцевъ. Сводный баталіонъ сталъ въ весьма невыгодное положеніе—нельзя было двигаться ни впередъ, ни назадъ. Тизенгаузенъ далъ знать генералу Симборскому о своемъ опасномъ положеніи. Между тѣмъ 7-я и 8 роты, измученныя дневною работою и перестрѣлкою, не смыкая глазъ, провели всю ночь на ногахъ, держа ружья на изготовѣ,—а лишь только засѣрѣло утро 26-го мая, горцы снова на всѣхъ пунктахъ возобновили дѣло. Эриванцы и грузинцы, отрѣзанные отъ воды, стояли упорно на своихъ мѣстахъ. Къ нимъ только вечеромъ прибыло подкрѣпленіе, состоящее изъ 3-й карабинерной роты эриванцевъ и четырехъ ротъ грузинцевъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Симборскаго; девятая-же рота эриванцевъ съ маіоромъ Антоновымъ оставлена въ городѣ Нухѣ.

Симборскій два дня провелъ въ бездѣйствіи, не предпринимая ничего рѣшительнаго; на третій-же день, 29-го числа, онъ послалъ двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полка въ селеніе Гуйнюкъ за провіантомъ, въ которомъ отрядъ сталъ терпѣть нужду. Тропа, ведущая въ Гуйнюкъ, извивалась вдоль праваго берега Салаватъ-чая, лѣвый-же берегъ на ружейный выстрѣлъ былъ занятъ въ нѣсколько ярусовъ завалами, устроенными и занятыми лезгинами. Такая сильная преграда остановила движеніе гренадеръ. Симборскій послалъ имъ въ подкрѣпленіе 7 и 8-ю роты карабинеръ. Они бѣгомъ бросились впередъ и соединившись съ грузинцами, ворвались въ первый ярусъ заваловъ и почти на плечахъ горцевъ заняли второй рядъ заваловъ. Но когда стали наступать по открытой крутизнѣ на третій заваль, вѣнчающій гору, то лезгины спустили цѣлыя груды камней по наступающимъ войскамъ. Смерть охватила наши ряды со всѣхъ сторонъ—солдаты вынуждены были выйти изъ сферы огня и камней, бросивъ даже занятыя завалы. Наступившія вскорѣ сумерки, прекратили ожесточенный бой. Оба противника замолкли. Симборскій доноситъ: «Не желая допустить лезгинъ торжествовать возвращеніе заваловъ, я при-

казаль съ разсвѣтомъ 30-го мая выгнать непріятеля изъ заваловъ и разрушивъ эти послѣдніе, занять двумя ротами (эриванскими) удобный пунктъ по ущелью, а двумя слѣдовать внизъ по ущелью къ деревнѣ Гуйнюкъ за провіантомъ». Еще ночью эти четыре роты двинулись по данному направленію и успѣли безъ боя спуститься съ горы гораздо раньше, нежели горцы проснулись.

Войска-же, оставшіяся съ Симборскимъ на позиціи, были съ утра 30-го мая окружены тѣсною блокадою. Затѣмъ лезгины заняли гору Салаватъ, откуда изъ окоповъ обстрѣливали ручей, не позволяя нашимъ солдатамъ приближаться къ водѣ; по этому Симборскій послалъ двѣ роты Грузинскаго полка выбить горцевъ изъ окоповъ, но едва роты пошли въ атаку, какъ горцы съ большимъ остервенѣніемъ встрѣтили ихъ огнемъ и камнями, и заставили съ потерею отступить; эта неудачная наша атака удвоила въ горцахъ смѣлость: они безпрестанно днемъ и ночью тревожили отрядъ и на слабѣющія силы его уже смотрѣли какъ на свою жертву. Эраванцы въ теченіи этихъ перестрѣлокъ потеряли убитыми 4-хъ и ранеными 21-го человѣка; больше другихъ пострадала 3-я карабинерная рота, остававшаяся въ отрядѣ. Очевидцы рассказываютъ, что изнуренные солдаты семь дней провели почти безъ пищи и сна, падая отъ усталости. Къ тому-жъ, въблизи снѣговыхъ горъ, отрядъ, безъ теплой одежды и палатокъ, терпѣлъ ужасную стужу. Разные корни, черемша, щавель и такъ названная солдатами «жирная трава» — замѣняли сначала пищу солдатамъ, — но и эта скудная провизія была скоро уничтожена. Между тѣмъ послѣдняя попытка выбить горцевъ изъ заваловъ, какъ мы видѣли, оказалась при малочисленности отряда несбыточнымъ дѣломъ — отступить тѣмъ болѣе было невозможно. Симборскій о своемъ положеніи доноситъ: «Если отрядъ чрезъ три дня не получитъ продовольствія, то нельзя опредѣлить мѣру бѣдствій, которыя насъ здѣсь ожидаютъ. Участь отряда колебалась, но въ это время, именно 1-го іюня, къ Симборскому явились старшины бунтовавшихся деревень съ покорностію.

Причиною такого счастливаго исхода была побѣда генерала Головина надъ главнымъ сборищемъ лезгинъ. Симборскій, взявъ аманатовъ и прекративъ военныя дѣйствія, возвратился въ Гуйнюкъ (*).

Такимъ образомъ этотъ отрядъ исполнилъ назначеніе, т. е. отвлекъ на себя вниманіе лезгинъ, и тѣмъ далъ возможность генералу Граббе разорить Ахульго—главное убѣжище Шамиля.

Предоставляю читателямъ судить о радости Симборскаго и его отряда, избавленнаго отъ явной гибели и получившаго теплую пищу и нѣкоторыя удобства походной жизни послѣ недѣльнаго голода.

Кто участвовалъ въ кавказскихъ походахъ, тотъ знаетъ, съ какою братскою любовью встрѣчали солдаты другъ друга при соединеніи ротъ, баталіоновъ и цѣлыхъ отрядовъ, и какія оказывали встрѣчи одна часть другой. Въ этихъ случаяхъ подносилась радушная чарка спирта, и солдатъ дѣлился съ землякомъ послѣднимъ сухаремъ и угощалъ его на послѣднюю копѣйку. Какая задушевная рѣчь и какіе мрачные эпизоды передавались обоюдно изъ трудной походной жизни. Тутъ говорилось много, и всегда вѣрно, безъ всякаго хвастовства.

Такъ случилось и въ этотъ разъ: роты, пришедшія въ Гуйнюкъ нѣсколькими днями раньше, угощали только-что пришедшихъ съ горы Салватъ товарищей, испытавшихъ страшныя лишенія.

Съ наступленіемъ осени, когда главная цѣнь кавказскихъ горъ покрылась снѣгомъ и спускъ для горцевъ въ Кахетію сдѣлался затруднителенъ, баталіоны эриванцевъ были возвращены въ Манглись.

(*) Награды: майоръ Щетовскій—ор. Станислава 2 степени.
Шт.-кап. Левинцкій—этотъ-же орденъ 3 степени.
Нижнимъ чинамъ 10 крестовъ.

Шамиль, потерявъ Ахульго, поселился въ Дарго среди дремучихъ лѣсовъ. Въ это время возстаніе Чечни приняло рѣшительный оборотъ: война сдѣлалась общою, а по характеру племени и мѣстности самою упорною. Сопровивленіе чеченцевъ не было сопротивленіе возмущившагося народа, который увлеченъ только предпримчивостію и интересами нѣкоторыхъ людей, но всѣ были увлечены и готовы на всякія пожертвованія. Пораженіе ихъ скопищъ, истребленіе ауловъ и имуществъ при меньшемъ ожесточеніи жителей, всегда принесло-бы вѣрные результаты въ общемъ покореніи края; въ Чечнѣ-же, какъ увидимъ далѣе, принуждало ихъ скрываться въ лѣсахъ или бѣжать въ Черныя горы, легко разставаясь съ своими хуторами и полями.

Причиною такой ненависти къ намъ, кромѣ мюридизма, послужила несвоевременная попытка кавказскаго начальства обезоружить чеченцевъ (*). Имъ казалось, что русскіе лишаютъ ихъ оружія съ цѣлью удобнѣе истребить, и по этому все населеніе рѣшилось лучше погибнуть, чѣмъ дозволить себя перерѣзать, какъ барановъ. Шамиль воспользовался возмущеніемъ Чечни и подчинилъ ее своей власти. Наше начальство, по призыву 1832 года, рѣшило силою наказанія усмирить чеченцевъ.

Съ этою цѣлью 21-го апрѣля, 1840 года, 1-й баталіонъ эриванцевъ, въ числѣ 700 человекъ, сначала поступилъ на усиленіе владикавказскаго отряда, а потомъ 27-го апрѣля выступилъ въ рядахъ сунженскаго отряда, подъ командою полковника Нестерова, въ Карабулахъ и малую Чечню, уже передавшіеся Шамилю. Двое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ сунженскій отрядъ двигался къ крѣп. Фортангѣ, и лишь только сталъ приближаться къ ней, какъ чеченцы, укрывавшіеся на противоположномъ берегу, открыли перестрѣлку.

Карабинеры, шедшіе впереди, бросились въ бродъ, и не смотря на глубину рѣки, достигавшую по поясъ, смѣло, подъ убійственнымъ огнемъ, взобрались на непріятельскій берегъ,

(*) Перечень событій въ Дагестанѣ. Военный сборникъ за 1839 годъ.

покрытый только-что за зеленѣвшимъ лѣсомъ и ударили атаку. Чеченцы, невыждавъ атаки, поспѣшили очистить берегъ рѣки. Наши войска заняли ихъ позицію, а на другой день, предавъ пламени деревню Топи-юртъ, дошли до рѣчки Натухай и заночевали на переправѣ. Въ этотъ день перестрѣлка не умолкала до самыхъ сумерокъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня отрядъ сталъ обратно отступать по пройденному пути. Чеченцы, легко пропустивъ отрядъ въ глубь своей страны, стали настойчиво преслѣдовать. Карабинеры, шедшіе въ арріергардѣ и привыкшіе уже къ горной войнѣ, искусно защищались пересѣчною мѣстностію, а потому, не смотря на упорство чеченцевъ, а также превосходство ихъ силъ, отступили съ малою потерей: всего только ранено 5 эриванцевъ.

Черезъ три недѣли Нестеровъ узналъ отъ лазутчиковъ, что Шамиль съ четырехъ-тысячнымъ сборищемъ чеченцевъ шелъ къ мирному аулу Яндырки, имѣя поползновеніе возмутить его противъ насъ. На этомъ основаніи Нестеровъ двинулся къ Яндырки. Дѣйствительно, 24-го мая наши пикеты открыли на полугорѣ, не-подалеко отъ аула, партію горцевъ. Завязалась перестрѣлка, результатомъ коей было удаленіе горцевъ отъ аула. Но такъ какъ Шамиль принялъ направленіе къ Назрану съ цѣлью возмутить и увлечь назрановцевъ съ собою въ горы, то Нестеровъ поспѣшилъ туда. Однако-же, Шамиль, узнавъ о движеніи нашихъ войскъ, направленныхъ ему на перерѣзъ, измѣнилъ свое направленіе, и быстро сталъ удаляться въ горы, причѣмъ отрядъ Нестерова, настигнувъ арріергардъ партіи Шамиля, имѣлъ значительную перестрѣлку. Нестеровъ доноситъ: «Непоколебимая храбрость, оказанная всѣми чинами, заслуживаетъ не только одобренія, но даже удивленія. Въ особенности Эриванскій баталіонъ, подъ командою маіора Эгадзе, неоднократно отражалъ кавалерійскія атаки» (*).

Окончивъ преслѣдованіе Шамиля, баталіонъ участвовалъ съ 5-го іюня по 2-е августа при истребленіи Кара-булагскихъ

(*) Донес. Нестерова, № 37, 1840 г. Тифлис арх., дѣло по генер. шт. 2-го отдѣл.

посѣвовъ, при сожженіи и покореніи ихъ пяти ауловъ и при переходахъ гехинскаго и гойтинскаго лѣса къ рѣкѣ Аргунъ. Съ 27-го сентября по 18-е ноября баталіонъ уже въ отрядѣ полковника Фрейтага дѣлалъ походъ въ большую Чечню, гдѣ участвовалъ при взятіи съ бою вновь возобновленнаго аула Герминчугъ и при устройствѣ близъ этого аула укрѣпленнаго лагеря. Съ Герминчуга баталіонъ дѣлалъ усиленное движеніе къ Шали, штурмовалъ этотъ аулъ и взявъ его съ бою, предалъ совершенному разрушенію, — послѣ чего истреблялъ окрестные аулы и хутора. Наконецъ, пройдя чрезъ качкалыковскій хребетъ, спустился въ Ойсунгуръ.

Во время этого семи-мѣсячнаго похода 1-й баталіонъ эриванцевъ, пройдя малую и большую Чечню, и участвуя почти ежедневно въ перестрѣлкахъ и штурмахъ, сохранилъ тотъ молодцоватый видъ и мужество, которыми отличался полкъ (*). Походъ этотъ стоитъ эриванцамъ убитыми и ранеными 29 человекъ. Въ этомъ числѣ ранено четыре офицера — штабсъ-капитаны: Трироговъ, кн. Гурамовъ, подпоручикъ Полумордвиновъ и прапорщикъ Евренновъ (**).

И такъ, наши войска опустошили Чечню. Только на этотъ разъ потери, понесенныя чеченцами, не произвели на нихъ того моральнаго дѣйствія, какъ въ 1832 году — теперь они не изъявляли намъ покорности, а напротивъ, рѣшились вести кровопролитную борьбу съ удвоенною энергіею.

Сороковой годъ для полка, кромѣ военныхъ дѣйствій, замѣчательнъ еще основаніемъ полковой бібліотеки. Полковой командиръ, полковникъ Врангель, слѣдующимъ приказомъ предложилъ это полезное учрежденіе (***) : « Не какъ начальникъ, а какъ членъ однихъ правъ, предлагаю основаніе бібліотеки

(*) Награды: маіоръ Эсаде — чинъ, шт.-капит. Грошевъ — орденъ св. Владим. 4-й ст., еще 6 офицеровъ чина и ордена, нижнимъ чинамъ 41 востовъ. Приказъ по полку, 4 октября, 1841 г., № 226.

(**) Приказы по полку за 1840 годъ.

(***) Приказъ по полку, отъ 1-го ноября, 1840 года, № 232

при ввѣренномъ мнѣ полку. Это заведеніе, для понимающаго цѣль просвѣщенія, соединяющаго въ себѣ пріятное съ полезнымъ, доставитъ всѣмъ случай свободное отъ службы время проводить пріятно, въ приобрѣтеніи знаній, необходимыхъ каждому въ нашемъ образованномъ вѣкѣ—вѣкѣ не скифовъ и вандаловъ.»

Такой приказъ вызванъ былъ необходимостію: многіе офицеры полка, находясь большую часть года въ походахъ, не имѣли возможности имѣть съ собою книгъ, — въ штабъ-квартирѣ же большинство сами читать книгъ не хотѣли, считая это развлеченіе пустой тратой времени, тогда какъ свободное время можно было проводить въ веселыхъ пирушкахъ и разсказахъ. Между тѣмъ были и такіе офицеры, которые уже сознавали необходимость полковой библіотеки. Вотъ это разпогласіе мнѣній и вызвало приказъ съ такими громкими фразами. Во всякомъ случаѣ, не смотря на разныя мнѣнія, въ 1840 году положено начало полковой библіотекѣ; о пользѣ, какую она приноситъ въ полку—намъ, кажется, излишне распр остраиваться.

Въ слѣдующемъ 1841 году 2 и 3-й баталіоны форсированнымъ маршемъ были направлены въ Гурію для усмиренія вспыхнувшаго тамъ мятежа. При появленіи нашихъ войскъ, мятежники смирились. Водворивъ спокойствіе, эриванцы двинулись обратно въ Грузію.

Послѣ трехмѣсячныхъ маршей, баталіоны, съ веселыми пѣснями и малымъ числомъ больныхъ, возвратились въ Манглисъ. За сохраненіе здоровья солдатъ баталіонные командиры получили благодарность (*). Вообще изъ приказовъ по кавказскому корпусу за то время видно, что корпусный докторъ Ильяшенко, инспектируя полковой лазаретъ, нашелъ его въ большой исправности, благодаря особенной заботливости полковника Врангеля и полкового штабъ-лекаря.

Наступилъ 1842 годъ. Между тѣмъ мюридизмъ все болѣе и болѣе разливался по восточному Кавказу. Шамиль

(*) За походъ нижнимъ чинамъ выдано по 3-й разѣ сапоги.

успѣлъ присоединить къ себѣ часть Салатави, почти все койсубулинское общество и большую часть Андаляля. Въ Казикумухѣ обнаружилась беспорядки и волненія. Шамиль, неупустившій изъ вида эту страну, поспѣшилъ съ мюридами въ казикумухское ханство, и 20-го марта, 1842 года, безпрепятственно занялъ аулъ Кумухъ. Нашъ правитель Кумуха, капитанъ кн. Орбеліани, собравъ мѣстныхъ войска до 700 штыковъ, далъ неприятелю удачный отпоръ при селеніи Рича, но не могъ остановить дальнѣйшаго волненія.

Корпусный командиръ, получивъ извѣстіе о кумухскомъ возстаніи, отправилъ туда изъ Закавказья четыре баталіона, въ томъ числѣ сначала 3-й баталіонъ эриванцевъ—маіора Сагинова, а потомъ и 1-й баталіонъ. Этотъ отрядъ онъ ввѣрилъ полковнику князю Аргутинскому. До соединенія направленныхъ въ Кумухъ баталіоновъ, положеніе нашихъ малочисленныхъ гарнизоновъ въ ханствѣ сдѣлалось весьма опаснымъ. Лазутчики ежедневно сообщали намѣреніе горцевъ сдѣлать нападеніе на наши укрѣпленія.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля баталіоны стали прибывать въ Кумухъ, 12-го-же мая, въ 5-ти верстахъ отъ Кумуха, при аулѣ Шаурклю, горцы встрѣтили наши войска: одна толпа бросилась на колону, а другая на вагенбургъ, защищаемый 3-мъ баталіономъ маіора Сагинова,—но получивъ на обоихъ пунктахъ отпоръ—бѣжали (*). 25-го мая горцы снова въ большихъ массахъ собрались на кумухскихъ высотахъ, а черезъ пять дней скопище раздѣлилось: съ большею частію его Шамиль лично бросился къ аулу Кюлюли, на общеніе князя Аргутинскаго съ Орбеліани, а остальная часть заняла аулъ Унжугатль, въ 10 верстахъ отъ Кумуха. Мятежъ вспыхнулъ повсюду. Казикумухцы цѣлыми толпами являлись въ лагерь Шамиля и умножили его скопище въ Кюлюли до 9-ти тысячъ, съ которыми онъ намѣревался истребить нашъ

(*) Приказъ по корпусу, отъ 8 августа, 1842 г., № 113.

малочисленный отрядъ и овладѣть кубинскою провинціею и даже Дербентомъ. Князь Аргутинскій, желая предупредить Шамиля, рѣшился идти на встрѣчу его главнымъ силамъ, отъ пораженія которыхъ зависѣлъ весь будущій нашъ успѣхъ въ усмиреніи Кумуха. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ усиленную рекогносцировку къ Унджугатлю, рассчитывая въ ту сторону отвлечь вниманіе Шамиля. Дѣйствительно, лишь только наши войска взяли аулъ Унджугатль и предали его огню, какъ главная партія Шамиля стала показываться возлѣ Унджугатля; тогда Аргутинскій въ ночь на 2-е іюня, бросивъ взятый аулъ, быстро сталъ приближаться къ аулу Кюлюли, но въ трехъ верстахъ отъ него, въ тѣсномъ ущельи, былъ открытъ горцами. Такимъ образомъ наши войска очутились въ весьма опасномъ положеніи, изъ котораго выйти оставалось одно средство—по чрезвычайно крутой горѣ выдвинуться на командующую высоту, до занятія ея горцами. Такъ и сдѣлалъ кн. Аргутинскій, взобравшись съ неимовернымъ усиліемъ на гору. Этимъ движеніемъ онъ обезпечилъ отрядъ и далъ время стянуться всѣмъ войскамъ, а самое главное—дождался здѣсь легкой артиллеріи, которую 3-й баталіонъ эриванцевъ переносилъ на рукахъ чрезъ крутыя горы. Къ часу войска стянулись и двумя колопами были направлены къ аулу Кюлюли. Минута была трудная. Казалось невозможнымъ атаковать непріятели въ аулъ, который былъ окруженъ недоступною мѣстностію и сильно укрѣпленъ. Аулъ Кюлюли отъ р. Койсу подымался амфитеатромъ на значительную высоту, надъ которой еще возвышалась отвѣсная скала. Всѣ-же сакли были сложены изъ крѣпкаго камня и приведены въ оборонительное положеніе. Однакожь, жребій былъ брошенъ—малочисленному русскому войску, очутившемуся среди враждебнаго народа, оставалось или погнубнуть, или, во что-бы ни стало, разбить скопище и взять Кюлюли. Князь Аргутинскій, рѣшившись на этотъ отважный подвигъ, сначала отгѣснилъ сильныя непріятельскіе шкеты и занялъ позицію на полупушечный выстрѣлъ отъ

Кюлюли на противоположномъ берегу р. Койсу. Наша позиція хотя и представляла многія выгоды для расположенія на ней войскъ къ бою, но была слишкомъ растянута для малочисленнаго нашего отряда; а потому, чтобы занять ее, пришлось размѣстить отрядъ по ней небольшими частями, иначе, не занявъ ее всю, непріятель могъ зайти намъ въ тылъ.

Войска, по данной имъ диспозиціи, расположились такъ: на горѣ, на правомъ флангѣ, стояла елисуйская милиція въ 400 человъ; въ центрѣ, противъ Кюлюли, баталіонъ эриванцевъ и баталіонъ тифлисцевъ, построенные къ атакѣ въ колонну, — на лѣвомъ флангѣ двѣ роты Виленскаго полка и кюринская милиція, въ резервѣ баталіонъ Мипгрельскаго полка; вагенбургъ прикрывала сотня милиціонеровъ. Бой открылся въ центрѣ. Эриванцы и тифлисцы заняли застрѣльщиками скалистый берегъ Койсу, а артиллерія открыла огонь по аулу и толпамъ, тянувшимся къ нему по дорогѣ. Шамиль, замѣтивъ малочисленность нашего отряда и артиллеріи, къ счастью, самъ открылъ въ большихъ массахъ наступленіе, бросившись сначала на центръ нашей позиціи, гдѣ стояли эриванцы и тифлисцы, которые дружнымъ, совокупнымъ дѣйствіемъ вмѣстѣ съ артиллеріею отбросили толпу въ Койсу. Центръ нашъ былъ неприступенъ. Тогда горцы неожиданнымъ натискомъ превосходныхъ силъ напали на кюринскую милицію, смяли ее и заставили бѣжать, но прибывшія сюда двѣ роты Виленскаго полка рѣшили дѣло въ нашу пользу. Горцы, испытавъ и здѣсь неудачу, бросились на елисуйскую милицію, но и тутъ скоро были опрокинуты.

Отбивъ горцевъ на всѣхъ пунктахъ, князь Аргутинскій ударилъ общее наступленіе. Непріятель, сброшенный въ Койсу, былъ разсѣянъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Вся рѣка окрасилась кровью и «быстрыя волны, какъ сказано въ донесеніи, попесели трупы несчастныхъ». Побѣда была полная и совершенная. Шамиль во второмъ часу по полуночи бросилъ Кюлюли и направился къ нашему кумухскому укрѣпленію.

Аргутинскій, узнавъ объ этомъ, съ эриванскимъ и тифлисскимъ баталіонами выступилъ, въ 5-ть часовъ утра, «по кровавымъ слѣдамъ Шамиля». Однако, горцы по своимъ роднымъ горамъ раньше пробрались къ Кумуху и осадилъ его, такъ что Аргутинскій почти бѣгомъ долженъ былъ двигаться на выручку. Между тѣмъ Шамиль приблизился къ цитадели и потребовалъ сдачи, но узнавъ о приближеніи Аргутинскаго, поспѣшно снялъ блокаду и очистилъ казикумухское ханство.

Пораженіемъ скопищъ Шамиля при Кюлюли было восстановленіе спокойствія въ Кумухѣ. Отрядъ расположился на высотахъ.

Изъ донесенія к. Аргутинскаго видно, что всѣ офицеры третьяго баталіона, участвовавшіе въ этихъ дѣлахъ, были душою своихъ подчиненныхъ, за что заслуживали высочайшихъ наградъ. Осенью 3-й батал. возвратился въ Манглисъ, а 1-й остался на зимовку въ отрядѣ к. Аргутинскаго, на р. Самурѣ. Въ то время какъ отрядъ Аргутинскаго разбилъ Шамиля въ Кумухѣ, на сѣверной сторонѣ кавказскихъ горъ отрядъ генерала Граббе, 2-го и 3-го іюня, попустилъ сильное пораженіе въ ичкеринскомъ лѣсу, при неудавшемся наступленіи къ аулу Дарго, гдѣ 12¼ баталіоновъ, 24 орудія и 3½ сотни липейныхъ казаковъ при обратномъ движеніи были окончательно разстроены, потерявъ 1785 человекъ убитыми и ранеными. Ичкеринскій лѣсъ въ исторіи Кавказа напоминаетъ одинъ изъ кровавыхъ эпизодовъ, ужасный даже въ разсказахъ.

Шамиль, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ горцы, торжествовали побѣду. И такъ, не смотря на огромныя средства, владычество наше въ горахъ не подвинулось впередъ, а напротивъ, усилило вліяніе Шамиля, поселивъ въ горцахъ глубокую довѣренность къ его уму и счастію. Шамиль послѣ ичкеринской экспедиціи 1842 года вполне оцѣнилъ—какимъ затрудненіямъ наши войска подвергаются въ Чечнѣ и Дагестанѣ, и сталъ дѣйствовать смѣлѣе.

Въ этомъ 1842 году, 25-го іюня, въ ознаменованіе двухъ-сотъ-лѣтняго юбилея, пожалованы 1-му, 2-му и 4-му баталіонамъ новыя знамена, съ падысью: «1642—1842», а также высочайшая грамота:

«Нашему Эриванскому карабинерному полку.

Родопачальникъ царствующаго дома нашего, великій предокъ нашъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ 1642 году учредилъ Бутырскій пѣхотный полкъ. Съ того времени полкъ этотъ постоянно отличался мужествомъ и храбростію въ бояхъ съ врагами отечества и *стяжалъ неувядаемую славу въ достопамятные дни побѣдъ полтавской и кагульской.*

«Въ 1784 году Бутырскій полкъ поступилъ на сформированіе кубанскаго егерскаго корпуса, изъ одной половины коего въ 1796 году образованъ бывшій 16 егерскій полкъ, а изъ другой—1-й, 2-й и 4-й баталіоны Эриванскаго карабинернаго полка, который, славу Бутырскимъ полкомъ пріобрѣтенную, постоянно поддерживалъ, участвуя въ неоднократныхъ успѣхахъ руссійскаго оружія противу турокъ, персіянъ и горскихъ племенъ.

«Нынѣ, когда исполнилось двѣсти лѣтъ со времени основанія Бутырскаго полка, мы, желая увѣковѣчить имя и заслуги побѣдоноснаго воинства, всемилостивѣйше жалуемъ 1, 2 и 4-му баталіонамъ новыя знамена, съ надписью 1642—1842, которыя, постоянно напоминая ему честь происхожденія отъ старѣйшаго изъ регулярныхъ полковъ арміи нашей и подвиги въ продолженіи двухъ вѣковъ, имъ совершенныя, возбуждала бы во всѣхъ чинахъ его рвеніе къ сохраненію сей славы въ дальнѣйшія времена.

«Повелѣвая отправленныя при семъ знамена, въ собраніи полка и по прочтеніи нашей грамоты, прибить и освятить по установленію, мы несомнѣнно увѣрены, что опѣ, осѣняя ряды храбрыхъ и возбуждал ихъ соревнованіе, перенесутъ въ самое отдаленное потомство память о непоколебимой

ихъ преданности престолу и отечеству, о славныхъ подвигахъ, на полѣ чести полкомъ совершенныхъ. Петербургъ.

На подлинномъ: Николай».

Эриванцы, незнавшіе до этихъ поръ о такомъ давнемъ происхожденіи своего полка, приняли съ восторгомъ это извѣстіе, поднявшее еще болѣе ихъ нравственный духъ, а въ новыхъ знаменахъ и грамотѣ, сообщающей радостную вѣсть, увидѣли новую милость императора. Въ баталіоны, паходившіеся въ походъ, полетѣли копии съ грамоты, а въ штабъ-квартирѣ она по прочтеніи помѣщена въ полковой церкви.

Въ 1843 году, въ августѣ мѣсяцѣ, когда горцы обыкновенно оканчиваютъ полевые работы, Шамиль, собравъ скопище въ $\frac{10}{7}$ человекъ, напалъ совершенно неожиданно на Аварію, и въ теченіе двухъ недѣль истребилъ слишкомъ одиннадцать ротъ Апшеронскаго полка и взялъ штурмомъ шесть укрѣпленій, по коимъ были разбросаны части дагестанскаго отряда (*).

Изъ Кумуха въ Аварію спѣшилъ на помощь дагестанскимъ войскамъ кн. Аргутинскій, а на его мѣсто предписано было генералу Шварцу двинуться съ лезгинскимъ отрядомъ— въ рядахъ послѣдняго находился 1-й баталіонъ эриванцевъ. Весь отрядъ Шварца состоялъ изъ 800 эриванцевъ и 500 человекъ другихъ войскъ. Шварцъ, поднявшись на гору Акималь, достигнулъ 1-го сентября границъ Тлесеруха, но далѣе слѣдовать не могъ, потому что дожди окончателью испортили горныя тропинки, а главное—возмущившіеся жители Тлесеруха легко могли не пропустить къ Кумуху малочисленный отрядъ Шварца, а потому онъ отступилъ къ уроч. Таманду. Здѣсь, увеличивъ свой отрядъ двумя горными орудіями, сотнею казачковъ и 5-тью-стами милиціи, Шварцъ вторично выступилъ 11-го сентября въ горы. Эриванцы шли въ авангардъ, и благополучно миновавъ тлесерухское общество, прибыли 27-го

(*) Наша потеря: 16 орудій, убито, ранено и взято въ плѣвъ: 1 генералъ, 54 штабъ- и оберъ-офицера и 1462 нижнихъ чиновъ.

сентября въ Кумухъ. Такъ какъ часть самурскаго отряда оставлена была въ Аваріи, то 1-й баталіонъ эриванцевъ усилилъ войска кп. Аргутинскаго, а на лезгинскую линію корпусный командиръ Нейдгартъ двинулъ форсированнымъ маршемъ 2-й баталіонъ эриванцевъ, который передъ тѣмъ, въ 1842 г., дѣлалъ походъ въ Имеретію, для усмиренія ея жителей.

Наши войска были поставлены въ весьма затруднительное положеніе въ Дагестанѣ. Напбъ Кибитъ-Магометъ обложилъ блокадою укрѣпленіе Гергебиль. Гарнизонъ укрѣпленія Гергебиль составляли 2½ роты Тифлискаго полка, при шести орудіяхъ; тифлисцы съ необыкновеннымъ мужествомъ двадцать дней отбивали отчаянные приступы горцевъ и сдались непріятелю только тогда, когда изъ 2½ ротъ осталось нѣсколько человѣкъ живыхъ, по изнуренныхъ неровной битвой. Кроме того, отрядъ подполковника Пассека въ Зирянахъ, Низовое укрѣпленіе и даже укр. Темиръ-Ханъ-Шура находились въ блокадѣ. Въ это время власть Шамиля достигла своего апогея—не было ни одной деревни въ сѣверномъ и пагорномъ Дагестанѣ, которая-бы не раболѣпствовала передъ нимъ.

Между тѣмъ какъ Шамиль штурмовалъ укрѣпленіе, кп. Аргутинскій въ первыхъ числахъ декабря двинулся для выручки отряда подполковника Пассека. Аргутинскій, рассчитывая двинуться чрезъ Турчидагъ на салтинскій мостъ, сдѣлалъ видъ наступленія въ глубь горъ, но потомъ быстро повернулъ къ р. Каракойсу и занялъ перевалъ чрезъ койсубулинскій хребетъ. Движеніе это, безъ сомнѣнія, принесло-бы превосходные результаты, какъ вдругъ повалилъ снѣгъ и поднялась на Турчидагѣ сильная вьюга, грозившая погубить отрядъ; на этомъ основаніи Аргутинскій рѣшился перевести свой отрядъ обратно на Самуръ и оттуда, чрезъ Дербентъ, поспѣшить на выручку Темиръ-Ханъ-Шуры. Но пока Аргутинскій совершалъ это продолжительное обходное движеніе, Темиръ-Ханъ-Шура, Низовое и отрядъ подполковника Пассека были освобождены войсками генерала Граббе,—поэтому слѣдованіе отряда кп. Аргутинскаго было приостановлено.

Изъ донесенія Аргутинскаго усматривается, что баталіонъ эриванцевъ, подъ командою подполковника князя Сагинова, не смотря на снѣгъ, вьюги и морозы, шелъ весело и съ терпѣніемъ ждалъ случая встрѣтиться съ непріателемъ. По окончаніи разныхъ диверсій въ горахъ, 1-й баталіонъ зазимовалъ на Самурѣ, а 2 и 3-й были отпущены на зимовку въ штабъ-квартиру.

Въ этомъ году въ осени полковникъ Врангель окончилъ въ Манглисѣ офицерскую двухъ-этажную казарму съ номерами, известную въ полку подъ названіемъ «офицерскій флигель.»



ГЛАВА XV.

Полковникъ Бельгардъ. Участіе 3-го батал. при взятіи Элису. Дѣйствіа поруч. кн. Тарханова на горѣ Колобъ-росѣ. Смерть подполк. кн. Гурамова. Битвы въ 1845 году—Рогно-орская и Мало-роская. Движеніе и штурмъ горы Гекъ-нардивакъ (небесная лѣстница). Наступленіе въ Дидо и взятіе приступомъ аула Кидоро. Отступленіе. Награды.

Въ 1844 году, 4-го января, отъ Врангеля принялъ полкъ полковникъ Бельгардъ, человекъ въ высшей степени смѣлый въ своихъ предпріятіяхъ, энергичный, вспыльчивый, но не злой. Онъ съ первыхъ дней своего командованія эриванцами полюбилъ полкъ и обратилъ особенное вниманіе на боевую жизнь его, а потому поддерживалъ и развивалъ молодецкій духъ и удалство въ подчиненныхъ. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ частыя военныя пирушки. Музыка и пѣсенники раздавались тамъ, гдѣ былъ Бельгардъ съ своими эриванцами. Какъ въ походахъ, такъ и въ штабъ-квартирѣ онъ свободное время отъ служебныхъ занятій проводилъ въ кругу офицеровъ, поощрялъ смѣлыхъ и смѣялся надъ робкими. Нерѣдко самъ являлъ образцы удали. Для него ничего не стоило сѣсть на бѣшеную лошадь, проскакать во весь карьеръ отъ Мапгліса до Тифлиса по отвратительной, ухабистой дорогѣ, на разстояніи 47 верстъ; сдѣлать усиленный форсированный маршъ и показать себя совершенно бодрымъ. Натурально, къ человеку съ такимъ живымъ характеромъ и непоколебимою волею не могли не привязаться всею душой эриванцы, молодечество и отвага между которыми изстари считались лучшими украшеніями военнаго человека. Бельгардъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Имя его въ бояхъ «съ нами Бельгардъ»—служило девизомъ для каждаго изъ подчиненныхъ. Начиная отъ рядового до баталіоннаго командира, каждый по первому его призыву готовъ былъ броситься на явную опасность. Эриванцы и Бельгардъ

сдѣлались грозой для горскихъ народовъ (*), а подвигами своими заслужили всемиловѣйшее вниманіе покойнаго императора.

Изъ школы Бельгарда вышло много боевыхъ людей, которые, какъ мы увидимъ далѣе, прославили полкъ въ послѣднюю турецкую войну. Старые эриванцы, уцѣлѣвшіе со временъ Бельгарда, съ восторгомъ вспоминаютъ его боевое и во всѣхъ отношеніяхъ славное и счастливое время для полка.

Бельгардъ засталъ полкъ въ началѣ 1844 года въ слѣдующемъ расположеніи: 1-й баталіонъ, послѣ разныхъ движеній въ 1843 году, какъ мы упомянули, зимовалъ на р. Самурѣ, въ отрядѣ кн. Аргутинскаго, — 2, 3 и 4-й баталіоны находились въ Манглисѣ. Впрочемъ, это размѣщеніе скоро измѣнилось — 2-й баталіонъ, подъ командою подполковника Гурамова, весною выступилъ на лезгинскую линію, а 3-й занялъ караулъ въ Тифлисѣ, гдѣ, однако, простоялъ не-долго. Элисуйскій султанъ, ген.-лейтен. Даніель-бекъ, измѣнилъ намъ и передался Шамилю вмѣстѣ съ своимъ владѣніемъ.

Для усмиренія и наказанія мятежниковъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 3-й баталіонъ былъ немедленно двинутъ форсированнымъ маршемъ въ Новые Закаталы, въ отрядѣ ген. Шварца (**), предназначенный дѣйствовать противъ Даніель-бека.

Третій баталіонъ, въ числѣ 747 человекъ, едва успѣвъ взять сухари и недождавшись изъ Манглиса шедшихъ ему на смѣну 2-хъ ротъ 4-го баталіона, а также нужныхъ вещей и обоза, на-легкахъ двинулся въ походъ подъ личною командою полковника Бельгарда. Въ іюньскіе знойные дни баталіонъ, пройдя 150 верстъ къ Закалатамъ, прямо былъ двинутъ съ

(*) Про подвиги Бельгарда ротные записки сложили пѣсню:

Въ Закалатахъ шумъ воинскій—
Собирается джимать,
Сто старшинъ земли лезгинской,
Передъ Бельгардомъ стоятъ:
Смирно жить, не шалить,
Не то буду въшать, бить.

(**) Предписан. полкови. Бельгарда, отъ 10-го іюня, 1844 г., № 709.

двумя орудіями въ элисуйское владѣніе въ авангардѣ, подъ начальствомъ Бельгарда. Эриванцы, опрокидывая непріятельскіе посты и взявъ въ плѣнъ горскій пикетъ, быстро достигли рѣчки Курмучай, въ томъ пунктѣ, гдѣ черезъ нес перекинутъ былъ мостъ, находившійся на разстояніи двухъ верстъ отъ аула Элису. Мостъ этотъ, который султанъ не разрушилъ, вѣроятно, для того, чтобъ потомъ имѣть возможность перейти въ наступленіе, былъ сильно обстрѣливаемъ съ вала, сдѣланнаго на половинѣ горы, которая спускалась къ самой рѣчкѣ.

Скорое овладѣніе мостомъ было чрезвычайно важно, потому что отрядъ впереди имѣлъ почти непреступную непріятельскую позицію и остановка на мосту могла ослабить стремительное движеніе впередъ нашихъ войскъ, которое составляло непремѣнное условіе успѣха. Все это сообразивъ, Бельгардъ двинулъ войска на-проломъ, и не давъ мятежникамъ опомниться, не только овладѣлъ мостомъ и опрокинулъ укрывавшуюся въ передовыхъ завалахъ толпу горцевъ, состоящую болѣе нежели изъ 1000 человекъ, но и отбросилъ ее въ горы, отрѣзавъ совершенно отъ Элису. Такому быстрому успѣху много способствовали Эриванскія роты: 9-я—поручика Евтропова, зашедшая въ обходъ черезъ рѣчку, по едва доступному подъему съ лѣваго непріятельскаго фланга, и 8-я, смѣло бросившаяся съ фронта на приступъ моста.

Успѣшное авангардное дѣло Бельгарда, достигнутое съ самою ничтожною потерей, дало возможность всему отряду приблизиться къ мятежникамъ, занявшимъ очень сильную позицію. Дорога, ведущая къ непріятельской позиціи, была ограждена съ одной стороны каменной стѣною въ полутора сажени толщины, при значительной высотѣ, а съ другой стороны дороги падала внизъ отвѣсная скала. Наконецъ, дорогу преграждала другая каменная стѣна и тянулась въ перпендикулярномъ направленіи вверхъ по горѣ. Кромѣ этой защиты, по возвышенности расположены были уступами въ шахматномъ порядкѣ огромные завалы. Элисуйскій султанъ, переодѣтый уже

въ азіятскій костюмъ, и имѣя на головѣ огромную почетную чалму, первый сталъ обходить нашъ правый флангъ; но Бельгардъ, выдвинутый съ эриванцами, остановилъ его маневръ. Въ это время генералъ Шварцъ, приблизивъ главныя силы, двинулъ на приступъ все войско въ трехъ колонахъ: одна рота эриванцевъ стала въ первой линіи, двѣ роты во второй и составили нашъ правый флангъ.

Элисуйцы на всѣхъ пунктахъ встрѣтили наше наступленіе ужаснымъ огнемъ. Роты Тифлискаго полка, потерявъ ротныхъ командировъ, стали разстраиваться въ рядахъ; тогда начальникъ линіи, маіоръ Эриванскаго полка Гозиушъ, принялъ команду надъ этими ротами, и не смотря на полученныя двѣ раны, лично повелъ ихъ впередъ. Между тѣмъ эриванцы (нашъ правый флангъ) съ барабаннымъ боемъ и веселыми пѣснями двинулись на штурмъ воротъ. Офицеры были впереди. Силачи-карабинеры разбили двойныя ворота камнями и бросились на завалы. Завязался упорный рукопашный бой. Султанъ Даниель-бекъ былъ тоже впереди сражающихся и, какъ жетса, «искалъ смерти», а отборные его мюриды, до 500 человекъ, стояли въ тылу дравшихся конницъ—съ угрозою стрѣлять своихъ, кто не будетъ держаться.

Столь грозное положеніе непріятеля не испугало эриванцевъ; они, воодушевляемые Бельгардомъ, первые взобрались на валъ, и, опрокинувъ штыками, гнали его подъ гору къ стѣнѣ, гдѣ нашъ лѣвый флангъ успѣлъ зайти непріятелю въ тылъ. Султанъ, замѣтивъ опасное положеніе своихъ войскъ и потерявъ надежду удержаться на позиціи, подалъ знакъ къ общему отступленію. Мятежники бѣжали—эриванцы и тифлисцы такъ быстро стали преслѣдовать, что толпы горцевъ, неостанавливаясь въ Элису, разсѣялись по горамъ на Рутуль. Отрядъ, окончивъ преслѣдованіе, въ тотъ-же день, съ веселыми пѣснями, занялъ безъ выстрѣла резиденцію султана—ауль Элису, и расположился въ немъ по квартирамъ.

Въ славный день элисуйской побѣды палъ при штурмѣ,

пораженный пулею, молодой и любимый товарищами прапорщикъ Пашкинъ и ранены, кромѣ уже упомянутаго маіора Гоziуша, капитанъ Гавриловъ и прапорщикъ Богдановичъ. Сверхъ того, нижнихъ чиновъ убито 18 и ранено 69 челов.,—вся наша потеря 304 человекъ. По официальнымъ источникамъ, султанъ потерялъ убитыми, ранеными и плѣнными свыше пяти сотъ человекъ и 7 знаменъ, которыя, по повелѣнію покойнаго императора, препровождены въ Петербургъ.

Эриванцы въ этой счастливой битвѣ первый разъ дрались подъ командою Бельгарда и сдѣлали починъ съ нимъ похвальный. Надо замѣтить, что и Бельгардъ началъ свою боевую дѣятельность элисейской битвой и зарекомендовалъ себя доблестно, за что онъ удостоился, по опредѣленію георгіевской думы, получить орденъ св. Георгія 4 ст., а по реляціи—орденъ св. Анны 2-й степени.

На другой день взятія Элису, часть войска разбитаго султана, подъ начальствомъ Баширь-бека, напала на нашъ провіантскій транспортъ, шедшій изъ крѣпости Новыя Зака-талы къ Элису, подъ прикрытіемъ команды отъ Эриванскаго полка съ прапорщикомъ Чоголовымъ. Открылась перестрѣлка. Эриванцы, не смотря на свою малочисленность, опрокинули непріятели и благополучно доставили провіантъ въ Элису, откуда въ помощь транспорту былъ высланъ изъ Элису летучій отрядъ. При защитѣ транспорта ранены Чоголовъ и 4 рядовыхъ.

Цѣлую недѣлю войска отряда разоряли богатый аулъ Элису. Въ подвалахъ султана взято много съѣстныхъ припасовъ: чаю, сахару и разныхъ напитковъ. Сверхъ того, найдены въ ямахъ: мѣдная посуда и дорогіе ковры. Всѣ эти вещи были забраны отрядомъ и отъ солдатъ, конечно, перешли въ руки маркитантовъ. Въ заключеніе генераль Шварцъ приказалъ зажечь аулъ Элису, какъ «адское гнѣздо мятежа» (выраженіе Шварца).

По водвореніи спокойствія въ элисейскомъ владѣніи, Шварцъ, назначивъ приставомъ Элису поручика Эриванскаго полка Чачикова, двинулся 30-го августа тремя колоннами на главный хребетъ къ укрѣпленной горѣ Арчи-дагъ. Бельгардъ съ шестью ротами своего полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ, направлень былъ въ обходъ по чрезвычайно крутой и снѣжной горѣ. Эриванцы, преодолевая всѣ трудности и желая еще разъ сразиться, лѣзли на заоблачныя выси по турьимъ тропамъ. Горцы, видя себя обойденными Бельгардомъ, поспѣшили очистить Арчи-дагъ, оставивъ на его вершинѣ заготовленные камни, которыми рассчитывали встрѣтить наши войска со всѣмъ съ другой стороны. Такимъ образомъ, взявъ гору безъ выстрѣла, отрядъ сталъ спускаться внизъ. Спускъ съ Арчи-дага покрытъ мѣстами вѣчнымъ снѣгомъ и представлялъ едва ли не болѣе трудностей, нежели подъемъ. Карabinieri на рукахъ спускали горныя орудія и уже поздно ночью стали бивуакомъ

Сентября 4-го донесли Шварцу о сборѣ горцевъ на горѣ Колобъ-росъ. Для разогнанія скопища, Шварцъ послалъ подполковника Гурамова съ двумя ротами эриванцевъ 2-го баталіона, 2-мя сотнями казаковъ и частію милиціи, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Гурамовъ, видя въ высшей степени затруднительную мѣстность для открытаго нападенія, употребилъ военную хитрость—онъ послалъ 2-ю карабинерную роту, подъ командою поручика князя Тарханъ-Моуравова, по пересѣченной мѣстности въ обходъ, а самъ съ остальными войсками вступилъ въ открытую перестрѣлку, съ цѣлію привлечь на себя вниманіе горцевъ. Демонстрація удалась какъ нельзя лучше.

Поручикъ князь Тархановъ вполне понималъ, что весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ нечаяннаго удара; на этомъ основаніи онъ искусно перевелъ свою роту по скрытной и едва проходимой мѣстности, не рѣдко карабкаясь и спрыгивая съ уступовъ скаль. Добравшись до вершины, князь Тархановъ ударилъ прямо въ штыки; ошеломленные и испуганные неожиданностію лезгины, понавъ между двухъ огней, бросились

къ отвѣсной скалѣ, но тутъ были достигнуты карабинерами и почти всѣ переколоты, или-же сброшены со скалы. Эта побѣда дала на другой день возможность Бельгарду съ баталіономъ эриванцевъ съечь аулы Гуйнду и Короду (*). Выпавшій въ горахъ снѣгъ прекратилъ дальнѣйшія дѣйствія. Баталіоны эриванцевъ, 2-й и 3-й, спустившись на плоскость и отпраздновавъ удачно оконченный походъ, выступили 10-го октября въ г. Тифлисъ.

Между тѣмъ 1-й баталіонъ, подъ командою подполковника Сагинова, все это время находился въ отрядѣ к. Аргутинскаго и дѣйствовалъ при усмиреніи акушинцевъ и цудахарцевъ, гдѣ участвовалъ при штурмѣ селенія Дювека и въ перестрѣлкахъ при сел. Цудоцари (**). Вслѣдъ за тѣмъ еще участвовалъ при покореніи андалальскаго общества и уже глубокою осенью сталъ лагеремъ на лѣвой сторонѣ р. Самура, близъ аула Джабалъ. Отсюда въ декабрѣ мѣсяцѣ, послѣ трехлѣтняго похода въ отрядѣ к. Аргутинскаго, возвратился въ свою штабъ-квартиру.

Государь императоръ, прочитавъ донесеніе о взятіи Элису и отраженіи нападенія на транспортъ, а равно и о дѣйствіяхъ отряда Аргутинскаго, остался совершенно доволенъ.

За взятіе Элису пожалованы награды (***) : маіору Гозишу—Владиміра 4 ст. и чинъ, поручику Лузанову—чинъ, капитану Гаврилову, штабсъ-капитану Устинову и поручику Чачикову—ор. св. Анны 3 ст.; поручикамъ: Бучиѣву, Евтрапову, подпоручику Татьянину, прапорщикамъ: Богданову, Булкунову, Половандову—ор. св. Анны 4 ст.; фельдфебель Аврамовъ произведенъ въ прапорщики, рядовой Иванъ Шокжаевъ,

(*) За козюль-рогачкую побѣду награды: пор. к. Тархановъ—орд. св. Анны 3 степ.

Поручики: { Хоруженко. } Став 3 ст. } Три унтеръ-офицера—по 10 руб
{ Шатиловъ. } } Три рядовыхъ—по 5 рублей.

Рядовой Желебоко произведенъ въ унтеръ-офицера и получено въ двѣ роты 14 знаковъ. Приказъ по полку, отъ 20 мая, 1845 г., № 140-й.

(**) За Цудоцари 4 знака.

(***) Приказъ по корпусу, отъ 17 августа, 1844 г., № 104.

за оказанное имъ отличіе, награжденъ именнымъ георгіевскимъ крестомъ. Кромѣ того, въ баталіонъ получено 3 креста и на всѣхъ нижнихъ чиновъ по 2 руб. за Элису и по рублю за отбитіе нападенія на транспортъ. Наконецъ, генераль Врангель въ самыхъ лестныхъ словахъ (по бригадѣ) благодарилъ 3-й баталіонъ: «Честь и слава храброму баталіону, память вѣчная храбрымъ товарищамъ, павшимъ славною смертію» (*).

На зиму полкъ сосредоточился въ Манглисѣ. Здѣсь ему пришлось отдать послѣднюю почесть праху подполковника кн. Гурамова. Онъ съ боевой лошади, мучимый открывшимися ранами, слегъ въ постель и скончался. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины любили Гурамова за его прямодушіе, замѣчательную доброту и отвагу, съ какою онъ водилъ подчиненныхъ въ бой. Въ немъ полкъ лишился какъ храбраго офицера, такъ и лучшаго товарища. Всѣ наличные люди, бывшіе въ штабъ-квартирѣ, съ выраженіемъ искренняго соболѣзнованія сопровождали его гробъ. Въ этомъ случаѣ нависшая слеза на рѣсницахъ солдатъ, закаленныхъ въ бояхъ, служила доказательствомъ—какая глубокая скорбь лежала въ ихъ сердцахъ. Въ его время въ полку были въ высшей степени развиты дружба и товарищество между офицерами. Вѣчно кочующая бивуачная жизнь, не-рѣдко претерпѣваемый голодъ, холодъ и другія крайнія нужды, стоянки въ палаткахъ и походный костеръ—до того сблизжали офицеровъ, что походный товарищъ дѣлался дороже всѣхъ. Душою полкового общества, въ теченіе своей службы въ полку, былъ Моисей Захаровичъ Гурамовъ, а для молодыхъ офицеровъ—и обожаемымъ дядькою. Свалится-ли въ походѣ у офицера вьюкъ съ вещами, или случится какая-нибудь другая денежная невзгода—онъ всегда вызывалъ сочувствіе товарищей на складчину и поправлялъ «обстоятельства неимущаго» (**).

Въ случаѣ какихъ недоразумѣній, онъ являлся ходатаемъ передъ начальниками и рѣзко отстаивалъ справедливость.

(*) Приказъ по бригадѣ, 13 июля, 1844 г., № 19.

(**) Любимыя слова князя Гурамова.

Такое искреннее посредничество нередко ставило его во враждебное отношеніе къ начальству. Онъ былъ врагъ всѣхъ личныхъ ссоръ и являлся посредникомъ, твердо настаивая на примиреніи. Моисей Захаровичъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые не щеголяютъ своими подвигами, хотя въ дѣйствительности ихъ и совершали. Раны, полученныя имъ подъ Ахалцихомъ—въ 1828 году, и подъ Закаталами—въ 1830 году, часто открывались въ ненастную погоду, но онъ переносилъ боль безъ ропота, мужественно—никто не слышалъ его стонъ. Имя Моисея Захаровича Гурамова должно стоять въ ряду самыхъ доблестныхъ дѣятелей полка. Прахъ его похороненъ въ родовомъ имѣніи, въ деревнѣ Овчалахъ, возлѣ Тифлиса.

Въ слѣдующемъ 1845 году было предположено направить сильный ударъ въ горы, съ цѣлью разомъ покончить завоеваніе Кавказа. Рѣшеніе такой трудной задачи возложено было на только-что вступившаго въ командованіе кавказскимъ корпусомъ, ген.-адъют. князя Воронцова, начавшаго свою боевую карьеру 40 лѣтъ тому назадъ подъ Гапжею (*). Ему императоръ Николай Павловичъ, до официальнаго назначенія на это мѣсто, между прочимъ, писалъ: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердіе къ пользамъ государства, выборъ мой палъ на васъ въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностію порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое ожиданіе». Такую обширную власть еще никто не получалъ изъ кавказскихъ главнокомандующихъ.

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, глубоко оцѣнивъ высокое довѣріе монарха, сталъ энергично готовиться къ покоренію восточнаго Кавказа. Онъ стянулъ къ подножію горъ огромныя силы и сталъ наступать чеченскимъ и дагестанскимъ отрядомъ къ укрѣпленному аулу Дарго—главной резиденціи Шамиля. Отрядамъ-же самурскому и лезгинскому поставля-

(*) Приказъ по корпусу, отъ 14-го марта, 1845 г., № 1. Керчь.

лось задачею отвлекать отъ Дарго и наблюдать за сохраненіемъ спокойствія въ непокорныхъ обществахъ, прилежащихъ къ Кахетіи. Въ составъ лезгинскаго отряда (*) поступили въ апрѣль второй и третій батал. эриванцевъ въ числѣ 1,863 человекъ, подъ командою полковника Дебу (**). Одновременно съ движеніемъ главныхъ силъ къ Дарго, лезгинскій отрядъ, сосредоточившись въ аулѣ Бѣлоканы, 25-го мая выступилъ на гору Акишалъ, гдѣ начальникъ лезгинскаго отряда, генераль Шварцъ, получа достовѣрныя свѣдѣнія, что лезгины собираются занять и укрѣпить и безъ того едва проходимые главные пути въ Анкратъ и въ особенности гору Мааль-росъ, рѣшилъ ихъ предупредить. 26-го мая 2-я карабинерная рота кн. Тарханова, шедшая впереди, сбила непріятельскій постъ на Мааль-росъ, и заняла эту важную для насъ позицію. Однако, выпавшій снѣгъ и усиливающаяся стужа заставили снять съ горы роту. Кромѣ того, весь 2-й батал. эриванцевъ, съ двумя орудіями и частію милиціи, подъ общею командою полковника Дебу, отправлены были внизъ версты за три, къ урочищу Рагнооръ, для прокорма лошадей.

Черезъ два дня, 29-го мая, сильная партія лезгинъ показала на горахъ предъ позиціею полковника Дебу. Ударили тревогу; второй баталіонъ, не смотря на проливной дождь, живо разсыпалъ цѣпь и завязалъ перестрѣлку, которая постепенно стала усиливаться по мѣрѣ прибытія къ горцамъ подкрѣпленій и введенія въ бой нашихъ резервовъ. По первымъ выстрѣламъ ген. Шварцъ послалъ съ позиціи въ подкрѣпленіе 3-й баталіонъ эриванцевъ, подъ командою майора Гозиуша. Между тѣмъ 2-й батал. выдержалъ уже первый и самый сильный натискъ горцевъ, при чемъ отличились распорядительностію штабсъ-капитанъ Шатиловъ и личною отвагою поручикъ Гурамовъ, который съ нѣсколькими солдатами врѣзался въ тол-

(*) Лезгинскій отрядъ: пѣхоты 4 бат., драгунъ 4 эскадр., 5 сотенъ казак., 1,000 милиціон; при 10 горныхъ орудіяхъ.

(**) 1-й бат. въ Александроп. на крѣпостныя работы.

пу лезгинъ, и, не смотря на ушибъ камнемъ и пашечныя раны въ голову и ногу, вступилъ въ борьбу съ двумя горцами, изъ которыхъ одного убилъ и сцѣпившись съ другимъ, скатился вмѣстѣ съ горцемъ съ весьма крутой горы, но тутъ былъ спасенъ подошедшимъ резервомъ отъ роты князя Тарханова. Лезгинъ-же заколотъ рядовымъ Савинымъ. Въ это время подошелъ 3-й баталіонъ. Эриванцы, подъ градомъ пуль и спущенныхъ съ горъ камней, бросились на горцевъ и, опрокинувъ ихъ на всѣхъ пунктахъ, заставили укрыться въ горы. Этотъ бой продолжался 7 часовъ, до сумерокъ. Горцы дрались въ этотъ день отчаянно, чему можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что большая часть нашихъ людей ранены холоднымъ оружіемъ,—такъ: изъ 48 человекъ 2-го баталіона, выбывшихъ изъ фронта, приходится 26 ранъ холоднымъ оружіемъ. Вся потеря въ обонхъ баталіонахъ заключалась въ этомъ дѣлѣ въ 11 убитыхъ и 57 раненыхъ. Въ томъ числѣ ранены три офицера: штабсъ-кап. Шатиловъ, упомянутый поручикъ Гурамовъ и прапорщикъ Викулинъ (*).

Государь, прочитавъ донесеніе о дѣлѣ на Рогно-орѣ, въ которомъ принимали исключительно участіе эриванцы, соизволилъ собственноручно написать на донесеніи: «*Прекрасно*». Такое похвальное слово государя сильно обрадовало полкъ и воодушевило для новыхъ битвъ.

Къ вечеру послѣ рогно-орской битвы ген. Шварцъ, узнавъ чрезъ лазутчиковъ, что султанъ Дапидель и мулла Шабанъ съ 5-тью тысячами намѣрены возобновить утромъ дѣло на Рогно-орѣ, приказалъ войскамъ, прикрываясь темнотою ночи, подняться къ Мааль-росу. Въ арріергардѣ съ 3-ею караб. и 6-ю егер. ротами былъ оставленъ штабсъ-капитанъ кн. Вачнадзе, которому начальниязъ бригаднаго штаба, полковникъ Вревскій, передавая приказаніе, сказалъ (**): «Помните, цѣлость отряда лежитъ на васъ. Пропустите всѣхъ, и тогда, не

(*) Приказъ по полку, отъ 21-го июля, 1845 г., № 173-й.

(**) Разсказъ отставн. подполковн. к. Вачнадзе.

торопясь, двигайтесь въ тишинѣ, а еслибы даже горцы и стрѣляли, то вы имъ не отвѣчайте». Вревскій одѣтъ былъ линейнымъ—казакомъ, только крестъ на шеѣ и повелительный тонъ показывали въ немъ начальника. Вообще кавказскіе офицеры и начальники не стѣсняли себя формою, а носили одежду болѣе удобную по времени года и обстоятельствамъ.

Надо замѣтить, что въ день битвы шелъ, не переставая, мелкій, но спорый дождикъ, а къ ночи повалилъ хлопьями снѣгъ. Дорогу испортило—подъемъ въ горы по крутымъ тропкамъ былъ изнурителенъ до крайности: «Два шага впередъ, а шагъ опять сѣдешь назадъ». Чѣмъ подымались выше, тѣмъ холодъ постепенно усиливался и сталъ леденить на тѣлѣ мокрую одежду. Ко всему этому надо добавить, что непрерывныя движенія въ теченіе дня и бой—не дали возможности перекусить даже сухарей. Голодъ окончательно подрывалъ силы, по привычныя ноги кавказца, плелись еще кое-какъ среди не проницаемой темноты и по неизвѣстной мѣстности. Когда-же сбивались съ тропинки, то приходилось прямо карабкаться въ гору, по высокой мокрой травѣ, скользя и падая. Такъ провели всю ночь эриванцы, не смыкая глазъ. Если-же и останавливались на привалъ для роздыха, то холодъ, грязь и снѣгъ заставляли быть на ногахъ: только нѣкоторые офицеры, имѣвшіе бурки, могли прилечь какъ попало. Кто-же имѣлъ свой сухарь, да чарку спирта—тотъ считался счастливымъ.

Утренняя заря застала карабинеръ на горѣ. Горцы, въ свою очередь, опасаясь русскихъ, тоже отошли на окрестныя горы, покрытыя снѣгомъ. Утромъ на вершинахъ обозначались горскія скопища и сторожевыя пикеты. Эриванцы, прибывъ на бивуакъ, кое-какъ пообсушились возлѣ костровъ, пообѣдали теплою пицци и опять повеселѣли.

Въ полночь 30-го мая двѣ роты—3-я карабинерная и 6-я егерская—получили приказаніе занять впередѣ лежащія высоты. Рота князя Вачнадзе заняла гору Кевъ, а 6-я рота, подпоруч. Кобіева, стала ниже ее, на лѣвомъ флангѣ. Лишь только роты

дошли до назначенныхъ пунктовъ, какъ на разсвѣтѣ скопища Давидъ-бека и муллы Шабана стали ободить справа и слѣва нашъ отрядъ, расположенный ниже Маалъ-роса; а большая часть горцевъ, рассчитывая занять гору Кевъ, направилась къ ней. Вачнадзе, желая внезапно атаковать горцевъ, укрылъ свою роту въ ложбинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ о движеніи непріятеля далъ знать въ лагерь. Ему въ подкрѣпленіе выслана тотчасъ 2-я караб. рота, поручика князя Тарханъ-Моуравова, а къ подпоручику Кобіеву двѣ роты 3 баталіона, шт.-кап. Лузанова и поручика Евтрапова, и взводъ крѣпостныхъ ружей, при 2-хъ орудіяхъ. Одновременно съ этимъ полковнику Дебу, съ двумя ротами его баталіона, 4-ю и 5-ю, при двухъ орудіяхъ и частію милиціи, приказано слѣдовать съ величайшею скрытностію по ущелью на перерѣзъ непріятелю. Когда 2-я караб. рота взшла на гору, то Вачнадзе присоединилъ къ ней отъ своей роты второй взводъ поручика Врангеля и приказалъ князю Тарханову съ тремя взводами встрѣтить горцевъ. Тархановъ отъ своей роты разсыпалъ взводъ поручика Шалковского и хладнокровно, не торопясь, сталъ спускаться къ горцамъ, которые по покатости горы, со всею нерасчетливою заносчивостію, лѣзли впередъ. Тархановъ, подойдя къ нимъ на нѣсколько сажень, пустилъ людей въ атаку—грянулъ залпъ и раздалось дружное ура. . . Скопище, рассчитывая на свою многочисленность, пыталось удержать карабинеръ, но эта попытка, увеличивая число ихъ жертвъ, оказалась безсильною. Они, тѣснимые шт.-ками, стали укрываться за природные каменные завалы, находившіеся во многихъ мѣстахъ по горѣ—однако и это закрытіе ихъ не спасло: карабинеры, предводимые Тархановымъ, Шалковымъ и Врангелемъ, бѣгомъ подъ гору кинулись впередъ къ заваламъ и мужественно скинули горцевъ внизъ.

Только отважные мюриды, съ обнаженными пашками и кинжалами, вступили въ упорный рукопашный бой, но послѣ отчаяннаго сопротивленія легли на мѣстѣ убитыми. Въ одной

схваткѣ поручикъ Титковъ убилъ камнемъ мюрида, оборонявшагося шашкою (*); поручикъ Шаликовъ изрубилъ нѣсколькихъ человѣкъ. На другихъ пунктахъ эриванцы тоже съ успѣхомъ опрокинули горцевъ и преслѣдовали ихъ до ущелья. Тутъ они, неожиданно наткнувшись на роты полковника Дебу, были поставлены въ отчаянное положеніе—нельзя было податься ни впередъ, ни назадъ; тогда отважнѣйшіе изъ ппхъ бросились на проломъ, прямо. Завязался бой—на этомъ пунктѣ горцы гибли, но не сдавались. Другіе, взявъ вѣтвь, стали пробираться почти по отвѣсной скалѣ въ глубокое ущелье, но тутъ опять, встрѣченные залпомъ 9-й роты поручика Евтрапова, бросились въ разсыпную. Между тѣмъ спѣшенные драгуны и тифлисы, поддерживаемые 7-ю ротой эривалцевъ, заняли выгодную позицію на высотѣ, откуда, въ свою очередь, открыли орудійный огонь въ догонку по разбитому непріятелю. Побѣда нами одержана полная: Даніель-бекъ, лишившись большей половины своего скопища, бѣжалъ въ горы. Столь упорный бой стоитъ эриванцамъ 10 челов. убитыми и ранеными.

Государь императоръ, получивъ донесеніе объ этой новой блестящей побѣдѣ, участь коей рѣшили тоже эриванцы, собственноручно написалъ: «Хорошо». Этотъ новый знакъ царской милости сильно развивалъ и возбуждалъ славолубіе въ полку.

Шварцъ, послѣ удачнаго для насъ дѣла, желая воспользоваться страхомъ, наведеннымъ на горцевъ, рѣшилъ разорить дидайсское общество. Съ этою цѣлью онъ остался на мало-роской позиціи, ужасной даже въ разказахъ по испытаннымъ здѣсь бѣдствіямъ. Въ теченіе восьми дней стоялъ туманъ, пронизывающій сыростію на-сквозь,—по временамъ шелъ дождь съ снѣгомъ и сыпался градъ—крупя, дровъ вблизи не было, а кавказскій рододендронъ, растущій на высотахъ, больше дымилъ нежели горѣлъ. Четырехъ-дневный провіантъ и соль приказано продлить на десять дней. Солдаты ѣли разныя травы и мясо безъ соли, отчего стали пухнуть. Наконецъ, съ ночи

(*) Изъ разказа унтеръ-офицера Квинтисаго, бывшаго въ этомъ дѣлѣ.

8-го іюня повалилъ сильный снѣгъ и къ утру выпалъ до верхнихъ гаекъ ружей, стоявшихъ въ козлахъ. Утромъ подулъ рѣзкій вѣтеръ и все скрылось въ вихрѣ метели. Ноги и руки стали ныть отъ холода. Такія невзгоды подѣйствовали на людей разрушительнымъ образомъ и вынудили Шварца отказаться на время отъ движенія въ Дидо. Онъ 9-го іюня спустился въ урочище Таманду, гдѣ былъ въ изобиліи лѣсъ. Погода на Тамандѣ прояснилась—отрядъ ожилъ, и вскорѣ явилось общее желаніе вступить снова въ бой. Всевозможныя невзгоды кавказскаго солдата не останавливали, а возбуждали его и доводили до полного безстрашія. Изъ Таманды Шварцъ послалъ нѣсколько оказій на плоскость за провіантомъ и получивъ его, рѣшился осуществить планъ относительно дидойцевъ. На этомъ основаніи, 22-го іюля, онъ сперва отправился для наказанія небольшого общества Ташъ, имѣя въ виду этимъ движеніемъ замаскировать свою настоящую цѣль дѣйствія. Эриванцы съ Бельгардомъ, прибывшимъ въ отрядъ послѣ мааль-роской битвы, шли въ авангардѣ, разоряя аулъ за ауломъ въ ташинскомъ обществѣ. 3-го іюля войска дошли до границъ Андуха, гдѣ окрестныя высоты и въ особенности неприступная Гекъ-нардиванъ (небесная лѣстница) были сильно заняты горцами и укрѣплялись завалами. Шварцъ, извѣстясь въ это время, что самурскій отрядъ отступилъ отъ аула Тилитъ и имѣя впереди столь сильнаго непріятели, а сзади колеблющихся въ покорностикопучинцевъ, счелъ за лучшее отойти къ уроч. Химрикъ—кратчайшее наше сообщеніе съ лезгискою линіею, съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ оттуда послать транспортъ въ Кахетію за провіантомъ. Отступленіемъ на Химрикъ имѣлось въ виду хоть временно убѣдить горцевъ въ нашемъ намѣреніи прекратить экспедицію. Но въ то-же время, желая скрыть движеніе на Химрикъ, Шварцъ приказалъ Бельгарду съ эриванцами, во что-бы-то ни-стало, атаковать горцевъ на высотахъ Гекъ-нардивана и занять ихъ боемъ, пока обозъ не подымится на высоты. За столь рискованное предпріятіе Бель-

гардъ взялся съ полною готовностію. За нѣсколько часовъ до разсвѣта, Бельгардъ съ мертвою тишиною двинулся по едва проходимымъ утесамъ на Гекъ-пардиванъ. Одновременно съ этимъ обозъ съ прикрытіемъ и предосторожностями тронулся на Химрикъ. Эриванцы, незнавшіе съ Бельгардомъ устали, еще за часъ до свѣта, 31-го іюля, взобрались на Гекъ-пардиванъ, и съ жаждою боя бросились на завалы. Налѣтъ былъ столь быстръ, что горцы, объятые паникой, не рѣшились мѣриться въ силахъ, а какъ угорѣлые, кипулись въ разсыпную, кто куда попало. Эта удача позволила отряду 1-го августа безъ потери отступить и расположиться въ уроч. Химрикъ. Отсюда, по едва проходимой тропинкѣ, выучный обозъ съ прикрытіемъ спустился въ Кахетію за провіантомъ и чрезъ три дня безпрепятственно доставилъ его въ Химрикъ. Кто былъ въ походахъ и голодалъ, тотъ хорошо знаетъ съ какимъ нетерпѣніемъ войска ждуть оказіи: офицеры и солдаты выходятъ на возвышенные пункты и съ папряженнымъ вниманіемъ смотрятъ въ ту сторону, откуда должна слѣдовать оказія. Въ этихъ случаяхъ полковые шутники всегда глумятся и острятъ надъ нетерпѣливыми новичками. Провіанта привезено было на два дня, а приказано растянуть на шесть. Бельгардъ, здороваясь съ полкомъ, спрашивалъ у солдатъ: «Хватить-ли имъ на шесть дней двух-суточная пропорція сухарей»? Карабинеры, вѣря, что съ Бельгардомъ экспедиція будетъ удачна, отвѣчали «Хватить». Дѣйствительно, Бельгардъ изыскивалъ всѣ средства, чтобъ его эриванцы не нуждались. Офицеры какъ въ штабъ-квартирѣ, такъ и въ походѣ обѣдали у него постоянно всѣ. Солдаты за всякое удачное движеніе, за всякую перестрѣлку—получали командирскую чарку спирта и порцію говядины.

Предпріятіе Шварца на Дидо было чрезвычайно затруднительно какъ по препятствіямъ, представляемымъ мѣстностію, по которой должно было слѣдовать войскамъ, такъ въ особенности еще потому, что въ это время получены были точныя свѣдѣнія, что главный дѣйствующій отрядъ испыталъ неудачу и возвратился уже

Дарго на плоскость (*), а самурскій, какъ упомянуто выше, отошелъ за Кара-койсу,—такъ-что небольшой отрядъ Шварца оставленъ былъ собственнымъ силамъ и ни откуда не могъ ожидать содѣйствія.

Боевой генераль, имѣя это въ виду, съ обычною отвагою и распорядительностію продолжалъ неуклонно осуществленіе своего плана. Онъ хранилъ наступленіе въ Дидо въ глубочайшей тайнѣ, и, напротивъ, распускалъ слухъ, что идетъ на кейсерухцевъ и карахцевъ, принявшихъ къ себѣ вновь набовъ Шамиля, и сталъ даже разрабатывать туда дорогу, какъ прежде на Ташъ. Когда вниманіе горцевъ было и сюда привлечено, и они утвердились въ этомъ предположеніи, то войска наши неожиданно ночью, 12-го августа, двинулись на границу Дидо.

Нужно замѣтить, что кромѣ придуманныхъ демонстрацій, Шварцъ еще вполне полагался на моральную силу своего отряда, воодушевленнаго предшествующими удачами, чему могутъ служить доказательствомъ слѣдующія его слова въ донесеніи къ Воронцову: «Добрые и благодарные солдаты, шли весело къ новымъ побѣдамъ и сохраняли порядокъ» (**).

Бельгардъ съ эриванцами въ этотъ разъ самъ напросился въ авангардную колону и смѣло пошелъ впередъ; неся въ горы на рукахъ два горныхъ единорога и опрокидывая горскіе наблюдательные пикеты, онъ занялъ и истребилъ ауль Инухъ. 30-го августа весь отрядъ направился ущельемъ къ аулу Кидоро; эриванцы, дѣйствуя съ драгунами и казаками въ передовой колонѣ и выбивая постепенно горцевъ изъ зава-ловъ, приблизились по высотамъ къ Кидоро, крѣпкому аулу,

(*) Извѣстная кавказцамъ сухарная или даргинская экспедиція стоить намъ: убито 3 генер., 14 штабъ-офиц., 7 оберъ-офиц. и 1569 нижнихъ чин.; ранено: 3 штабъ-офиц., 75 оберъ-офиц. и 1374 нижнихъ чиновъ. Въ этой экспедиціи участвовалъ при отрядномъ штабѣ подпоруч. Эриванскаго полка Новицкій, за что получилъ орденъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ.

(**) Рапортъ Шварца къ Воронцову. Тифл. арх., сек. дѣло по описи ген. шт. 2 отд. за 1843 г.

но недоступному по мѣстоположенію. Ауль, по своимъ каменнымъ постройкамъ въ два и три этажа съ бойницами, расположенъ былъ амфитеатромъ по скалистому гребню, защищенному многими башнями.

Подойдя къ Кидоро, войска сначала открыли канонаду, а потомъ, «какъ электрическая искра, одушевленіе проникло всѣхъ—карабинеры, драгуны и уральскіе казаки, предводимые командирами, крикнули ура и бросились къ селенію бѣглымъ шагомъ съ барабаннымъ боемъ». Изъ числа первыхъ ворвался въ ауль поручикъ Чачиковъ съ своей ротой—онъ лично изрубилъ дидойскаго наиба муллу Магомета; вслѣдъ за нимъ вспелъ уже раненый шт.-капит. Урвановъ. Штурмъ не продолжался и 5-ти минутъ—испуганные и изумленные дидойцы, мечтавшіе, повидимому, дорогою цѣною уступить намъ ауль, толпами кинулись вонъ; они въ паническомъ страхѣ бѣжали въ горы и недоступныя ущелья, покидая свое имущество—конница напѣ ихъ преслѣдовала и покрыла путь непріятеля тѣлами убитыхъ; ауль Кидоро сожженъ и разрушенъ, а вслѣдъ затѣмъ разорены два другіе—Зихидо и Котохо. Въ Кидоро взято три значка съ бою и три найдено оставленными.

Окончивъ такъ доблестно день, войска поднялись въ уроч. Барисъ-мейданъ и расположились бивуакомъ праздновать побѣду.

Трапезу ихъ составлялъ завезенный въ горы спиртъ и забранный въ ауль скотъ, мука и медъ. Вечеромъ утомленный отрядъ уснулъ богатырскимъ сномъ, охраняемый очередными часовыми и пикетами.

На штурмѣ Кидоро отличился молодой прапорщикъ князь Половандовъ; онъ съ полувзводомъ отъ 2-й карабинерной роты и драгунами первый добѣжалъ до одной башни и занявъ мѣсто въ интервалѣ между бойницами, влѣзъ, поддерживаемый солдатами, на второй этажъ башни, гдѣ вырубилъ огонь посредствомъ кремня и трута, и зажегъ верхъ башни, сложенный изъ дерева. Лезгины, охваченные пламенемъ, вынуждены

были оставить башню. Они, распахнувъ дверь, бросились напроломъ, но драгуны и Половандовъ съ людьми 2-й карабин. роты, ставъ по обѣ стороны двери, рубили и кололи выбѣгающихъ.

На другой день отрядъ направился въ средоточіе Дидо, къ большому аулу Хупро. Горцы, испытавъ вчера неудачу, не отважились защищать Хупро—они, послѣ незначительной перестрѣлки, очистили аулъ и поднялись на высоты.

Разсказываютъ, что князь Тархановъ съ 2-ю карабинерною ротою въ числѣ первыхъ прибылъ къ Хупро и расположился на его поляхъ бевуакомъ. Карабинеры зажгли аулъ. Огромная масса огня покрыла огненными языками мѣста жилищъ. Слѣдующія роты, подходя къ пылающему аулу, останавливались возлѣ бевуака Тарханова, который, разводя костеръ, кипятилъ уже походный чайникъ. Вокругъ костра, по мѣрѣ прибытія ротъ, все болѣе увеличивался офицерскій кружекъ и чайникъ уже опоражнивался нѣсколько разъ. Между тѣмъ стемнѣло; горцы, подкравшись на близкую дистанцію, сдѣлали залпъ; прожужжали пули и одна прямо ударила въ чайникъ. Закричали «въ ружье»—все бросились къ своимъ ротамъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ, уже успѣвшіе разуться, чтобъ высушить обувь, побѣжали второпяхъ босикомъ, по только-что скошенной пашнѣ. Люди быстро выстроились по-ротно; выслали взводъ занять пикетомъ ближайшую высоту, и снова все смолкло—только горѣвшій аулъ изрѣдка трещалъ, да иногда одиночные выстрѣлы раздавались съ непріятельскихъ пикетовъ.

Шварцъ, выполнивъ задачу опустошеніемъ Дидо, сталъ обратно двигаться еще до зари слѣдующаго дня. Дидойцы, лишеныя своихъ жилищъ, съ остервенѣніемъ нападали на нашу цѣпь, причемъ нельзя не упомянуть, что подпоручики: Кантуровъ, Кобіевъ, Прокоповичъ и прапорщикъ Половандовъ, находясь съ застрѣльщиками въ цѣпи, подъ общою командою поручика Шаликова, смѣло удерживали натискъ лезгинъ и

тѣмъ давали возможность баталіонамъ подняться на высоту. Въ одномъ мѣстѣ положеніе застрѣльчиковъ сдѣлалось весьма опаснымъ. Впереди нашего отступленія цѣпи возвышалась неприступная скала, и только вправо, по скалистымъ извилистымъ тропинкамъ и лѣсу, можно было обойти скалу и то не иначе, какъ по одному человѣку. Тогда князь Шаликовъ и Половандовъ, понимая, что горцы, занявъ это мѣсто, могли бы ихъ совершенно отрѣзать, прибѣгнули въ этотъ критическій моментъ къ слѣдующей хитрости: все, что у нихъ было бѣлаго и краснаго подѣ рукою—утиральники, платки, рубашки—повѣсили на палки и въ видѣ значковъ поставили въ тѣспомъ входѣ. Горцы, замѣтивъ значки и предположивъ что тамъ находятся въ засадѣ наши колонны, натурально неотважились туда идти; этимъ временемъ, по приказанію Шаликова, одна часть застрѣльчиковъ вела жаркую перестрѣлку, а другая незамѣтнымъ образомъ была выведена по узкой тропѣ въ одного человѣка на скалистый утесъ, откуда открыла стрѣльбу; тогда другая часть бѣгомъ, подѣ прикрытіемъ первыхъ, возшла на высоту. Горцы открыли обманъ, но уже было поздно—находчивость упомянутыхъ офицеровъ увѣнчалась успѣхомъ: отрядъ и цѣпь отступили благополучно. Вся потеря эриванцевъ въ дидойскомъ обществѣ съ 12-го по 15-е августа убитыми 9 и ранено 30 человѣкъ. Въ числѣ послѣднихъ подпоручикъ Кантуровъ (*).

Когда вышли на главный хребетъ, то тутъ наше войско встрѣтили кахетинское дворянство и грузинская дружина, которые, не получая извѣстія объ участи отряда и опасаясь за цѣлость его, сами вышли въ помощь Шварцу съ запасомъ провіанта. Дружина при этомъ случаѣ бросилась на преслѣдующихъ насъ горцевъ и прогнала ихъ вплоть до Хупро. Такъ 15-го августа законченъ знаменитый походъ въ Дидо, куда въ первый разъ проникли русскіе штыки.

Государь императоръ на рапортѣ о взятіи сел. Кидоро и дѣйствіяхъ въ Дидо написалъ собственноручно «*Славно*».

(*) Приказъ по полку, отъ 11 сентября, 1843 г., № 254.

Офицеры и нижніе чины 2-го и 3 баталіоновъ за описанныя дѣйствія въ 1845 году удостоились получить слѣдующія награды (*):

ЧИНЫ и ФАМИЛИИ.	За Рогно и Мало-роскія победы.	За дѣйствія въ Днѣ.
Полковникъ Бельгардъ	Св. Вл. 4 степени съ бант.
Дебу . . .	Ор. св. Георгія 4 степени.	Зол. знагу съ надп. за храбр.
Подполковникъ Гозушъ	Ор. св. Анны 2 степени.
Капитанъ Сагиновъ	Ор. св. Вл. 4 ст. съ бант.
Шт-капитанъ Урвановъ . . .	Св. Анны 3 степени.....	Тоже.
Кн. Вацпадзе . . .	Св. Влад. 4 ст. съ бантомъ.	
Лузановъ . . .	Св. Анны 3 степени.....	
Критскій	Св. Анны 3 степени.
Натилловъ . . .	Чинъ.....	
Поручикъ кн. Тарх.-Муратовъ.	Чинъ.....	Св. Анны 3 степени (**).
Бучковъ	Чинъ.
Евстаповъ . . .	Ор. св. Анны 3 степени...	
Маркевичъ	Св. Анны 3 степени
Чачиковъ . . .	Чинъ.....	Зл. знагу съ надп. за храбр.
Хоруженко . . .	Чинъ.....	Чинъ.
Чанпе . . .	Ор. св. Анны 4 степени..	
Врагелъ	Чинъ.
Титковъ . . .	Ор. св. Анны 4 степени..	
Подпоручикъ: Сагиновъ 4 . . .	} Ор. св. Анны 3 степени.	
Богдановъ . . .		
Кн. Половандовъ . . .	} Ор. св. Анны 4 степени.	
Гурамовъ . . .		Чинъ.
Рукевичъ	Чинъ.
Кантуровъ	Ор. св. Анны 3 степени.
Прокоповичъ	} Ор. св. Анны 4 степени.
Автоновъ	
Чеглаковъ	
Пранорщикъ: Ховенъ . . .	Ор. св. Анны 4 степени...	Ор. св. Анны 3 степени.
Тамилевскій	Ор. св. Анны 4 степени.
Полянскій	Чинъ.
Викулитъ . . .	Чинъ.....	
Алешковъ . . .	Чинъ.....	
Кавторадзе . . .	Ор. св. Анны 4 степени...	
Чулковъ	Ор. св. Анны 4 степени.
Три юнкера	Чины.
Нижнимъ чинамъ . . .	26 знаковъ отлич. воен. ор. св. Георгія и по сапожному топару на каждаго.....	62 знака отличія св. Георгія.

(*) Приказы по полку, 1845 г., отъ 26 ноября, № 324, и 27 ноября, № 325, и 10 декабря, № 338. Полк. арх.

(**) Поручикъ кн. Тархановъ два раза получилъ этотъ орденъ.

ГЛАВА XVI.

Походъ 2-го батал. въ Чечню въ 1846 году и постройка ачхоевскаго укрѣпленія. Участіе 1-го батал. въ 1847 году подъ Гергибелемъ. Перекатное отступленіе отъ Гергибеля. Блокада аула Салты. Отличіе поручика Прокоповича. Штурмъ и паденіе Салты. Бельгардъ съ 3-мъ баталіон. въ лезгинскихъ горахъ. Взятіе аула Бехельды. Лезгинскіе походы 1848 и 1849 годовъ.

Шамиль, поощренный неудачей нашей въ даргинской экспедиціи, сталъ помышлять о вторженіи въ наши предѣлы. Собралъ значительныя скопища къ аулу Гуль, онъ, повидимому, желалъ сдѣлать набѣгъ на военно-грузинскую дорогу между Ларсомъ и Дарьяломъ; но лишь только было получено объ этомъ извѣстіе, какъ тотчасъ изъ штабъ-квартиры послали 2-й баталіонъ, подъ командою подполковника Добринскаго, форсированнымъ маршемъ во Владикавказъ, куда баталіонъ и прибылъ на третій день, пройдя почти бѣгомъ около 200 верстъ.

Быстрое сосредоточеніе отряда во Владикавказѣ предупредило намѣреніе Шамиля прорваться на линію.

Нужно сказать, что даргинскій походъ навелъ князя Воронцова на мысль замѣнить прежніе набѣги въ глубь горъ постепеннымъ завоеваніемъ края—именно онъ сталъ сознавать необходимость дѣлать просѣки, строить на выгодныхъ пунктахъ укрѣпленія и станицы, прокладывать дороги и двигаясь такимъ образомъ впередъ, стѣснять владычество Шамиля. Такой систематическій выводъ, пріобрѣтенный цѣною крови, имѣлъ результатомъ то, что въ 1846 году началась правильная осада кавказскихъ горъ, сквозь которую проскользало еще удалство кавказскихъ генераловъ, но общій планъ дѣйствій большею частію былъ опредѣленъ.

Въ 1846 году проектировано было въ Малой Чечнѣ рубить просѣку и строить укрѣпленія. Для этой цѣли назначал-

ся отрядъ генерала Лабинцова, сосредоточенный возлѣ станицы Михайловской на р. Сунажѣ. Къ этому отряду предписано немедленно присоединиться 2-му батал. эриванцевъ, стоявшему во Владикавказѣ. Подполковникъ Ховевъ, замѣнившій Добринскаго, во исполненіе предписанія, сдѣлалъ въ сутки 17-го іюня около ста верстъ и присоединился къ отряду. Такой молодецкій переходъ баталіонъ совершилъ въ порядкѣ, не имѣя даже отсталыхъ; кромѣ того, на другой-же день бодрымъ шагомъ выступилъ въ походъ.

19-го іюня отрядъ двинулся къ рѣкѣ Фортангѣ, по той дорогѣ, по которой шесть лѣтъ тому назадъ двигался 1-й баталіонъ.

Чеченцы и на этотъ разъ заняли берега Фортанги и встрѣтили авангардъ частымъ ружейнымъ огнемъ, желая помѣшкать нашей переправѣ, но и въ этотъ разъ были съ потерей отбиты. При этомъ случаѣ 2-я карабинерная рота эриванцевъ, шт.-капит. кн. Тарханъ-Моуравова, переѣхавъ на вазачьихъ лошадяхъ чрезъ разлившуюся рѣку, ударила въ штыки и не взирая на упорство чеченцевъ отстоять берегъ, отгѣснила ихъ отъ переправы (*).

Чрезъ два дня, 21-го іюня, въ присутствіи князя Воронцова, на выбранномъ имъ мѣстѣ, заложено Ачхоевское укрѣпленіе на правомъ берегу рѣки Фортанги, съ обычными церковными обрядами, причемъ находился въ парадѣ 2-й батал. эриванцевъ.

Все лѣто баталіонъ занимался то рубкою лѣса вверхъ и внизъ по теченію рѣки Фортанги, то постройкою укрѣпленія, изрѣдва ведя перестрѣлки.

На зиму баталіонъ расположился по станицамъ моздокскаго казачьяго войска по р. Тереку, откуда ходилъ съ 14-го по 24 декабря истреблять андійскіе хутора (**). Въ этомъ

(*) Награды: шт.-капит. Тархановъ, поручики: кн. Шаликовъ, Сагиновъ и прапорщ. Антоновичъ—сѣдующіе чины, а нижнимъ чин. 4 георгіевскіе креста.

(**) При истребленіи андійскихъ хуторовъ убитъ 4, ранено и контужено 8 человекъ. Приказъ по полку, отъ 13 января, 1847 г., № 13.

набѣгѣ эриванцы, обезпечивъ себя полшубками, перчатками и спиртомъ, не смотря на трескучіе морозы, шли бодро, и тогда какъ люди другихъ частей войскъ сильно отмороживали ноги и руки, у насъ не было ни одного отмороженнаго. Такое примѣрное попеченіе подполковника Ховена о баталіонѣ сдѣлалось извѣстно кн. Воронцову, и онъ лично, осмотрѣвъ баталіонъ и убѣдясь въ его исправности, отдалъ слѣдующій приказъ (*): «2-й баталіонъ Эриванскаго полка, бывшій въ теченіе прошедшаго года въ чеченскомъ отрядѣ, и принимавшій въ продолженіе зимы дѣятельное участіе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ и находившійся въ частыхъ движеніяхъ для обороны края отъ вторженія горцевъ, найденъ въ отличномъ состояніи какъ въ отношеніи бодрости и воинственнаго вида людей, такъ и по состоянію ихъ здоровья,—за что объявляю свою особенную благодарность баталіонному командиру подполковнику Ховену» (**). Дѣйствительно, 2-й батал. отличался какъ представительностію своею, такъ равно и знаніемъ фронтовой службы,—такъ что этому баталіону поручалось иногда испытать удобство двухшереножнаго строя, который проектировали въ то время ввести у насъ въ войскахъ. Ховень въ зимнемъ отрядѣ дѣйствовалъ двухшереножнымъ строемъ и призналъ его удобнымъ въ горной войнѣ. Остальные баталіоны полка не принимали участія въ походахъ 1846 года.

Съ наступленіемъ слѣдующаго 1847 года кавказскимъ войскамъ поставлялось въ задачу напасть на владѣнія Шамиля съ разныхъ сторонъ и углубясь въ горы, взять Гергибель и Салты—главные его укрѣпленные пункты. Такой планъ дѣйствій видимо уклонился отъ принятой системы въ прошломъ году—но это была послѣдняя попытка сразу покончить дѣло съ Шамилемъ, какъ съ главнымъ виновникомъ столь упорной борьбы.

(*) Приказъ по корпусу, отъ 8 мая, 1847 года, № 67.

(**) Наряды: подполк. Ховень—ор. св. Анны 2 ст., капит. Шатиловъ и шт.-капит. Врагель—ор. св. Анны 3 ст.

Въ этой военной операціи приняли участіе первый и третій баталіоны эриванцевъ: первый батал., маіора Вунша, поступилъ 24-го марта въ ряды самурскаго отряда, сосредоточеннаго на турчидагской позиціи для наступательныхъ дѣйствій къ аулу Гергибелю; третій баталіонъ, подѣ начальствомъ своего полковаго командира Бельгарда, выступилъ 4-го іюня на лезгинскую линію.

Второй-же баталіонъ въ то самое время, окончивъ чеченскій походъ, прибылъ въ Тифлисъ, подѣ командою капитана князя Тарханъ-Моуравова, который, сдавъ баталіонъ, получилъ командировку въ Петербургъ съ 80-ю кавалерами, выбранными отъ полка въ гвардію. Изъ одной 2-й карабинерной роты назначено 38 человекъ—такъ богата была рота капитана князя Тарханова заслуженными солдатами.

1-й баталіонъ, маіора Вунша, съ 2-мя орудіями и дивизиономъ драгунъ, открылъ 1-го іюля дѣйствія самурскаго отряда рекогносцировкой къ аулу Гергибелю,—но не встрѣтивъ непріятеля и получивъ извѣстіе, что подѣ Гергибелемъ уже стоитъ дагестанскій отрядъ подѣ личнымъ начальствомъ князя Воронцова—вернулся въ лагерь, вслѣдствіе чего, на другой-же день, самурскій отрядъ кн. Аргутинскаго выступилъ къ аулу Гергибелю,—во главѣ отряда слѣдовали эриванцы; подойдя къ аулу, Аргутинскій, по приказанію князя Воронцова, занялъ подѣ непріятельскими выстрѣлами изъ укрѣпленія сады и мостъ на р. Койсу, гдѣ и расположился лагеремъ.

Гергибель построенъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, на крутомъ утесѣ лѣваго берега рѣки Аймякинки, впадающей въ казыкумыхское Койсу, противъ устья аймякинскаго ущелья. Весь аулъ былъ окруженъ высокою и толстою стѣною съ башнями и бойницами; крыши нѣкоторыхъ башенъ, сакль и нарочно вырытыхъ ямъ были покрыты фашинникомъ и слегка землю, чтобы штурмующіе проваливались внутрь на кипжалы засѣвшихъ тамъ мюридовъ. Сверхъ того, сама мѣстность много увеличивала оборонительную силу аула: съ сѣверо-за-

падной стороны онъ вовсе недоступенъ, по причинѣ отвѣсныхъ скалъ, а съ прочихъ сторонъ укрѣпленныя строения возвышались амфитеатромъ къ центру аула, здѣсь-же онѣ были прочнѣе и составляли какъ-бы цитадель.

4-го іюня войска дагестанскаго отряда два раза бросались на штурмъ и два раза истощивъ всѣ усилія, принуждены были отступить, потерявъ на стѣнахъ 600 человекъ убитыми и ранеными. Самурскій отрядъ, гдѣ были и эриванцы, только демонстрировалъ въ этотъ день противъ полевыхъ войскъ Шамиля.

Неудавшіеся приступы и появленіе въ отрядѣ холеры, побудили князя Воронцова снять осаду Гергебиля. По общей диспозиціи войскамъ приказано отступить 8-го іюня утромъ. Горцы, зачуявъ отступление и рассчитывая на успѣхъ, съ свойственною имъ разсторопностію и быстротою въ этихъ случаяхъ, стали преслѣдовать. Эриванцы и баталіонъ мингрельцевъ, оставленные въ арріергардѣ, удерживали на своихъ плечахъ весь натискъ непріятеля. Въ этомъ случаѣ эриванцы и мингрельцы вынужденными нашлись дѣйствовать перекатнымъ отстрѣливаніемъ; въ то время, какъ эриванцы отстрѣливались, мингрельцы, отступивъ, избирали позицію и въ свою очередь давали возможность подъ ихъ прикрытіемъ отступать эриванцамъ.

Такимъ образомъ, благодаря перекатной системѣ, отступление на протяженіи 5 верстъ по чрезвычайно волнистой мѣстности совершенно съ незначительною потерею: у эриванцевъ раненъ маіоръ Вуншъ и 4 рядовыхъ(*). Съ тѣхъ поръ такое отступление названо перекатнымъ и вошло въ большое употребленіе между кавказскими войсками(**). Нужно сказать, что при этомъ арріергардномъ отступленіи маіоръ Вуншъ съ большимъ умениемъ пользовался мѣстностію для удержанія горцевъ, за что

(*) Приказъ по полку, отъ 8-го іюня, 1847 г.

(**) Тифл. арх. донесенія кн. Воронцова. См. дѣл. по ген. шт. 2 отд. за 1847 г.

князь Воронцовъ благодарилъ Вунша приказомъ по корпусу (*) и представилъ къ слѣдующему чину.

На Турчидагѣ отрядъ простоялъ до 25 іюня, гдѣ во время стоянки баталіонъ занимался фронтowymъ ученіемъ и 15-го іюля до того щегольски и твердо дѣлалъ боевыя построения въ присутствіи князя Воронцова, что маіоръ Вуншъ получилъ опять благодарность приказомъ по корпусу, а нижніе чины по чаркѣ водки (**).

Не смотря на появившюся тогда въ отрядѣ и въ Грузіи холеру, въ лагерѣ было весело — князь Воронцовъ умѣлъ воодушевить войска, такъ-что въ послѣднихъ числахъ іюля могъ двинуться къ сильно-укрѣпленному аулу Салты.

Іюля 26-го отрядъ занялъ позицію впереди аула Салты, расположеннаго въ южномъ Дагестанѣ на р. Кара-койсу. Какъ мѣстоположеніе, такъ и искусственная оборона Салты представляла не менѣе преграду для овладѣнія ауломъ — какъ и Гергибелъ; а потому князь Воронцовъ рѣшился правильной осадой взять Салты, ибо даже счастливый исходъ штурма могъ стоить огромныхъ потерь.

Съ 1-го по 6-е августа карабинеры вмѣстѣ съ прочими войсками ходили въ очередь на траншейныя работы и отбивали вылазки горцевъ. Но такъ какъ успешной осадѣ мѣшали войска Шамиля, стоявшія вѣдѣ аула подъ предводительствомъ Гаджи-Мурата, Кибята-Магомы и Даниель-бека, то князь Воронцовъ сначала рѣшился ихъ отбить отъ аула и тѣмъ лишить горскій гарнизонъ постоянныхъ ресурсовъ. Съ этою цѣлью главнокомандующій раздѣлил войска на двѣ части: одной колоннѣ, подъ командою своего начальника штаба ген. Коцебу, поручилъ охранять лагерь и траншеи; другой-же колоннѣ (***) князи Аргутинскаго, въ ночь съ 6 на 7-е августа приказалъ выступить противъ непріятельскаго войска

(*) Приказъ по корпусу, отъ 9-го іюня, 1847 г., № 2-й.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 15-го іюля, 1847 г., № 92-й.

(***) Колонна состояла изъ 6½ бат. пѣхоты, дивизиона драгунъ, 2 сот. казак., 900 милиціонер., 6 орудіи и ракетной команды.

Въ колонѣ кн. Аргутинскаго баталіонъ маіора Вунша и баталіонъ мингрельцевъ заняли центръ нашей боевой линіи и по общему наступленію бросились на непріятеля съ фронта, прикрытаго завалами. Эриванцы шли на завалы тѣми-же молодцами, какъ иѣкогда при штурмѣ Ганжи, подъ командою Котляревскаго и юнаго тогда поручика М. С. кн. Воронцова, который въ данномъ случаѣ руководилъ уже, какъ опытный полководецъ, цѣлыми отрядами. Мюриды, взятые въ плѣны, не смотря на выгоду своей позиціи, вскорѣ понялились назадъ. Затѣмъ они, будучи отрѣзаны нашею кавалеріею отъ главнаго пути отступленія, начали бросаться въ кручу. Эриванцы и мингрельцы поражали бѣгущихъ изъ ружей, кололи штыками и осыпали градомъ камней. На правомъ и лѣвомъ флангахъ наши войска имѣли такой-же успѣхъ—непріятель вездѣ былъ сбитъ съ командующихъ высотъ и сброшенъ въ ущелье. Вечеромъ преслѣдованіе было прекращено. На другой день карабинеры опять участвовали въ наступательныхъ дѣйствіяхъ въ авангардной колонѣ противъ бѣлокапскихъ набобовъ, еще державшихся на другой высотѣ. Авангардъ, поднявшійся ночью на крутую высоту, съ разсвѣтомъ сталъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, который до того былъ испуганъ внезапнымъ появленіемъ нашей пѣхоты, что безъ боя поспѣшилъ немедленно очистить завалы и разсѣялся по горамъ. Отбивъ отъ аула полевая войска горцевъ, князь Воронцовъ усилилъ трашнейныя и мишныя работы.

22-го числа скопище Шамиля опять пыталось занять густыя сады въ тылу нашихъ войскъ, причемъ мюриды почти въ теченіе всего дня, съ остервенѣніемъ бросались на цѣпь, выставленную отъ эриванцевъ. Цѣпь частымъ огнемъ долго удерживала порывы горцевъ, но, наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, бросилась въ штыки и заставила отойти докучливыхъ мюридовъ.

Послѣ этого неудачнаго покушенія пробраться въ аулъ, Шамиль раздѣлил свои войска на двѣ части, изъ коихъ

одна, подъ его личнымъ начальствомъ, демонстрировала и падала на наши табуны. . . Нельзя не упомянуть, что при одномъ изъ такихъ нападений, именно 4-го сентября, карабинеры первыми по тревогѣ бросились къ мѣсту нападенія подъ личною командою к. Аргутинскаго. Быстрота, съ какою эриванцы бѣжали, не переводя духа, за лошадыю к. Аргутинскаго, спасла нашъ табунъ и его прикрытіе. Другая-же часть горцевъ была послана Шамилемъ въ набѣгъ для развлеченія нашихъ силъ; но Воронцовъ, не обращая вниманія на маневры Шамиля, настойчиво осаждалъ Салты. Борьба шла всюду— на землѣ и подъ землею. Къ 8-му сентября минныя галереи, направленные двумя рукавами къ средней и главной башнямъ аула, были подведены подъ самыя стѣны и, по приказанію главнокомандующаго, въ 11 часовъ утра взорваны, образовавъ двѣ воронки. Послѣ взрыва, усиленной канонадою разрушены тѣ части укрѣпленія Салты, которыя предназначены были для заложения ложементовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, за часъ до разсвѣта, въ передовыхъ траншеяхъ были собраны 152 охотника, подъ командою поручика Эриванскаго полка Прокоповича. Батареи наши съ первыми проблесками утра открыли учащенный огонь и послѣ получасовой канонады смолкли; въ это время охотники, предводимые Прокоповичемъ, безъ шума и не мѣшкая, заняли южную стѣну и воронки. За охотниками взопли на стѣну четыре баталіона отъ полковъ Дагестанскаго и Самурскаго—непріятель осыпалъ штурмующія войска градомъ пуль и камней. Юный, но полный мужества и отваги, уже раненый поручикъ Прокоповичъ, пренебрегая явную опасность, горстью своихъ охотниковъ удерживалъ горцевъ и тѣмъ далъ возможность укрѣпить занятую стѣну. Здѣсь работали вплоть до ночи, и съ разсвѣтомъ другого дня въ образовавшихся отъ нашего взрыва воронкахъ поставили 5 орудій для разрушенія блокгаузовъ, заваловъ и укрѣпленныхъ сакель, составляющихъ вторую и третью линіи непріятельской обороны, расположенной весьма систематически и искусно.

Наши войска, ставъ одною ногою на стѣну укрѣпленнаго аула и завидѣвъ вблизи себя врага, готовы были каждую минуту броситься на штурмъ; но кн. Воронцовъ, не желая проливать напрасно кровь, удерживалъ благородные порывы вѣранныхъ ему войскъ и продолжалъ осаду хладнокровно, почти не обращая вниманія на показавшіяся опять многочисленныя партіи Шамиля на окрестныхъ высотахъ.

Для дальнѣйшаго занятія ложементовъ въ аулѣ, 14-го сентября были посланы 197 охотниковъ, въ томъ числѣ 47 эриванцевъ, которыми опять вызвался командовать поручикъ Прокоповичъ, не совсѣмъ еще излечившійся отъ раны. Лишь только охотники, а за ними 5-ть баталіоновъ пѣхоты, двинулись съ мѣста, какъ каждый шагъ впередъ пришлось имъ завоевывать цѣною крови. Изъ числа первыхъ смѣльчаковъ, взбираясь на стѣну и ободряя примѣромъ своимъ солдатъ, палъ убитымъ поручикъ Прокоповичъ. Эриванцы потеряли въ немъ хорошаго товарища и лучшаго офицера, а хотники, начавшіе въ данномъ случаѣ такъ прекрасно дѣло, лишившись его, стали колебаться, окруженные разсвирѣпѣвшими мюридами, тогда князь Аргутинскій, завидя опасность, угрожающую охотникамъ, съ полнымъ безстрашіемъ бросился самъ на ура. Его примѣру послѣдовали ближайшія войска. Однако, онъ, знаменитый въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ кавказа генералъ, былъ сильно раненъ двумя пулями: одною въ щеку, а другою въ шею. Въ это время остальные войска, назначенныя въ бой, устранились въ траншеяхъ, а 1-й баталіонъ эриванцевъ, маіора Вунша, занялъ одну изъ батарей, откуда 2-я рота эриванцевъ, капитана Андрѣева, смѣнила роту самурцевъ, изнемогающую отъ сильнаго непріятельскаго огня. Рота эта работала прикрытое сообщеніе, ведущее отъ башни къ саклямъ, только что нами занятымъ. Капитанъ Андрѣевъ, вступивъ въ линію огня, отрядилъ прапорщика Калиновскаго 1-го съ рабочими впередъ. Калиновскій, не смотря на близость непріятеля и гибельный огонь, окончательно устроилъ сообщеніе. Одно-

временно съ началомъ работъ карабинеры Калиновскаго открыли подвалъ подъ всѣмъ пространствомъ, занятымъ нашими войсками. Мюриды, находившіеся въ подвалѣ, обнаружили себя выстрѣлами изъ подъ земли. Лишь только убѣдились въ присутствіи горцевъ въ подземельѣ, какъ тотчасъ вызвали охотниковъ отъ эриванцевъ и саперъ для занятія выхода изъ подвала. Мюриды приготовились къ упорной защитѣ, но бросаемыя туда ручныя гранаты и ворвавшіеся во внутрь охотники, принудили 14 человекъ сдаться, а упорныхъ защитниковъ перекололи. Этимъ подвигомъ оканчивается участіе эриванцевъ въ салтинскомъ приступѣ (14-го сентября, 1847 г.), знаменитомъ по упорству боя въ исторіи Кавказа.

Штурмъ рѣшилъ судьбу аула. Горцы, доведенные до крайности нашими бомбами, минами, приступами и лишившись воды, которую по приказанію главнокомандующаго отвели и испортили, рѣшились на отчаянное предпріятіе—пробиться сквозь русскіе штыки. Въ 9 часовъ вечера замѣчено необыкновенное движеніе въ аулѣ. Черезъ четверть-же часа въ ближайшихъ къ аулу садахъ появились съ разныхъ сторонъ значительныя толпы—Омаръ-муллы и Хаджи-Мурата. Затѣмъ, выхвативъ шапки на-голо, они ударили на-проломъ. Наши войска, ободренныя счастливымъ результатомъ осады, бросились отовсюду для истребленія бѣгущихъ. Переходъ салтинскаго гарнизона черезъ рѣку и дальнѣйшее его бѣгство сдѣлалось совершеннымъ побѣйшемъ: груды тѣлъ покрыли дорогу отступленія.

Такъ пала одна изъ твердынь Шамилы, но пала послѣ упорнѣйшихъ штурмовъ и неслыханной въ горахъ полуторамѣсячной бомбардировки изъ двухъ пудовыхъ мортиръ. Гарнизонъ истинно геройски защищалъ аулъ и покинулъ его не ранѣе, какъ покрывъ кровью стѣны и обезсиливъ отъ голода, жажды и упорной обороны (*). Естественно, покореніе Салтовъ

(*) Потери горцевъ простирались свыше 3000 чел. и одно орудіе. Наша потеря вся 304 чел., въ томъ числѣ эриванцевъ, во время осады и штурма, убито 8 и ранено 22 чел. Генералъ кн. Аргутинскаго, отъ 18 сентября, 1847 года, № 307. Тифли. арх., секретное дѣло, по описи № 9.

составляет блестящій эпизодъ въ шестидесяти-лѣтней кавказской войнѣ. Эриванцы, какъ участники въ этомъ замѣчательномъ подвигѣ, могутъ съ удовольствіемъ раздѣлять славу салтинскихъ героевъ. Занятіемъ Салтовъ нанесенъ сильный ударъ владычеству Шамиля и подорвана въ него вѣра между горскими народами. Шамиль, понимая важность паденія Салтовъ, въ порывѣ гнѣва хотѣлъ, какъ говорили горцы, повѣсить Хаджи-Мурата, но снисходя только къ его заслугамъ, пощадилъ жизнь. Между тѣмъ, князь Воронцовъ, благодаря своихъ сподвижниковъ, не зналъ кого признать болѣе отличившимся: «Это дѣло не легкое, ибо всѣ отличились—каждый изъ васъ показывалъ безпрестанно примѣры неустрашимости и усердія».

Приказъ его оканчивается словами, преисполненными отеческой любви: «Дай Богъ вамъ, храбрые войны, здоровья и во всемъ удовольствія, а на военномъ поприщѣ—всегда постоянные успѣхи» (*).

Такая простая рѣчь, нѣтъ сомнѣнія, пришла къ нашему солдату по сердцу—онъ ее повялъ. . .

Окончивъ описаніе взятія Салтовъ, перехожу къ дѣйствіямъ генер. Шварца. 3-й баталіонъ, какъ мы упомянули выше, поступилъ въ составъ лезгинскаго отряда и къ 24-му іюня сосредоточился близъ укрѣпленія Картубани, откуда двинулся въ горы по картубапскому ущелью, къ уроч. Химрикъ. Открытое неповиновеніе главнаго авцроскаго аула Кутлабъ заставило Шварца усмирить его вооруженною силою; съ этою цѣлью генер. Шварцъ поручилъ полковнику Бельгарду съ авангардомъ, состоящимъ изъ 3-го баталіона эриванцевъ (маіора Фелькнера¹), и всей милиціи, быстро наступать къ аулу. Эриванцы, предводимые своимъ любимымъ полковымъ командиромъ, съ такою поснѣшностію приблизились къ аулу Кутлабъ, что горцы, застигнутые въ расплохъ и испуганные нашимъ движеніемъ, не осмѣлились даже защищать аулъ, расположенный надъ обры-

(*) Приказъ по корпусу, отъ 13-го сентября, 1847 г., № 124.

вомъ, на весьма крѣпкой мѣстности. Они сдались безусловно. Бельгардъ провелъ баталіонъ церемоніальнымъ маршемъ чрезъ Кутлабъ и взявъ въ залогъ аманатовъ, вернулся на позицію Мааль-росъ. Между тѣмъ скопище, собиравшеся въ Джурмутъ, усилилось въ половинѣ іюля до пяти тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ муллы Шабана, и начало высылать партіи въ уроч. Тамалду, въ виду нашего отряда. 19-го іюля Шварцъ двинулся на это урочище для разсѣянія непріятеля. Авангардъ, опять подъ начальствомъ Бельгарда, опрокидывая передовыя партіи горцевъ, занялъ укрѣпленную завалами позицію на Тамалдѣ и донесъ ген. Шварцу, что главныя силы горцевъ сосредоточились въ аулахъ Бехельды и Камелюхъ; вслѣдствіе этого извѣстія, на полковника Бельгарда возложено новое порученіе: очистить аулъ Бехельды. Вотъ какъ объ этомъ дѣлѣ доноситъ Шварцъ князю Воронцову (*): «Полковнику Бельгарду съ 3-мъ баталіономъ эриванцевъ, одною сотней казаковъ, съ двумя сотнями милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ и со взводомъ крѣпостныхъ ружей Эриванскаго полка (подпоручика Татьяна), привазалъ идти по высотамъ, прямо по дорогѣ на аулъ, занявъ прежде непріятельскіе завалы.

«Командиръ Эриванскаго полка Бельгардъ исполнилъ порученіе какъ нельзя лучше; построивъ отрядъ, онъ тотчасъ-же открылъ сильный огонь изъ орудій, крѣпостныхъ ружей и боевыми ракетами, удачное дѣйствіе которыхъ наносило сильнѣйшій вредъ; между тѣмъ цѣль карабинерныхъ стрѣлковъ начала перестрѣлку съ разсыпавшимся горцами по кустамъ. Непріятель, упорно державшійся въ завалахъ болѣе 1½ часа, началъ колебаться—видно было, какъ горцы выносили многихъ раненыхъ. Полковн. Бельгардъ, замѣтивъ это, пошелъ съ своими карабинерами на завалы, и послѣ упорнаго боя вытѣснилъ непріятеля изъ заваловъ, устроенныхъ впереди деревни, и заставилъ его отступить за рѣчку, на противоположную высоту. Время склонялось къ вечеру, и отрядъ вернулся на позицію».

(*) Рапортъ Шварца кн. Воронцову, отъ 20-го іюня, 1847 г., № 614.

Современникъ Бельгарда, нынѣ подполковникъ Татьянинъ, рассказываетъ, что въ этомъ дѣлѣ 3-й баталіонъ дрался съ примѣрною отвагою и вполне заслужилъ выраженную ему благодарность въ приказѣ по корпусу (*). Уронъ эриванцевъ состоялъ только изъ 10-ти человѣкъ выбывшими изъ фронта. Незначительную потерю нашу генераль Шварцъ приписываетъ особенному умѣнью пользоваться мѣстностію, хладнокровію, распорядительности и твердости полковника Бельгарда.

За взятіе аула Бехельды семь офицеровъ повышены въ чинахъ.

Нужно замѣтить, что ген. Шварцъ, наводившій леденѣющій страхъ на горцевъ, въ своихъ донесеніяхъ о дѣйствіяхъ Бельгарда и объ эриванцахъ всегда отзывался весьма лестно, какъ о главныхъ исполнителяхъ его предпріятій (**).

Послѣ описанной битвы горцы оставили ночью аулы Кемелюхъ и Гониолодъ, которые на другой день сожжены и разрушены до основанія. Въ этихъ аулахъ, въ числѣ добычи, взято много стѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ нуждался отрядъ, а въ особенности эриванцы, бѣгавшіе на-легкахъ. Затѣмъ 21-го іюля отрядъ возвратился на Мааль-росъ, отсюда 3-й баталіонъ былъ отпущенъ, по случаю большого холода въ горахъ, въ урочище Авишаль—мѣсто, окруженное живописною природою, а также изобильнымъ чинаревымъ лѣсомъ и пастбищными мѣстами. Въ такомъ привольномъ урочище эриванцы простояли болѣе 3-хъ недѣль; но и здѣсь нужно было держать ухо чутко—не раздѣваясь ложиться спать, выставлять пикеты и даже класть ночью секреты. Благодаря такой бдительности, 10-го августа, во второмъ часу ночи, была открыта и прогнана партія горцевъ, пытавшаяся напасть на 3-й баталіонъ. 13-го августа Бельгардъ съ баталіономъ выступилъ въ аулу Киялло, 16-го прибылъ въ аулу Мухаху, 17-го расположился у аула Катехи, откуда только 19-го сентября присоединился

(*) Приказъ по корпусу, 20-го іюля, 1847 г., № 95

(**) Приказъ по корпусу, отъ 2-го августа, 1847 г., № 104.

къ отряду Шварца на позиціи Месельдегеръ. Отсюда въ ночь, на 20-е число, эриванцы, въ составѣ авангарда Бельгарда, опять двинулись на Маалъ-росъ, гдѣ собравныя партіи горцевъ успѣли разсѣяться; 22-го сентября Бельгардъ съ эриванцами, направленный къ аулу Каписдара, сжегъ и разрушилъ оный до тла. Изъ этого краткаго перечня военныхъ дѣйствій можно усмотрѣть, какая сильная энергія требовалась отъ кавказскихъ войскъ—надо было слѣдить за враждебными дѣйствіями горцевъ, предугадывать и предупреждать ихъ набѣги на подвластныя намъ мирныя провинціи,—форсировать по кручамъ, иногда едва доступнымъ, и разгонять скопища, занявшія самые удобные возвышенныя пункты.

Вотъ въ-этихъ то дѣйствіяхъ и выработывались: смѣтливость и то молодечество, которымъ отличался кавказскій солдатъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда 1-й баталіонъ возвращался изъ подъ Салтовъ и проходилъ чрезъ Тифлисъ, то горожане его на александровской площади встрѣтили эриванцевъ обѣдомъ. Журна, русская пѣсня, музыка и задравныя тосты долго за полночь оглашали городъ и выражали торжество побѣдителей (*).

Слѣдующій затѣмъ 1848 годъ точно также начался для полка, какъ и прошлый, походомъ. Раннею весною баталіоны получили разныя назначенія: 1-й занялъ въ Тифлисѣ карауль, а 2-й батал. и команда съ крѣпостными ружьями поступили въ составъ войскъ, собранныхъ для охраненія лезгинской линіи, гдѣ почти цѣлое лѣто занимались постройкою укрѣпленія Лагодехи; но и здѣсь карабинеры сумѣли отличить себя. Генераль Шварцъ, осматривая работы, остался доволенъ 2-мъ баталіономъ—въ особенности 2-ю карабинерною ротю.

Въ этомъ году со стороны лезгинской линіи военныхъ дѣйствій замѣчательныхъ не-было, кромѣ быстрого движенія отряда Бельгарда за рѣку Самуръ, къ ауламъ Дженику и

(*) Награды за взятіа Салты: штабъ-капит. Бучкиевъ—орденъ св. Владиміра; капитаны: Шатилевъ, Урвановъ, подпор. Соколовскій, прапорщ. Соколовскій и Паскевичъ—чины; нижнимъ чинамъ 25 георгіевскихъ крестовъ, а 19 чел. получили по 2 руб. серебромъ.

Коршъ, и перестрѣлки при занятіи этихъ ауловъ. На штурмѣ послѣдняго аула ранено 12 карабинеръ, въ томъ числѣ молодой юнкеръ Мендѣлеевъ, который, получа рану, оставался въ строю. (Онъ въ послѣднюю турецкую войну, будучи адъютантомъ, прежде баталіоннымъ, а потомъ полковымъ, въ чинѣ штабсъ-капитана прославился многими подвигами, о которыхъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ).

Глубокой осенью эриванцы возвращались на зиму въ свою штабъ-квартиру, представлялись въ Тифлисѣ на смотръ князю Воронцову, который остался чрезвычайно доволенъ карабинерами. Полковникъ Бельгардъ, всегда готовый заявить спасибо своимъ эриванцамъ, за добрую ихъ службу и на этотъ разъ благодарность главнокомандующаго выразилъ слѣдующими словами въ приказѣ по полку: «Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (при проходѣ чрезъ Тифлисъ) нашелъ батал. въ отличнѣйшемъ видѣ, причемъ въ особенности былъ доволенъ веселымъ, добрымъ, усерднымъ видомъ, и зная всегда ревностную и доблестную службу полка, изволилъ отечески благодарить храбрыхъ—истинно молодцовъ карабинеръ» (*).

Въ декабрѣ 1848 года полковникъ Бельгардъ за военныя дѣйствія и за исправное состояніе полка произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ командиромъ полка. Награда эта была отпразднована въ полку цѣлымъ рядомъ официальныхъ обѣдовъ, баломъ съ блистательнымъ фейерверкомъ и кавказскими пирушками. Полковая музыка, и въ особенности ротные пѣсенники, съ утра до поздней ночи, не умолкая, раздавались по штабъ-квартирѣ, воспѣвая подвиги своихъ начальниковъ. Весело провели эриванцы зиму. Съ первымъ-же появленіемъ весны, снова, какъ перелетныя птицы, оставивъ свою штабъ-квартиру, устремились къ снѣжнымъ вершинамъ Кавказа, за которыми укрывались горцы: тамъ ждала карабинеръ, та обаятельная прелесть горской войны, о которой и по настоящее время вспоминаютъ старые эриванцы.

(*) Приказъ по корпусу, отъ 19-го ноября, 1848 г., № 138, а приказъ по полку отъ 25-го ноября.

Въ 1849 году выступилъ въ походъ на лезгинскую линію очередной 1-й батал. и поступилъ въ отрядъ ген. Чилева; одновременно съ этимъ 3 батал., въ видѣ резерва, выдвинуть въ отрядъ полковника Верекина, въ Царскіе-колодцы,—2-й-же баталіонъ занялъ въ Тифлисѣ карауль.

Къ 6 іюня 1-й батал. эриванцевъ, съ командою крѣпостныхъ ружей, перешелъ изъ Лагодехъ къ сборному пункту, къ аулу Кюлюло, откуда 23-го іюня Чилевъ, навьючивъ обозъ провіантомъ и артиллерійскимъ необходимымъ паркомъ, сталъ подниматься въ горы. Три дня отрядъ слѣдовалъ, вытягиваясь въ нитку по чрезвычайно узкимъ, мѣстами трудно проходимымъ тропинкамъ, вьющимся по андаразанскому горному отрогу (*). Наконецъ, 25-го іюня отрядъ стянулся на позицію Андаразанъ; отсюда солдаты разработывали крутой спускъ по хупринскому хребту, къ аулу Хупро. На другой день аулъ этотъ взятъ и вторично разрушенъ, причемъ участвовалъ отъ Эриванскаго полка только взводъ съ крѣпостными ружьями. Эти громадныя ружья хотя обременяли своею тяжестью солдатъ, но приносили въ горной войнѣ ту пользу, что громкими выстрѣлами производили моральное дѣйствіе на горцевъ—наводили на нихъ страхъ.

Послѣ взятія Хупро, войска, поднявшись на позицію, продолжали разработывать дорогу.

Наканунѣ 27-го іюня дали знать, что непріятель, минуя отрядъ, намѣревается спуститься на плоскость. На этомъ основаніи, ночью, съ 26 на 27 іюня, двѣ роты эриванцевъ были положены въ засаду. Дѣйствительно, около полночи горцы, съ величайшею осторожностію, храня глубокое молчаніе, стали пробираться въ мракѣ ночи, и вдругъ, какъ тѣни, выросли передъ глазами тихо лежащихъ карабинеръ. И лошадь, и человекъ, какъ-бы предчувствуя опасность, остановились, притаивъ дыханіе. Среди этой таинственной тишины раздался залпъ, а

(*) Составъ отряда: 4 бат. пѣхоты, 6 гор. орудій, 2 взвода ракетъ, 2½ взвода крѣпостн. ружей, 2 сотни казаковъ и 1190 милиціонеровъ.

за нимъ грянуло ура, разнесшееся роковымъ эхомъ по ущельямъ, извѣщая семейства горцевъ, что замыселъ ихъ мужей и братьевъ открытъ. Лезгины, какъ испуганное стадо, бросились съ крутизны, преслѣдуемые выстрѣлами и страхомъ (*).

Этой кровавой сценой, очень обыкновенной въ жизни обоихъ противниковъ, завершилась горная экспедиція.

Эриванцы спустились въ Кахетію, но и здѣсь войска не были въ безопасности; 25-го іюня значительная партія качаговъ подкралась лѣсомъ къ нашимъ фуражирамъ на р. Джаръчай, не-далеко отъ Бѣлоканъ, и захватила 5-ть человекъ козцевъ. Взводъ карабинеръ отъ 1-й егерской роты, составляя единственное прикрытіе, бросился на хищниковъ въ штыки. Послѣ непродолжительной рукопашной схватки, горцы съ потерю пяти человекъ были отброшены къ опушкѣ густого лѣса. Завязалась сильная перестрѣлка. Начальникъ прикрытія, видя невозможность одновременно храня табунъ и вести перестрѣлку, приказалъ косямъ, сѣвши на лошадей, ѣхать въ лагерь, — но лишь только фуражиры тронулись, то горцы, какъ-бы боясь упустить нашихъ лошадей, столь важную добычу, стали забѣгать въ тылъ фуражирамъ, чтобъ пресѣчь отступленіе. Лохматые ихъ папахи замелькали между кустарникомъ и уже приближались къ лошадямъ; фуражиры, готовясь защищаться косами, остановились — кони наострили уши. Вдругъ раздался гикъ, но его въ этотъ моментъ заглушило ура, вылетѣвшее отъ прибѣжавшаго на помощь изъ лагеря другаго взвода карабинеръ подъ начальствомъ батал. команд. Фрейтага. Горцы снова отскочили къ опушкѣ. Фрейтагъ, не видя пользы гоняться по чапцѣ лѣса за хищниками, счелъ за лучшее отойти къ лагерю; сообразно этой цѣли, онъ предварительно скрылъ въ засадѣ на дорогѣ взводъ и одно орудіе, рассчитывая не безъ основанія, что хищники не захотятъ такъ легко разстаться съ нашими лошадьми, бывшими у нихъ почти въ рукахъ.

(*) Убитъ 1 карабинеръ и раненъ 1. Рапор. под. Фрейтага, отъ 3 іюля, № 880.

Дѣйствительно, какъ только тронулся арріергардъ, хищники съ тою-же западчивостію стали налегать на хвостъ отступленія. Когда арріергардъ приблизился къ засадѣ, то Фрейтагъ приказалъ усилить шагъ -- такая поспѣшность заставила и горцевъ усилить преслѣдованіе; такимъ образомъ, они почти въ упоръ подошли къ нашей засадѣ: солдаты раздались, и орудіе осыпало хищниковъ неожиданною картечью, а взводъ встрѣтилъ залпомъ. По выраженію очевидцевъ. «Сюрпризъ былъ славны й. Они безъ оглядки винулись въ лѣсъ и уже болѣе преслѣдованія не возобновляли. Однако, эта фуражировка и намъ стоитъ 25 чел. выбывшими изъ строя (*).

Вслѣдъ затѣмъ 1-й бат. прикрывалъ мухахское ущелье, какъ доступную стезю съ горъ въ подвластныя намъ провинціи. Вскорѣ снѣгъ засыпалъ проходы и тѣмъ защитилъ Кахетію отъ вторженія горцевъ. 20-го сентября баталіоны двинулись въ Манглись.



(*) Убито 10, ранено 6, контужено 5 и взято въ плѣнъ 4. Пр. по пол., отъ 19-го августа, № 230-й.

ГЛАВА XVII.

Движеніе частей полка въ Осетию и на лезгинскую линію. Благодарность 3-му баталіону за переходъ въ самурское ущелье. Послѣднія дѣйствія зривацевъ подъ начальствомъ Вельгарда. Шаликовъ разбиваетъ партію Мелькума. первый баталіонъ представляется въ Тифлисѣ на смотръ наследнику престола, АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. Полкъ названъ именемъ цесаревича. Военныя дѣйствія полка съ 1851 года до начала турецкой войны.

Съ наступленіемъ весны 1850 года части полка разошлись изъ Манглиса: 1-я карабинерная рота, въ числѣ 150 чел., штабсъ-капит. Долгово-Сабурова, выдвинута была на военно-грузинскую дорогу для усмиренія взволновавшихся осетинъ. Рота, послѣ незначительной перестрѣлки 3-го іюня и усмиренія осетинъ, возвращена въ Манглисѣ.

Въ это-же самое время второй и третій баталіоны и команда съ крѣпостными ружьями вошли въ составъ войскъ, предназначенныхъ защищать Кахетію отъ вторженій въ нее горцевъ и для дѣйствій со стороны Лезгистана. Сначала второй баталіонъ наблюдалъ за элисуйскимъ ущельемъ, а третій, маіора Фелькнера, находился на уроч. Ахташъ-тахта, откуда былъ немедленно направленъ въ самурское ущелье, къ аулу Цудахоръ, для прикрытія проѣзда князя Воронцова, обозрѣвавшего это ущелье. Третій баталіонъ, маіора Фелькнера, съ немовѣрнымъ усиліемъ карабкался со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками, ранѣ назначеннаго срока дошелъ къ Цудахору, и тамъ привѣтствовалъ кн. Воронцова. За усердіе и бодрый видъ людей главнокомандующій благодарилъ маіора Фелькнера приказомъ по корпусу, выставляя его въ примѣръ прочимъ (*). Затѣмъ баталіонъ, возвратившись обратно на лезгинскую линію, вмѣстѣ со вто-

(*) Приказъ по корпусу, № 113, іюня 14, 1850 года.

рымъ, подъ начальствомъ генерала Бельгарда (*), временно командовавшаго лезгинскою линіею, выступилъ въ урочище Тамалду, на сборный пунктъ отряда. Отсюда 6-го іюня всѣ войска спустились двумя колонами къ лезгинскимъ деревнямъ. Бельгардъ пишетъ (**): «Непріятель въ каждомъ селеніи, почти въ каждомъ хуторѣ, пытался упорно сопротивляться, но отличнымъ мужествомъ и стойкію второго и третьяго баталіоновъ эриванцевъ, подъ командою подполковника Фрейтага и маіора Фелькнера, вездѣ былъ сбитъ и обращенъ въ бѣгство».

Въ особенности горцы выказали упорное сопротивленіе въ аулѣ Цимга. Ауль этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ каменныхъ сакель съ башнею и расположенъ былъ на выступѣ крутой, почти отвѣсной горы, обнесенной у самой подошвы каменною стѣною. Однако-же, ни сильная мѣстность аула, ни отчаянная защита горцевъ не остановили смѣлаго натиска 5-й роты капитана Врангеля и охотниковъ: не болѣе какъ въ четверть часа, горцы были выбиты изъ крѣпкаго аула и преслѣдуемы по такимъ дикимъ и неприступнымъ мѣстамъ, гдѣ русскихъ вооруженная рука еще не разу не была; слѣды поспѣшно бѣгущаго непріятеля обозначались по ущелью разными растерянными вещами. Вскорѣ 5-я рота, по общему сигналу, была отозвана—началось отступленіе; горцы пытались напасть на арріергардъ, но третій баталіонъ Фелькнера, бдительнo слѣдившій за дѣйствіемъ непріятеля, предупреждалъ его замыслы. Между тѣмъ, Бельгардъ, вызвавъ отступленіемъ своимъ горцевъ изъ сосѣднихъ ауловъ, быстро повернулъ къ сильному аулу Колобу и прямо самъ повелъ эриванцевъ на приступъ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ атакъ, лезгины были выбиты изъ аула и загнаны на самый хребетъ Хунахъ-рохъ. Съ вершины Хунахъ-роха горцы, полные мести, съ болью въ

(*) Отъ Бельгарда полкъ принялъ полковникъ кн. Мухранскій.

(**) Рап. Бельгарда кн. Воронцову. Тиф. арх., дѣло по описи ген. ш. 2-го отд. за 1850 годъ.

сердцѣ, смотрѣли на свои жилища, объятые огнемъ. Пламень шировою рѣкою разлился по ущелью, извиваясь и ворочаясь, какъ чудовищная огненная змѣя.

Бельгардъ, уничтоживъ общество Канаду, сталъ подыматься 8-го іюля на уроч. Тамалду. Раздраженный непріятель, замѣтя при этомъ случаѣ путь нашего отступленія, сталъ спускаться сверху камни и неистово бросаться на авангардъ. Запальчивостію горцевъ, какъ нельзя лучше, воспользовался шт.-капит. князь Шаликовъ. Онъ со второю карабинерною ротою, искусно лавируя по горѣ, привлекъ на себя вниманіе горцевъ и далъ этимъ возможность 4-й и 5 ротамъ подняться безпрепятственно на высоту въ тылъ непріятелю (*). Когда наши солдаты появились на плато горы, въ тылу горцевъ, то навели на нихъ таковой страхъ, что они безоглядки бросились бѣжать въ рассыпную. Затѣмъ испуганный непріятель не возобновлялъ больше боя, а только наблюдалъ за движеніемъ отряда. За столь смѣлую экспедицію въ Канаду десять офицеровъ повышены въ чинахъ, а четыре получили ордена (**).

Дѣйствіями въ Канаду эриванцы завершили свои подвиги, подъ командою Бельгарда, также счастливо, какъ и начали.

Бельгардъ 22-го октября, 1850 года, назначенъ командиромъ 1-й бригады въ 10 дивизіи, а кавказскую-же гренадерскую бригаду принялъ свиты Его Величества генераль-маіоръ князь Барятинскій.

Въ то время какъ наши войска уничтожали Канаду, Даніель-бекъ потребовалъ отъ жителей горныхъ магаловъ повиновенія и пустилъ партію на плоскость съ намѣреніемъ грабить ингелойцевъ. Такое дѣйствіе непріятели вызвало слѣдующее распоряженіе: обоимъ баталіонамъ эриванцевъ предписано съ Тамалды спѣшить форсированнымъ маршемъ къ Закаталамъ. Лишь только прибыла въ Закаталы авангардная 8-я рота, шт.-кап.

(*) Причемъ ранено камнями 4 челов.

(**) Приказъ по полку, № 257, 1851 г.

Марьевича, то сейчас-же, не смотря на изнуреніе, подъ командою своего новаго полкового командира князя Мухранскаго, вмѣстѣ съ ротою тифлисецъ, стала наступать въ горные магалы. Горцы, сбитые Мухранскимъ съ позиціи Саватль, сильно заняли гору Денди-дагъ. Но въ это время 2-й баталіонъ съ двумя горными орудіями, имѣя роту Шаликова во главѣ, поднялся чрезъ гору Сапанъ-дагъ и зашелъ въ обходъ непріятелю. Быстрыя движенія и рѣшительный натискъ карабинеръ увѣнчался и на этомъ пунктѣ желаннымъ результатомъ: горные магалы были заняты почти безъ всякой потери съ нашей стороны; только пять солдатъ Шаликовой роты контужено при подъемѣ на Сапанъ-дагъ (*).

Однако-жъ, операціями въ горные магалы еще неокончились боевыя дѣйствія эриванцевъ въ этомъ году. Одна изъ горскихъ партій, Мелькумъ-Раджаба, спустившись съ Тлесеруха, собралась въ талачинскихъ лѣсахъ—съ цѣлью прорваться въ Кахетію.

Начальникъ линіи, генераль Чилевъ, узнавъ о сборищѣ Мелькума, направилъ туда вторую роту эриванцевъ, 10 казакъ и 115 милиціонеровъ, ввѣривъ эти части войскъ шт.-кап. Шаликову, командиру 2-й роты.

Въ ночь съ 25 на 26 сентября Шаликовъ открылъ присутствіе около 200 горцевъ упомянутаго Мелькума между чардахлинскими и вусарскими хуторами и двинулся туда. Его маленькій отрядъ шелъ, сохраняя глубочайшую тишину и осторожность. Людямъ строго запрещалось курить, разговаривать, даже кашлять. Хворость, встрѣчавшійся по дорогѣ, отбрасывали въ сторону, чтобы не хрустѣлъ подъ ногами. Такимъ образомъ, притаивъ дыханіе, прошли густой высокой лѣсъ и выдвинулись на поляну, покрытую рослымъ папоротникомъ и травою, между которой, пригнувъ головы и спустивъ штыки, пробирались далѣе. Наконецъ, шедшіе впереди проводники остановились и

(*) За дѣйствія въ горныхъ магалахъ получены награды: полк. кн. Мухранскій—ор. св. Владиміра 4 ст., майоры: Фелькнеръ—ор. св. Анны 2 ст., Фрейтагъ—члвкъ.

указали на близкое мѣсто, гдѣ, по ихъ предположенію, должна была находиться партія Мелькума. У всѣхъ пробѣжало по нервамъ и радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное чувство, но военнымъ людямъ нѣкогда анализировать свое душевное состояніе и задумываться. Раздалась звонкая команда Шаликова: «Впередъ, на ура!» Бурно и бойко цѣпляясь за траву, бѣжала рота по слѣдамъ своего отчаяннаго командира. Горцы, непредвидя близкой опасности, творили утренній намазъ; лошади-же ихъ, всегда осѣдланныя, паслись возлѣ бивуака, разбросаннаго по окраинѣ ручья. Солнце освѣщало привольный станъ Мелькума. Но лишь только раздались выстрѣлы и ура, какъ горцы въ одинъ мигъ были на лошадяхъ, а пѣшіе сначала бросились къ опушкѣ лѣса. Вполнѣ преданный Шамилю и испытанный въ бояхъ противъ русскихъ—наибъ Мелькумъ примѣрнымъ мужествомъ, а большею частію убѣжденіемъ, подбѣгивалъ на буйную толпу, такъ что вскорѣ собралъ ее возлѣ себя, и впереди другихъ, съ обнаженною шашкою, устремился съ гикомъ на карабинеръ. Однако, противникъ его кн. Шаликовъ, не менѣе отважный, презирая удалъ качаговъ, съ истинной стойкостію и съ тѣмъ-же мужествомъ, встрѣтилъ горцевъ наступленіемъ въ штыки. Мелькумъ съ сыновьями и братьями, заклятыми врагами гауровъ, бросился съ полнымъ фанатизмомъ на фронтъ штыковъ. Мелькумъ нанесъ рану шашкою унтеръ-офицеру Яковлеву, но бравый этотъ унт.-офиц., воткнулъ штыкъ въ Мелькума, а Шаликовъ окончателно его дорубилъ; подпоручики: князь Половандовъ изрубилъ брата Мелькума, а Вульффертъ убилъ его сына. Съ паденіемъ Мелькума и храбрѣйшихъ изъ его сподвижниковъ, остальные разбѣжались по лѣсу, объятые страхомъ, который, послѣ мимолетной храбрости, всегда безпредѣльно охватываетъ мусульманъ при неудачѣ. Рѣдкій примѣръ, чтобы они, вслѣдъ за отбитой атакой, повторили сейчасъ-же другую—если и были случаи, то-все-таки ихъ предварительно воодушевляли къ этому наибы. Разъ по-весе поражение, они большею частію укрывались въ лѣса, на

вершины и оттуда, вмѣстѣ съ бранью и проклятіями, посылали пули. Но въ этотъ день, оставивъ на мѣстѣ 5 тѣло, въ томъ числѣ и тѣло знаменитаго Мелькума, они не пытались даже вести перестрѣлки изъ закустовъ. Наша потеря 8 человекъ. Трофей этой битвы заключался изъ пяти-сотеннаго серебрянаго знака Мелькума, пожалованнаго ему отъ Шамиля за храбрость,—богатаго оружія и 20 лошадей (*). Рота награждена пятью георгіевскими крестами, а шт.-капит Шаликовъ получилъ чинъ—сверхъ того, ему прощенъ штрафъ за дуэль.

Замѣтимъ, что партія Мелькума имѣла связь съ скопичами Муллы-шабана, Бакраза и Омара, имѣвшихъ цѣлью прорваться въ Кахетію; но поражение Мелькума послужило поводомъ къ удаленію и остальныхъ скопичъ.

Окончивъ счастливо свои боевыя дѣйствія, баталіонъ съ побѣдными пѣснями направился въ свою штабъ-квартиру полка.

Между тѣмъ, какъ упомянутый баталіонъ дѣлалъ форсированные переходы, разбивалъ буйныя партіи лезгинъ, 4-я карабинерн. рота, штабсъ-капит. Данибека, выдвинутая въ г. Гори, первая встрѣтила тамъ, нынѣ благополучно царствующаго Монарха, тогда еще наследника. Весь-же 1-й баталіонъ представлялся въ г. Тифлисѣ Государю наследнику и онъ, найдя эриванцевъ въ хорошемъ состояніи, изъявилъ свою благодарность всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, въ строю бывшимъ, а нижимъ чинамъ пожаловалъ по 25 коп. сер. (**) на каждого.

Полковой командиръ, кн. Мухранскій, извѣщая полкъ, о столь радостномъ событіи, благодаритъ въ приказѣ: батал. командира—маіора Шатилова, младшаго штабъ-офицера—маіора кн. Тарханова и ротныхъ командировъ: кап. Турчановскаго, штабсъ-капитановъ: Долгово-Сабурова, Соколовскаго и поручика Татьянина (***)).

(*) Приказъ по корпусу, отъ 3 октября, 1850 г., № 161.

(**) Тамъ-же.

(***) Приказъ по полку, отъ 29-го сентября, 1850 г., № 271.

Въ то самое время разнесся въ горахъ слухъ, что русскій Государь наследникъ на обратномъ пути проѣдтъ черезъ Нуху. Хаджи-Муратъ, собравъ конную партію и спустившись съ горъ, желалъ перерѣзать путь августѣйшаго путешественника. О коварныхъ замыслахъ Хаджи Мурата донесли начальнику лезгинской линіи. По первому извѣстію кн. Мухранскій съ 3 батал. эриванцевъ былъ направленъ противъ отчаяннаго Хаджи-Мурата. Лазутчики-лезгины и жители плоскости татары разнo показывали о движеніи партіи, но, наконецъ, Мухранскій угрозою повѣсить старшинъ открылъ слѣды Хаджи-Мурата и чуть было не отрѣзалъ ему путь отступленія, но быстрота горскихъ лошадей дала возможность Хаджи-Мурату безнаказанно, разграбивъ станцію Баборателу, уйти въ горы. Маршрутъ Государя наследника ранѣе того былъ измѣненъ (*).

Громкая слава эриванцевъ, носившаяся по Кавказу, и подвиги, только-что совершенные ротою Шаликова вблизи наследника престола, обратили его благосклонное вниманіе на полкъ. Черезъ два мѣсяца эриванцы прочли въ приказѣ кн. Воронцова слѣдующія слова: «Радостно для насъ было узнать, что Государь наследникъ назначенъ шефомъ одного изъ отличнѣйшихъ полковъ здѣшняго края—Эриванскаго карабинернаго, и будетъ носить мундиръ кавказскій» (**).

Эта особая царская милость, излившаяся такъ щедро на эриванцевъ, не могла лучше украсить имя полка, существующаго съ честью въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Полкъ съ гордостью надѣлъ мундиръ, украшенный вензелями своего шефа.

До этой радостной минуты дожилъ и изувѣченный Котляревскій, когда-то своими замѣчательными подвигами такъ много содѣйствовавшій славѣ полка и до послѣднихъ дней горячо любившій полкъ, называемый въ его время 17 егерскимъ. Петръ Степановичъ Котляревскій скончался въ слѣдующемъ 1851 году. За упокой его души въ Манглисѣ была отслу-

(*) Изъ разсказа кн. Мухранскаго.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 7-го декабря, 1850 г., № 201.

жена панихида 21-го декабря; въ парадѣ находились 3-й и 4-й батал., бывшіе на лицо въ штабъ-квартирѣ.

Въ настоящее время извѣстный живописецъ Айвазовскій представилъ на выставку кавказскіе виды и вырученные за нихъ деньги жертвуетъ на сооруженіе памятника Котляревскому въ Теодосіи, гдѣ кавказскій герой провелъ остатокъ своей жизни (*).

И такъ, съ 14-го ноября, 1850 года, полкъ названъ Эриванскимъ карабинернымъ Его Императорскаго Высочества наследника цесаревича полкомъ (**).

Вслѣдъ затѣмъ была получена грамота августѣйшаго шефа, которую привожу здѣсь цѣликомъ, какъ драгоцѣннѣйшій документъ.

«Приказъ въ Эриванскій карабинерный имени Моего полкъ.

Государю Императору благоугодно было, по возвращеніи Моемъ съ Кавказа, назначить Меня шефомъ Эриванскаго карабинернаго полка, коему высочайше повелѣно именоваться впредь Эриванскимъ карабинернымъ, имени Моего полкомъ.

Принимая новое назначеніе съ истинною и душевною радостію, Я спѣшу изъявить храброму полку Моему сколь Мнѣ лестно и пріятно быть шефомъ, и чрезъ то, принадлежать къ войску отдѣльнаго кавказскаго корпуса, достойно гордящагося своею храброю и полезною службою. Ознакомившись съ ними лично и удостовѣрившись въ ихъ блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, Я сохраню незабвенное о нихъ воспоминаніе и искренно желаю видѣть всѣ части Моего полка. Я горжусь славою, пріобрѣтенною постоянною ревностною и усердною службою, и вполне убѣжденъ, что всѣ воинскія доблести въ немъ навсегда твердо укоренены. *АЛЕКСАНДРЪ.*»

15-го ноября, 1850 года (***)

(*) Газета «Кавказъ», 1869 г.

(**) Приказъ-же объ этомъ по полку состоялся только 8-го декабря, 1850 года.

(***) Приказъ сохраняется при знаменахъ полка.

Вообще нельзя не замѣтить, что полкъ въ эту эпоху, кромѣ боевой славы, былъ исправенъ службой и щеголеватъ обмундировкой во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ что бригадный командиръ, князь Барятинскій (нынѣ фельдмаршалъ), инспектируя полкъ, нашелъ его въ наилучшемъ видѣ, за что благодарилъ подполковника командира вв. Мухранскаго, такъ дѣятельно заботившагося о благосостояніи полка (*).

Затѣмъ первый баталіонъ маіора Шатилова съ наступленіемъ 1851 года поступилъ въ сунженскій отрядъ, подъ команду боевого, знаменитаго на Кавказѣ ген. Слѣпцова.

Жители нагорной малой Чечни, гнѣздящіеся въ Черныхъ горахъ по глубокимъ мѣстнымъ ущельямъ, вмѣстѣ съ абреками (заклятыми) и бѣглыми разбойниками разныхъ племенъ, неоднократно въ это время относились къ намъ особенно враждебно и не разъ вѣроломно нападали даже на своихъ соплеменниковъ, намъ покорныхъ мусульманъ. Такое поведеніе чеченцевъ, изъявлявшихъ покорность нашему правительству, и въ то же время тайно усиливавшихся поколебать вновь покоренныхъ нами горцевъ—карабулаковъ, галгаевцевъ и живущихъ на плоскости—ставило генерала Слѣпцова въ необходимость постоянно изыскивать средство внушить жителямъ нагорной Чечни должное уваженіе къ нашему оружію; вслѣдствіе этого онъ при всякомъ случаѣ строго наказывалъ чеченцевъ, желая тѣмъ подавить и разрушить вредное ихъ вліяніе на мирныхъ жителей плоскости.

Въ 1851 году Слѣпцовъ, руководимый той-же дѣлью, 15-го іюня двинулся съ отрядомъ въ 3416 человекъ по рѣкѣ Валерику въ шалажинское ущелье, къ аулу Нурко. При этомъ движеніи была поручена пѣхотная колонна, состоящая изъ двухъ баталіоновъ (одного эриванскаго), распорядительному—по выраженію Слѣпцова—и во всѣхъ отношеніяхъ достойному штабъ-офицеру Эриванскаго полка, маіору Шатилову. Казакамъ-же

(*) Приказъ по бригадѣ, отъ 30-го декабря, 1850 г., № 32. Полк. арх.

поручалось сдѣлать быстрый набѣгъ въ глубь гехинскаго ущелья. Удалые линейные казаки, выполнили съ успѣхомъ приказаніе: разорили хутора и угнали скотъ. При отступленіи, чеченцы, по обыкновенію, стали преслѣдовать казаковъ; тогда двѣ роты эриванцевъ и три роты навагинцевъ, при трехъ орудіяхъ, выставлены были для прикрытія отступленія. Какъ разсерженные дикіе звѣри, бросаются съ оглушительнымъ крикомъ на раздражающаго его противника, такъ чеченцы, съ какимъ-то неистовымъ гикомъ бросались на наши войска, но гикъ ихъ всегда встрѣчало дружное ура. Объ этомъ отступленіи генералъ Слѣпцовъ такъ пишетъ въ своемъ донесеніи: «*Превосходные карабинеры* и егеря, отступая шагъ за шагомъ, при всякомъ порывѣ непріятеля въ шапки выжидали ихъ въ штыки. Чеченцы гибли въ ожесточенномъ истребленіи—такъ иногда, не выждавъ товарищей, бросались по одиночкѣ на цѣлые резервы и гибли на штыкахъ. Подобные случаи привожу какъ доказательство, съ какимъ ожесточеніемъ дрался непріятель, и только *нравственное превосходство эриванцевъ* могло намъ дать результатомъ вполне рѣшительный перевѣсъ и сильное потрясеніе непріятеля, за которымъ отрядъ ходилъ въ недоступное убѣжище чеченцевъ. Благородныя войска наши знали и были тѣмъ особенно воодушевлены, что ясно отражалось на ихъ лицахъ, сіявшихъ гордостію и сомодовольствіемъ» (*). Такія лестныя слова и такого боевого генерала какъ Слѣпцовъ, могутъ служить хорошей гарантіей того боевого духа, которымъ былъ преисполненъ полкъ, названный именемъ наследника престола.

Слѣпцовъ иначе нездоровался съ баталіономъ, какъ «Здорово, благородные карабинеры!» Слова эти глубоко врѣзались въ память его сподвижниковъ—они помнятъ, какъ во время шалажинскаго отступленія, когда чеченцы готовили рѣшительный ударъ намъ при трудно проходимой рѣчкѣ Валерикѣ,

(*) Рапортъ ген. Слѣпцова къ. Воронцову. Тифл. арх., дѣло по секр. описи 2 отд. ген. штаба за 1851 г.

Слѣпцовъ, подѣхавъ къ ротамъ, сказалъ: «Карabinieri, я васъ оставляю сзади для того, чтобъ въ донесеніи къ царю васъ помѣстить впереди всѣхъ». Эриванцы, рассыпавъ стрѣлковъ въ двѣ линіи, задержали горцевъ, и тѣмъ дали возможность колонѣ отступить на шалажинскую поляну безъ большой траты въ людяхъ; вся потеря была 56 человѣкъ — эриванцевъ убито и ранено 15 человѣкъ (*). Вліяніемъ этого молодецкаго набѣга было то, что жители Шалажей, Валерика и Геховъ оставили свои хутора и скрылись въ недоступныхъ лѣсныхъ тущобахъ (**).

Вслѣдъ затѣмъ эриванцы, въ числѣ 886 челов., среди лѣта дѣлали быстрое движеніе въ глубь большой Чечни, подъ командою кн. Барятинскаго, желавшаго осмотрѣть мѣстность и выбрать удобные пункты для постройки на нихъ укрѣпленій.

Предположеніе исполнилось съ неожиданнымъ успѣхомъ въ двое сутокъ. 28-го іюля жители большой Чечни были изумлены и приведены въ ужасъ появленіемъ нашихъ войскъ (9056 челов. и 17 орудій) на поляхъ автурскихъ, гдѣ русскихъ не было съ 1841 года. Непріятель вездѣ быстро зажигалъ сигнальные маяки и послѣ перваго испуга сталъ собираться въ герменчукскомъ лѣсу для отраженія русскихъ.

Между тѣмъ князь Барятинскій, окончивъ свою задачу обзоромъ мѣстности, а также уничтоживъ огромные засѣвы, началъ отступать. Горцы открыли оживленную перестрѣлку и неоднократно бросались на арріергардъ, но всякій разъ были отражаемы.

Князь Барятинскій въ донесеніи говоритъ: «Въ этомъ смѣломъ налетѣ участвовали отборныя войска, въ числѣ ихъ

(*) Приказы по полку, за 1834 г.

(**) Награды: майоръ Шатиловъ—слѣдующій чинъ, капит. Долгово-Сабуровъ—орденъ св. Анны 3-й ст., штабсъ-капит. Соколовскій—орденъ св. Анны 2-й ст., прапорц. Кимборъ—орденъ св. Анны 3-й степени, фельдфебель Васильевъ—въ прапорщики, а три унтеръ-офицера по 10 рубл. сер. Приказъ по полку, отъ 24-го марта, 1832 г., № 84.

три роты доблестнаго карабинернаго полка» (*). На эти роты пожаловано 15 крестовъ.

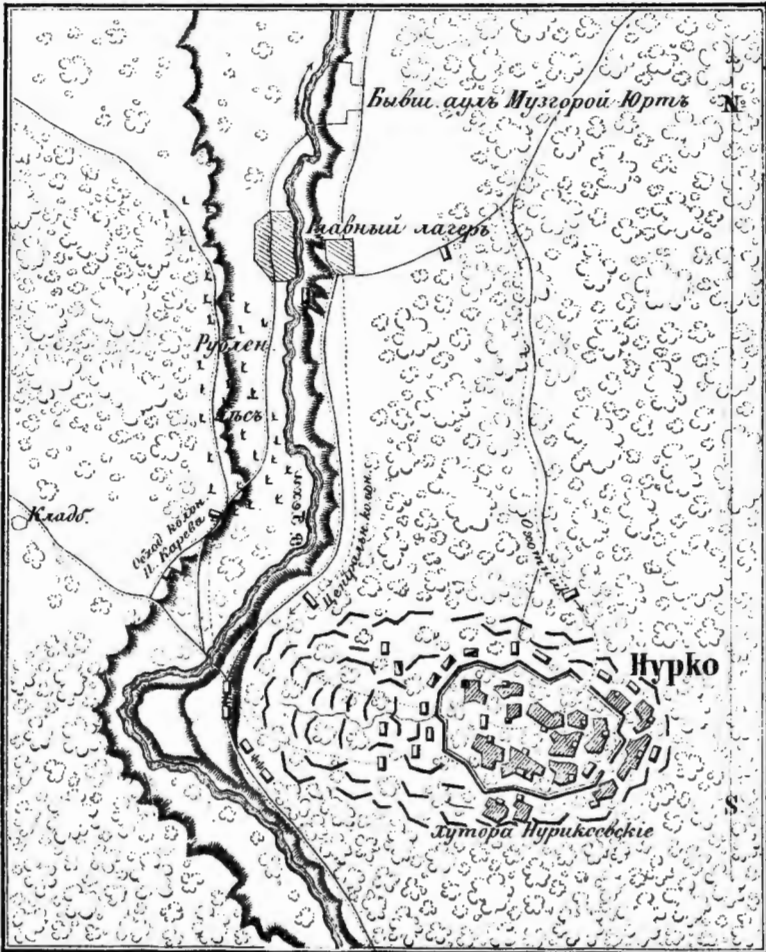
Послѣ движенія на автуринскія поля, эриванцы, отойдя къ рѣкѣ Сунжѣ, стали строить сначала Алханъ-юртовскую, а послѣ Самашинскую станицы, отражая по временамъ партіи хищниковъ, нападавшихъ на наши транспорты, табуны и даже станицы. Съ наступленіемъ зимы, когда листья опали съ деревьевъ, Слѣпцовъ сосредоточилъ отрядъ къ 30-му ноября въ Ачхоевское укрѣпленіе. Отсюда чрезъ три дня эриванцы въ авангардѣ Слѣпцова перешли къ разрушенному аулу Чермокай и занялись рубкою просѣки. Чеченцы, постигая нашу цѣль, что мы расчисткою лѣсовъ отнимаемъ у нихъ естественную преграду, всякими мѣрами старались помѣшать. Въ этихъ видахъ они стали воздвигать на пути нашей просѣки цѣлую сѣть заваловъ по правую сторону рѣки Гехи, а 7-го декабря съ возвышенности открыли стрѣльбу изъ орудія по лагерю Слѣпцова. Но такъ какъ они стрѣляли съ далекой дистанціи, то усилія ихъ были напрасны: ядра далеко не долетали до лагеря. Во всякомъ случаѣ, Слѣпцовъ, желая наказать необузданную смѣлость чеченцевъ, предположилъ выбить ихъ изъ заваловъ, а если представится возможность, то и отнять у нихъ единственное орудіе. Сообразно этой цѣли, 10-го декабря, въ первомъ часу по полудни, когда горцы менѣе всего ожидали нападенія, Слѣпцовъ назначилъ три колонны для штурма заваловъ; въ центральной колоннѣ, подѣ личнымъ его начальствомъ, находился эриванскій баталіонъ Шатилова.

Возвышенная непріятельская позиція укрѣплена была рядомъ непрерывныхъ заваловъ, сложенныхъ изъ толстыхъ бревень, занимая пять верстъ въ окружности. Внутренняя оборона этого сомкнутаго укрѣпленія еще состояла изъ центрального редута круглой формы. Вся позиція была покрыта крупнымъ,

(*) Рапортъ гв. Бяратинскаго Воронцову, отъ 29-го июня, 1851 г., № 1073. Тиф. арх., дѣло по генер. штабу, № 2.

ПЛАНЪ

Штурма селѣ Нурко 10^{го} Декабря 1851 года.



Саж. 500 400 300 200 100 0 0 1 2 3 Верст.

- ▣ Фриванскія роты.
- ▣ Прочія части русскихъ войскъ.

хотя и рѣдкимъ лѣсомъ, вокругъ-же позиціи облегалъ густой, дремучій лѣсъ. Вотъ эти-то настроенныя баррикады на сильной позиціи Слѣпцовъ и вознамѣрился штурмовать (см. планъ). Въ два часа грянулъ первый выстрѣлъ; вслѣдъ за выстрѣломъ центральная колонна, имѣя впереди Слѣпцова, устремилась на главный завалъ съ фронта. Три роты эриванцевъ—капит. Турчановскаго, шт.-капит. Полянскаго и капит. кн. Шаликова—шли на лѣвомъ флангѣ колонны, шефская-же рота Долгово-Сабурова наступала въ резервъ. Все вниманіе чеченцевъ было обращено сюда; этимъ воспользовались удалые сунженскіе казаки—они обскакали завалы съ тыла и ворвались во внутрь ихъ. Въ этотъ моментъ, когда побѣда видимо склонилась къ намъ, Слѣпцовъ былъ пораженъ пулею въ грудь, у самаго подножія главнаго завала. Незамѣнимая потеря испытаннаго въ бояхъ генерала, однако, имѣла незыблемое моральное дѣйствіе. Войска, не смотря на сильный огонь, начавшійся по всей линіи, ворвались въ завалы и не щадя даже бросающихъ оружіе, кололи и рубили—въ особенности такимъ озлобленіемъ отличались казаки: они мстили горцамъ за смерть Слѣпцова, съ именемъ котораго была связана ихъ боевая слава. Майоръ Шатиловъ, съ большою тактичностью направлялъ части баталіона и самъ являлся тамъ, гдѣ критическій моментъ требовалъ присутствія начальника. Капитанъ Турчановскій, очищая застрѣльщиками лѣсъ, дошелъ до завала, и здѣсь, видя колебаніе людей, крикнулъ: «Ребята, Слѣпцовъ впереди!» Слово этихъ было достаточно, чтобъ его рота первая устремилась на завалы.

По окончаніи боя отрядъ несъ бережно, на буркахъ, окровавленный трупъ генерала, который за нѣсколько минутъ такъ искусно и отважно противопоставлялъ свои войска противнику. Эриванцы въ этой битвѣ потеряли 15 человекъ убитыми и ранеными.

Отойдя въ гехинскій лагерь, войска заняли прежнія мѣста и продолжали просѣку. Чеченцы непытались больше мѣшать рабочимъ.

Наканунѣ рождественскихъ праздниковъ отрядъ распущенъ по квартирамъ. Эриванскій баталіонъ занялъ Слѣпцовскую станицу; здѣсь, отпраздновавъ святки и встрѣтивъ новый 1852 годъ, баталіонъ перешелъ къ станицѣ Самашки, которую продолжалъ строить до половины января.

Надо было смотрѣть и любоваться, рассказывать очевидецъ, съ какимъ проворствомъ и весельемъ солдаты строили станицы. Въ ихъ молодецкихъ рукахъ работа спорилась и станицы росли, какъ грибы. Дѣйствительно, кавказскій солдатъ на всякое дѣло былъ мастеръ и всякую работу выполнялъ охотно и съ терпѣніемъ.

Окончивъ постройку станицы Самашинской, баталіонъ перешелъ къ вѣрности Воздвиженской, а на другой день, 18-го января, въ рядахъ отряда князя Барятинскаго двинулся, разрабатывая дорогу, къ верховьямъ рѣчки Гойты (*).

Чеченцы, поджидавшіе на помощь Шамиля съ мюридами, упорно отстаивали аулы, и только послѣ отчаянной обороны бросали свои жилища и хлѣбородныя поля. Въ особенности чеченцы оказали сильное сопротивленіе въ аулѣ Шеляги, но взятые въ штыки эриванцами и куринцами, очистили аулъ. Князь Барятинскій, совершивъ движеніе къ верховьямъ р. Гойты и предавъ пламени аулы, началъ отступленіе въ укрѣпленіе Уруст-мартанское.

Чеченцы, удаливъ свои семейства въ Черныя горы, всею злобою выдались на линейныхъ казаковъ, и при одной свалкѣ, къ общему прискорбію всего отряда, убили отважнаго атамана казачьяго войска генерала Крюковского.

Въ столь печальную минуту 1-й баталіонъ эриванцевъ и баталіонъ куринцевъ получили приказаніе замѣнить въ арріергардѣ казаковъ и прикрывать наше отступленіе. Эриванцы, разсыпавъ частую цѣпь, не разу не дозволили чеченцамъ прорваться къ нашей колоннѣ, куда непріятель нѣсколько разъ устремлялся.

(*) Отрядъ состоялъ изъ 11 баталіоновъ, 5½ дивизионовъ, 24 орудій и 15 ракетныхъ ступокъ.

Въ этихъ перестрѣлкахъ у эриванцевъ вышло изъ строя убитыми и ранеными 18 человекъ.

Князь Барятинскій, тутъ-же, по засвидѣтельствованіи ротныхъ командировъ, наградилъ 4-хъ отличившихся карабинеръ георгіевскими крестами (*). Подполковникъ-же Шатиловъ, по рекомендаціи князя Барятинскаго, удостоился получить благодарность приказомъ по корпусу: «За хладнокровіе и мужество», съ которымъ онъ руководилъ баталіономъ при штурмѣ Шеляги(**), а по представленію награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. съ короною. Сверхъ того, награждены 3 офицера и 15 нижнихъ чиновъ крестами и 12 офицеровъ чинами.

По разореніи Шеляги баталіонъ перешелъ на просѣку, производимую въ большой Чечнѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Джалки съ цѣлью открыть сообщеніе отъ крѣп. Грозной въ середину непокорнаго населенія

Зима стояла суровая, но карабинеры, одѣтые въ полушубки и теплые папахи, не боялись морозовъ. Имъ было хорошо и весело. Шутка и пѣсня раздавались на bivуакахъ возлѣ пылающихъ костровъ. Дровъ было много—обсушить мокрую онучи и смазать теплымъ саломъ походные сапоги представлялась полная возможность. Къ тому-жъ, привезенное жалованье казначеемъ (поруч. Конст. Шлиттеромъ) давало возможность послѣ ночей холодныхъ, проведенныхъ въ цѣпи и секретахъ, обогрѣваться чаркой водки.

Прорубивъ просѣку по Джалкѣ, началась рубка лѣса въ окрестностяхъ Мичика. Тутъ 15-го февраля взяты штурмомъ чеченскіе редуты, причемъ ранено три карабинера.

Утромъ 17-го февраля барабанъ возвѣстилъ эриванцамъ, съ большей частію отряда, походъ къ Гильдигену, подъ начальствомъ кн. Барятинскаго. Эриванцы при наступленіи шли въ арріергардной колонѣ полковн. барона Николаи. Дойдя до

(*) Рапортъ Шатилова кн. Музрацкому, отъ 8 февраля, 1852 г., № 88.

(**) Приказъ по корпусу, отъ 31 января, 1852 г., № 24.

Гельдигена, отрядъ сдѣлалъ часовой привалъ, а потомъ продолжалъ движеніе по долинѣ Хулхулау, гдѣ истребилъ три аула. Эриванцы и два баталіона куринцевъ, слѣдуя въ хвостъ отряда, клали двойную цѣпь и все время вели частый ружейный огонь, медленно подаваясь впередъ (*). Князь Барятинскій доноситъ «Храбрые карабинеры и егеря, закаленные въ бояхъ съ чеченцами, разбили непріятеля съ весьма небольшою потерей и вступили въ многолюдный и извѣстный крѣпостію аулъ Маіоръ-тупъ.

Переночевавъ въ Маіоръ-тупѣ и присоединивъ къ себѣ колону полковника Бакланова, князь Барятинскій продолжалъ движеніе по большой Чечнѣ, которая для насъ послѣ 1840 года считалась недоступной.

Сначала нужно было пройти черезъ маіортупскій лѣсъ, сильно занятый непріятелемъ.

Отрядъ, воодушевляемый присутствіемъ князя Барятинскаго, подъ жестокимъ оружейнымъ огнемъ и рудійнымъ изъ гранатъ, вошелъ въ лѣсъ. Чеченцы, заслоненные отъ насъ бѣлыми клубами порохового дыма, вдругъ выскочили изъ-за деревьевъ и очертя голову, бросились съ гибкомъ въ шашки и кинжалы. Наши солдаты не смутились, а въ свою очередь, взявъ ружье на руку, крикнули ура—завязалась рукопашная свалка, но она продолжалась недолго: передовые чеченцы погибли на мѣстѣ, а задніе укрылись въ чащу лѣса. Отрядъ, проложивъ себѣ штыками дорогу съвозъ лѣсъ, сталъ переправляться черезъ рѣчку Гонзолку, обрывистыя берега которой были покрыты льдомъ и представляли неимоверныя трудности для колеснаго обоза и кавалеріи. Переправа длилась около пяти часовъ. Солнце склонилось къ западу, а между тѣмъ надлежало еще сбить съ позиціи главное 6/т. скопище Шамиля, преграждавшее намъ дорогу къ мичинской переправѣ, а также перевалиться черезъ качкалыковскій хребетъ въ Куринское. Всѣ эти

(*) Приказъ по корпусу, отъ 26 февраля, 1832 г., № 36.

препятствія требовали скорого и энергичнаго выполненія. Для рѣшенія столь трудной задачи к. Бяратинскій избралъ полк. Бакланова, извѣстнаго всѣмъ кавказцамъ своею храбростію.

Баклановъ съ полнымъ безстрашіемъ бросился съ казаками на непріятельскіе завалы и вскорѣ, въ общему восторгу всего нашего отряда, восторжествовалъ надъ непріателемъ и водрузилъ свой черный значевъ на отбитыхъ завалахъ.

Доступъ къ Мичику былъ открытъ; но еще предстояло прикрыть нашу переправу чрезъ р. Мичику на вачкальковскій хребетъ. Это, не менѣе трудное по опасности порученіе князь Бяратинскій тоже возложилъ на Бакланова, назначивъ ему въ арріергардъ шесть батал. пѣхоты (*), при 8 орудіяхъ и донской казачій полкъ. Въ составъ арріергарда вошелъ и 1-й бат. эривандевъ.

Когда послѣднія повозки переправились на правый берегъ Мичика, то Баклановъ собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и объявилъ имъ, что сигнала для отступленія не будетъ, но что по его приказанію всѣ должны бѣжать на переправу, какъ можно шибче, не заботясь ни о порядкѣ, ни о томъ—будетъ или не будетъ ихъ преслѣдовать непріятель. Я понималъ ту страшную отвѣтственность, которую принималъ на себя», рассказываетъ Баклановъ, «но рисковалъ потому, что другого выхода изъ моего положенія не было. Еслибы я отступалъ такъ, какъ обыкновенно у насъ отступали, то чеченцы задавили-бы меня. При моемъ способѣ, я могъ не потерять ни одного человѣка. Рисковать стало-быть было надо и тѣмъ болѣе, что подъ моимъ начальствомъ собраны были *лучшіе баталіоны Кавказа*, съ которыми можно было предпринимать и дѣлать все, что угодно».

Чеченцы, сторожившіе изъ дремучаго лѣса нашъ арріергардъ, приготовились при первомъ его движеніи кинуться въ

(*) Два бат. куринцевъ, два бат. кабардинцевъ, батал. тенгинцевъ и, какъ сказано, бат. эривандевъ.

пашки. Такъ и случилось; лишь только совершенно стемнѣло и раздался на переправѣ шумъ отъ колесъ переправляющейся артиллеріи, какъ они открыли сперва учащенную канонаду, а потомъ запѣли предсмертную пѣсню, означающую, что чеченцы готовятся въ рѣшительный бой. Медлить было нельзя. Баклановъ крикнулъ «всѣ кругомъ.» Тогда пѣхота и конница, прекративъ пальбу, хлынула на переправу. Чеченцевъ озадачило такое отступление, но они вскорѣ опомнились и всею массою бросились на бѣгущихъ съ бранью и проклятіемъ. Вотъ уже они навалились на хвостъ арріергарда, какъ вдругъ въ этотъ моментъ наша артиллерія, предварительно выставленная Баклановымъ на правомъ берегу Мичика, дала картечный залпъ. Цѣлыя груды убитыхъ повалились, а живые, объятые страхомъ, дали тылъ; второй залпъ картечью совершенно разстроилъ скопище. Они скрылись въ дремучій лѣсъ, проклиная гура *Бокля* (*). Что-же касается до Шамиля, то онъ, огорченный неудачами, усакавалъ въ глубь горъ.

Арріергардъ Бакланова, пройдя Мичикъ, собрался кое-какъ въ баталіонныя колонны и двинулся среди ночи въ Куринское съ пѣснями и барабаннымъ боемъ. Зажженные засѣвки, костры, и тѣла убитыхъ чеченцевъ обозначали слѣдъ нашихъ войскъ.

И такъ, отрядъ, пройдя большую Чечню и разгромивъ на пути встрѣченныя аулы, прибылъ въ укрѣпленіе Куринское.

Въ теченіи этихъ двухъ-дневныхъ движеній и неумолкаемой перестрѣлки, баталіонъ Шатилова то штурмовалъ засѣвки, преграждавшія намъ дороги, то разсыпался въ цѣпь, то удерживалъ натискъ чеченцевъ, силившихся прорваться въ средину отряда, и потерялъ 26 человекъ убитыми и ранеными (**).

Въ Куринскомъ вн. Барятинскій радостно встрѣтилъ Бакланова и благодарилъ его, а войско, ему врученное, за молодецкое отступление. Движеніемъ на Куринское укрѣпленіе эриванскій баталіонъ завершилъ свое участіе въ дѣлахъ большой

(*) Подъ этимъ названіемъ Баклановъ былъ извѣстенъ чеченцамъ.

(**) Рапортъ Шатилова, отъ 28 февраля, 1832 г., № 131-й.

Чечни и перешелъ въ послѣднихъ числахъ февраля въ отрядъ генерала Вревскаго, сосредоточенный на Урусъ-Мартангѣ, для продолженія вырубкн просѣкъ въ ущельяхъ Малой Чечни (*). 8-го марта ген. Вревскій занялъ позицію на р. Рошнѣ и немедленно приступилъ къ работамъ; въ то-же время произведена рекогносцировка мѣстности вверхъ по рогинскому ущелью и взятъ съ бою аулъ Муллата.

Жители малой Чечни по первымъ нашимъ движеніямъ стали собираться въ непокорныхъ аулахъ, подѣ предводительствомъ трехъ паибовъ, а 13 марта они, разсыпавшись по лѣсу, открыли враждебныя дѣйствія.

Тѣмъ временемъ нашъ отрядъ, окончивъ предполагаемыя работы на р. Рошнѣ, двинулся 14-го марта къ р. Гехи. Эриванцы, рассыпавъ застрѣльщиковъ, подѣ командою капитана кн. Шаликова, шли въ авангардѣ. Съ перваго шага горцы вступили въ бой, защищая каждый бугорокъ, каждый кустъ, — сверхъ того, стали показываться съ фланговъ и въ особенности въ тылу.

Вревскій, желая наказать дерзкое преслѣдованіе горцевъ, приказалъ заложить три фугаса. Двѣ роты Эриванскаго полка прикрывали саперъ, производившихъ закладку фугасовъ. Вскорѣ работа окончилась, и эриванскія роты начали отступать. Горцы, въ виду эриванцевъ, какъ коршуны палетѣли на мѣста фугасовъ и стали раскапывать ямы, полагая въ нихъ найти трупы нашихъ убитыхъ, которые они всегда откапывали и предавали поруганію, а отрѣзанныя руки представляли напбамъ, за что получали награды; но въ этотъ разъ хищники горько ошиблись—три оглушительныхъ взрыва заколыхали землю и подняли на воздухъ горцевъ: опаленные куски человѣческаго мяса покрыли мѣста фугасовъ. Вслѣдъ за взрывомъ перестрѣлка смолкла. Чеченцы, объятые ужасомъ, рассыпались въ лѣсу, не возобновляя въ этотъ день перестрѣлки; только нѣсколь-

(*) Отрядъ ген. Вревскаго состоялъ изъ 6½ бат. пѣх., 7½ сот. казак. и 40 орудій.

ко абрековъ, искавшіе смерти въ бою, посылали одиночныя выстрѣлы въ цѣль.

Достигнувъ р. Гехи, отрядъ раскинулъ свой бивуакъ—сюда эриванцы принесли на шинеляхъ своихъ восемь человѣкъ раненыхъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня походное движеніе отряда продолжалось къ р. Шалажи и далѣе. На пути слѣдованія непріятель сильно занялъ и укрѣпилъ завалами позицію между рѣчками Шалажи и Валерикомъ. Бревскій для пролома чеченскихъ заваловъ пустилъ въ атаку баталіонъ Шатилова по берегу р. Валерика; славно было смотрѣть, какъ баталіонъ, могучій своею физическою силой, не менѣе могучъ и моральною, шелъ въ дѣло твердою, отличительно смѣлою походкой. Горцы узнавали карабинеръ по черному воротнику, желтымъ погонамъ, а главное—по быстрымъ движеніямъ, и на тѣхъ мѣстахъ, противъ которыхъ дѣйствовали эриванцы, горцы плотнѣе становились. Въ данномъ случаѣ, мѣткія чеченскія винтовки выжидали приближенія своихъ жертвъ. Наступило грозное молчаніе, предвѣщавшее упорный бой. Карабинеры, снявъ папахи, перекрестились, потомъ, молча, переглянулись—въ ихъ взглядахъ легко было уловить выраженіе: смотри, братцы, наваливай дружѣе. Наконецъ, всею широкою, здоровою грудью крикнули ура; неуспѣло оно разнестись эхомъ по лѣсу, какъ карабинеры, потерявъ только четырехъ человѣкъ, очутились на главномъ завалѣ (*). Солдаты, воодушеваясь успѣхомъ битвы, безостановочно понеслись далѣе, и еще взяли штурмомъ укрѣпленную высоту, на которой нашъ отрядъ сталъ лагеремъ и началъ рубку лѣса.

Къ 21-му марта всѣ работы были приведены къ окончанію, а на слѣдующій день баталіонъ получилъ предписаніе двигаться въ Тифлисъ—ему на смѣну шелъ сюда, въ отрядъ, второй баталіонъ эриванцевъ маіора Лузанова.

Подполковникъ Шатиловъ и капитанъ князь Шаликовъ

(*) Рапортъ Шатилова, отъ 20-го марта, № 184.

за свои боевыя дѣйствія, по отзыву Вревскаго, удостоились получить благодарность приказомъ по корпусу (*).

Оканчивая боевыя дѣйствія и слѣдуя хронологическому порядку, надо сказать, что шефъ полка пожаловалъ въ полковой клубъ и въ каждую роту по одному своему портрету, которые бывший командиръ бригады, князь Барятинскій, при нижеслѣдующемъ приказѣ препроводилъ въ полкъ: «Карабинеры, да будутъ священные черты изображенія его навсегда глубоко запечатлѣны въ вѣрныхъ сердцахъ нашихъ, да будутъ эти священные черты *славному Эриванскому полку* всегда предметомъ доблестной гордости и вѣщаго воодушевленія въ бояхъ» (**).

Въ Манглисѣ въ этомъ 1852 году полковникъ князь Мухранскій людьми 4-го баталіона соорудилъ чрезъ рѣчку Мухизку каменный мостъ, чѣмъ значительно облегченъ трудный подъемъ по тифлисской дорогѣ.

Въ день полкового праздника мостъ и поставленная возлѣ него часовня освящены; кромѣ моста, въ то-же время, подъ руководствомъ прапорщика Чункова, выстроено въ Манглисѣ большое двухъ-этажное зданіе для помѣщенія полкового лазарета. Вообще княземъ Мухранскимъ было обращено особенное вниманіе на матеріальное благосостояніе полка и на личный его составъ. Карабинерныя роты, по его инициативѣ, подбирались красивыми, рослыми людьми, съ большими баками. При немъ введены экзамены изъ грамоты при производствѣ въ унтеръ-офицеры; имъ-же учреждены въ полку гимнастическія игры. Главную-же его заботу составляло уменьшеніе офицерскихъ долговъ, которые при Бельгардѣ возросли до значительныхъ размѣровъ. Князь Мухранскій принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ сокращенію офицерскихъ долговъ—поэтому всякая выдача денегъ офицерамъ дѣлалась казначеемъ ценначе, какъ съ его разрѣшенія (**).

(*) Приказъ по корпусу, отъ 12-го апрѣля, 1852 года, № 67.

(**) Приказъ по полку, 1-го января, 1852 г.

(***) Князь Мухранскій рассказываетъ: «Неспорно, бельгардовскія ширинки имѣли хорошее вліяніе на боевой духъ полка,—но онѣ довели офицеровъ до крайности. Самые скромные изъ

Переходя теперь къ описанію боевых дѣйствій, предварительно замѣтимъ, что со вторымъ баталіономъ первый разъ выступила въ походъ команда застрѣльчиковъ, вооруженная капсульными штуцерами.

Съ 23-го мая баталіонъ Лузанова приступилъ сначала, въ отрядѣ генер. Вревскаго, къ устройству укрѣпленія и лагеря на мѣстѣ бывшаго аула Бумута, почему отрядъ, здѣсь дѣйствующій, названъ бумутскимъ.

Между тѣмъ, Шамиль съ большимъ скопищемъ спустился на плоскость во владикавказскій округъ и наведя страхъ на мирныхъ нашихъ жителей, успѣлъ почти безнаказанно уйти въ нагорную Чечню къ Мереджѣ.

Юня 3-го, отъ сборища Шамиля отдѣлившася партія, напала на нашихъ косцовъ близъ рѣки Натхой. Эриванцы, по тревогѣ, первые подали помощь косцамъ, и отбивъ ее, преслѣдовали нападавшихъ. При этомъ случаѣ раненъ прапорщикъ Маргуладзе, извѣстный въ полку своею необыкновенной силою, ростомъ и неустранимостью. Пуля ударила ему въ лицо и вышла въ ухо, — но онъ, несмотря на такую тяжелую рану, остался живъ, и состоитъ на службѣ въ полку. За оказанное въ этомъ дѣлѣ отличіе, Маргуладзе награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степ. съ бантомъ (*).

Про Маргуладзе рассказываютъ, что въ дни молодости онъ отличался удалью. Разъ, подержавъ пари, что изъ мирного аула увезетъ невѣсту мирному чеченцу, опъ, дѣйствительно, къ общему изумленію всѣхъ, къ утру слѣдующаго дня, на измыленной лошади, доставилъ обѣщанную чеченку.

Въ бумутскомъ лагерѣ баталіонъ простоялъ цѣлое лѣто и осень, изрѣдка ведя незначительныя перестрѣлки. Въ одной

нихъ вошли въ долги. Надо было вывести офицеровъ изъ критическаго положенія, и я взялся за это съ полнымъ желаніемъ. Многіе, конечно, офицеры понимали и цѣнили мои заботы о ихъ средствахъ, многіе-же широкія натуры видѣли во мнѣ притѣснителя и непреклоннаго благодѣтеля. Вотъ тутъ-то и нужна была своего рода тактика, чтобъ «и волки были сыты, и козы цѣлы», т. е. чтобъ офицеры веселились и чтобъ были исправно экипированы и не имѣли долговъ. И я безъ преувеличенія могу сказать, что почти достигъ желаннаго результата.»

(*) Приказъ по полку, отъ 27-го апрѣля, 1853 г., № 117.

изъ нихъ, болѣе упорной, 6-го октября ранено два карабинера. Затѣмъ бумутскій отрядъ 4-го ноября сталъ по станицамъ для роздыха.

Однако, не-долго длилась стоянка въ теплыхъ казачьихъ хатахъ. 3-го декабря Лузановъ получилъ приказаніе двигаться съ баталіономъ къ р. Натхой—сборному пункту отряда. Началась рубка лѣса. 6-го-же декабря весь отрядъ ходилъ разорять чеченскія жилища и къ вечеру успѣлъ зажечь восемь ауловъ. Широкая огненная дорога показывала слѣдъ отряда; небо подернулось краснымъ заревомъ—видъ его производилъ разныя впечатлѣнія на враждующіе лагеря: чеченцы точили шашки, чистили винтовки и изыскивали средства отомстить гяурамъ; въ русскомъ лагерѣ раздавалась веселая пѣсня—громче другихъ заливались пѣсенники 2-й карабинерной роты, выбранные изъ всего полка. Командиръ ихъ, капитанъ князь Шаликовъ, только-что окончившій походъ съ первымъ баталіономъ, слушалъ съ гордостію, какъ звонко раздавались знакомыя пѣсни. Кларнетистъ подымалъ пѣсню высоко, но выше кларнета вытягивалъ запѣвала Фокинъ, варьируя голосомъ и выдѣлывая ловкія тѣлодвиженія и прыжки. Вечеръ былъ чудный, костры горѣли ярко и трещали какъ-то особенно весело. Возлѣ одного такого костра сидѣли на барабанахъ бат. командиръ Лузановъ, его адъютантъ—поручикъ Мендѣлеевъ и два молодыхъ офицера—Шольпъ и Натіевъ; къ нимъ подошли ротные командиры—два брата Кавторадзе и Шаликовъ; потомъ придвинули къ этому костру пѣсенниковъ 2-й карабинер. роты, деныщики напесли закусокъ, наставили бутылокъ—и пошли задравные тосты. Пѣсенники, выпивъ командирскую чарку спирта, еще звонче и дружнѣй запѣли. Фокинъ еще чище запѣвалъ первые куплеты, вертясь, какъ вихрь, впереди хора. Вскорѣ придвинулись къ костру солдаты разныхъ частей и сдѣлали сплошную стѣну. Между ними слышались голоса—«веселые эти, господа, эриванскіе офицеры». Начальникъ отряда, генералъ Вревскій, любилъ походную жизнь со

всѣми ея особенностями. Солдатская пѣсня на него дѣйствовала пріятно—какъ на всякаго боевого ветерана. Онъ не воспрещалъ въ лагерѣ военныя шутки, длвшіяся за полночь. Даже раненые въ этотъ день 10 человекъ эриванцевъ при разрушеніи ауловъ какъ-то особенно мужественно, безъ стонувъ, выносили боль, прислушиваясь къ лихимъ знакомымъ пѣснямъ. Поздно ночью, вмѣстѣ съ потухающимъ заревомъ, умолкла пѣсня у эриванцевъ.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни баталіонъ почти ежедневно ходилъ на фуражировки, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы разорять близъ лежащія къ лагерю непокорные аулы и истреблять ихъ хлѣбородныя поля.

17-го декабря баталіонъ, участвуя на фуражировкѣ вверху по Фортангѣ, къ аулу Шаутъ-оху, былъ назначенъ при отступленіи въ арріергардъ. Шаликовъ съ ротою находился въ самомъ хвостѣ арріергарда, и онъ, по выраженію эриванцевъ, какъ травленный волкъ, отгрызался отъ преслѣдующихъ чеченцевъ. Когда-же получилъ рану въ мякоть ноги, то, рассказываютъ, Шаликовъ съ деньщикомъ своимъ Шкевичемъ штыкомъ вынулъ изъ раны пулю, зарядилъ ею ружье и выстрѣливъ обратно въ непріятеля, продолжалъ отступление. Смѣлый и отважный Шаликовъ, любилъ походную жизнь и всегда напрашивался въ ту часть, которая находилась въ походѣ.

Послѣ описанной перестрѣлки, баталіонъ разработывалъ дороги и рубилъ лѣсъ между Гандыль-басомъ и Бумутомъ до самаго рождественскаго сочельника—для роспуска отряда на зимнія квартиры.

Тѣмъ временемъ 3-й баталіонъ князя Тарханова, пройдя чрезъ Тифлисъ и получивъ благодарность отъ кн. Воронцова, отправился на лезгинскую линію. Тутъ баталіонъ Тарханова, въ продолженіи лѣта, то преслѣдовалъ партію Хаджи-Мурата, то Даніель-султана, пытавшихся спуститься на плоскость. Наконецъ, прикрывалъ переселеніе жителей 15 деревень изъ горъ

ныхъ магаловъ на плоскость въ нухинскій уѣздъ. Жилища горцевъ въ магалахъ были уничтожены до тла, въ виду скопищъ Шамиля.

Слѣдующій 1853 годъ для полка точно также начался, какъ и предшествующіе: 4 бат. проживалъ въ Манглисѣ, 3-й бат., кн. Тарханъ-Моуравова, окончивъ лезгинскій походъ, занималъ гарнизонъ въ Тифлисѣ,—2-й бат., Лузанова, проводя зиму, большею частию въ палаткахъ, готовился къ новымъ трудамъ и походу, а 1-й бат., маіора Бучкіева, въ мартѣ выступилъ въ Кахетію для защиты ея жителей отъ вторженія Лезгинъ.

Первый и второй бат. почти одновременно были употреблены въ дѣло, хотя и съ противоположныхъ сторонъ кавказскаго хребта. Баталіонъ Лузанова второго мая, въ отрядѣ ген. Бревскаго, двинулся, разрабатывая дорогу, въ Чечню; баталіонъ-же Бучкіева, въ отрядѣ г.-л. Орбелиани, выступилъ изъ Закаталъ въ мухахское ущелье, по направленію къ горному магалу. Первый бат. Бучкіева двигался туда, гдѣ показывались горскія партіи. 18-го іюня у разрушеннаго аула Джинджимоха (по мухахскому ущелью,) охотники отъ ротъ этого баталіона сдѣлали засаду, и ночью разсѣяли сборище горцевъ, желавшихъ ворваться во внутрь Кахетіи, причемъ убитъ одинъ охотникъ и одинъ раненъ. Затѣмъ, послѣ разныхъ диверсій по горамъ и ущельямъ, баталіонъ поступилъ въ колону полк. кн. Андроникова и расположился бивуакомъ возлѣ аула Мухахъ.

Между тѣмъ, въ горахъ разнесся слухъ объ уменьшеніи войскъ въ Кахетіи по случаю наступающихъ политическихъ несогласій нашихъ съ Турцією, принимавшихъ характеръ все болѣе и болѣе серьезный. Слухъ этотъ подалъ поводъ Шамилю приказать набамъ джурмутскому, анцухскому и дидойскому, при случаѣ, напасть на Кахетію. Дѣйствительно, набы, собравъ скопище до 10/т. ч., открыли свои наступательныя дѣйствія; вскорѣ самъ Шамиль явился во главѣ скопища и

рѣшился на отважное предпріятіе—спуститься на лезгинскую линію, раздавить, если возможно, какую-нибудь слабую часть нашихъ войскъ и поднять противъ насъ жителей джаробѣлоканскаго округа, или, разоривъ ихъ, увлечь къ себѣ въ горы; кромѣ того, онъ надѣялся еще распространить возстаніе въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Къ осуществленію столь обширнаго плана онъ приступилъ въ августѣ.

Въ распоряженіи князя Орбеліани состояло всего восемь баталіоновъ, разбросанныхъ на протяженіи всей кардонной линіи. Однако, кн. Орбеліани, на-сколько позволяли обстоятельства и время, приблизилъ нѣкоторыя части войскъ къ Закалатамъ, въ томъ числѣ и баталіону Бучкіева предписано форсированнымъ маршемъ прибыть въ Закалаты. 25-го августа, въ 10 часовъ утра, эриванцы были уже въ крѣпости,—а въ два часа по полудни, когда своице Шамиля начало спускаться въ аулъ Джари, двинулись туда въ авангардѣ отряда кн. Орбеліани, состоящаго всего изъ $3\frac{1}{2}$ бат., 6 орудій и милиціи. Лишь только эриванцы приблизились къ аулу, какъ тотчасъ вступили въ дѣло. «Молодцы карабинеры, говоря словами рапорта Бучкіева, при первомъ и второмъ наступленіи въ штыки, съ крикомъ ура, были впереди другихъ» (*). Послѣ нѣсколькихъ атакъ, горцы стали очищать Джары. Орбеліани, отбивъ непріятеля, но не имѣя достаточнаго числа войскъ преслѣдовать его, къ ночи отошелъ къ Закалатамъ. Эриванцы составляли при этомъ арріергардъ, а потому и уронъ баталіона значительное другихъ, а именно убито и ранено 13 человекъ (*).

Въ ту-же ночь, подѣ командою кн. Андроникова, баталіонъ опять форсированнымъ маршемъ ходилъ въ каписдарское ущелье для снятія съ поста двухъ ротъ тифлисцевъ, которыхъ оцѣпили шайки Шамиля. Исполнивъ благополучно порученіе, баталіонъ возвратился съ тифлискими ротами въ Закалаты и

(*) } Рапортъ Бучкіева, отъ 18-го сент., № 808.

сталъ бивуакомъ на гласисѣ крѣпости. Отсюда Бучкиевъ форсированнымъ маршемъ двигался: 31-го августа, ночью, въ аулу Бѣлоканы, противъ партіи Даніель-бека, которую, загнавъ въ густые лѣса, вернулся въ Закаталы, сбѣжавъ по крайней мѣрѣ верстѣ 70 въ сутки; а 12-го сентября, въ 3 часа ночи, къ Мухаху, для отраженія партіи ирибскаго наиба. Послѣ перестрѣлокъ баталіонъ возвращался на ночь, всегда въ тотъ-же день, на свой бивуажъ къ Закаталамъ—какъ къ главному опорному пункту. Шамиль 3-го сентября окончательно очистилъ Джары и поднявшись въ горы по катехскому ущелью, окружилъ недостроенное еще укрѣпленіе Месель-дегеръ, занятое двумя ротами Мингрельскаго полка. Мингрельцы мужественно отражали непрерывные приступы горцевъ. Князь Орбеліани, узнавъ объ отчаянномъ положеніи месель-дегерскаго гарнизона, 4-го сентября приблизился къ подошвѣ Месель-дегера. Эриванцы и всѣ войска, слыша неумолкаемую канонаду со стороны Месель-дегера, рвались на помощь мингрельцамъ,—но Орбеліани, боясь открыть совершенно Кахетію, не рисковалъ подняться въ горы. Къ счастью мингрельцевъ, ген.-лейт. кн. Аргутинскій, съ частію дагестанскаго отряда, совершивъ чрезвычайно трудный походъ по снѣговымъ вершинамъ, зашелъ въ тылъ Шамилю и заставилъ его снять блокаду.

Князь Орбеліани 7-го сентября поднялся съ отрядомъ на месель-дегерскія горы и занялъ позицію ниже укрѣпленія. Эриванцы съ 8-го числа приступили къ работѣ внутри и внѣ укрѣпленія, потомъ разработывали дорогу и дѣлали просѣку отъ Месель-дегера къ аулу Катехи на плоскость.

Бучкиевъ свидѣтельствуеть, что ротные командиры вездѣ и въ особенности 25 августа въ порядкѣ держали роты и воодушевляли ихъ своимъ примѣромъ (*).

Пока 1-й баталіонъ отстаивалъ, можно сказать, безопасность Кахетіи, второй баталіонъ, маіора Лузанова, продолжалъ

(*) Рапортъ Бучкіева, отъ 18-го сентября, 1853 г., № 807-й.

дѣйствовать въ Чечнѣ. Марта 8-го второй баталіонъ двумя колонами былъ направленъ къ аулу Шалажамъ на фуражировку. Капитанъ князь Шаликовъ (со 2-ю и 4 ротами) быстро наступалъ по узкой тропѣ, пролегавшей среди дремучаго лѣса. Вторая карабинерная рота шла впереди 4-й роты поруч. Голынца, вытянувшись въ одного человѣка; кругомъ все было тихо—ни гдѣ не было слышно и видно признаковъ непріятеля. Наконецъ, головные люди роты, предводимые кн. Шаликовымъ, прапорщикомъ Натіевымъ, фельдфебелемъ Борниковымъ и унтеръ-офиц. Комаровымъ, по одиночкѣ стали выходить на небольшую прогалину, окруженную засѣками изъ наваленнаго лѣса; и когда человѣкъ 20-ть уже сгруппировалось на прогалинѣ, вдругъ раздался грохотъ непріятельскаго залпа, и вмѣстѣ съ тѣмъ неистовый гикъ огласилъ воздухъ. Залпъ сразилъ нѣсколькихъ карабинеръ, а на остальныхъ чеченцы бросились въ шашки. Роты были поставлены въ отчаянное положеніе: выходить по одному на поляну на помощь передовымъ людямъ—давало непріятелю возможность уничтожить всѣхъ по одиночкѣ; отступить—значило оставить на жертву головныхъ людей; но такъ какъ другого исхода не представлялось, то роты бѣгомъ отодвинулись назадъ, гдѣ, сплотившись во взводы, въ свою очередь, встрѣтили чеченцевъ гибелью. Шаликовъ, отбросивъ толпу въ лѣсъ, повелъ роту въ обходъ чеченцамъ, сбиль ихъ съ позиціи и ворвавшись въ аулъ Шалажи, поджегъ его со всѣхъ концовъ. Затѣмъ Шаликовъ, достигнувъ опредѣленной цѣли, началъ отступленіе отъ пылающаго аула. Шалажинцы, раздраженные потерю своихъ жилищъ, бросились съ особенною запальчивостію съ разныхъ сторонъ на обезсиленную въ бою 2-ю карабинерную роту. Завязался въ лѣсу, заваленномъ на каждомъ шагѣ срубленными бревнами, неровный для насъ бой: юнкеръ Буксгевденъ и нѣсколько солдатъ пали подъ ударами шашекъ; дальнѣйшее отступленіе сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ,—но въ эту трудную минуту подоспѣли къ дѣлу 5-я и 6-я роты поручиковъ Кавторадзе, которыя, занявъ боковыя цѣли,

дали возможность 2-й ротѣ оправиться и совмѣстно съ ними, учащеннымъ ружейнымъ огнемъ и дружнымъ ударомъ въ штыки, обратить нападающихъ въ бѣгство.

Однакожь, день этотъ дорого обошелся 2-й карабинерной ротѣ; на прогалинѣ и при отступленіи убиты (*): юнкеръ, фельдфебель Иванъ Борниковъ, два унт.-офиц. и 18 рядовыхъ; ранено (**) 17, (изъ нихъ умерло 5), и взято въ плѣнъ три рядовыхъ. Въ числѣ послѣднихъ, ротный заплывало Алексѣй Фокинъ; его офицеры до того любили, что сдѣлали складчину и выкупили изъ плѣна.

Перваго апрѣля Вревскій съ отрядомъ сталъ подыматься на высоты Карелама—съ цѣлью стать неприятелю въ тылъ и тѣмъ отрѣзать непокорное населеніе Чечни, обитающее по сѣвѣрному склону отроговъ Кавказа. Одинадцать дней эриванцы или прокладывали дороги или-же расчищали лѣсъ, ведя незначительныя перестрѣлки; наконецъ, трудъ достигъ желаннаго результата: мы имѣли въ тылъ неприятеля проходимую дорогу, съ которой доступъ къ ауламъ были довольно способны. Утромъ 12-го апрѣля началось знаменитое отступленіе Вревскаго съ Карелама—онъ спускалъ отрядъ переваломъ; первую позицію въ арріергардѣ защищали эриванцы, которые, пропустивъ мимо себя весь отрядъ, тронулись съ мѣста не ранѣе, какъ по занятіи тенгинцами слѣдующей позиціи. Маіоръ Врангель, заступившій мѣсто Лузанова, хладнокровно отстрѣливаясь командою штуцерныхъ, отступалъ мѣрнымъ шагомъ; чеченцы хотя огрызались, но все-таки держали себя вдалекѣ. Врангель, пройдя тенгинцевъ, занялъ вторую позицію на небольшой вершинкѣ. Настала очередь отступать тенгинцамъ, и лишь только они тронулись съ мѣста, какъ чеченцы на нихъ кинулись въ шашки—завязался кровопролитный бой, дорого стоившій тенгинцамъ. Вревскій, видя колебаніе и большой уронъ арріергарда, послалъ туда двѣ роты эриванцевъ—5-ю и 6-ю поручиковъ Кавторадзе второго и перваго.

(*) Приказъ по полку, отъ 11-го апрѣля, 1853 г., № 102-я.

(**) Рапортъ Лузанова, отъ 14-го марта, № 123-я.

Смѣлый налетъ этихъ ротъ съ фронта, а главное—обходное движеніе казаковъ въ тылъ непріятелю, до того его ошеломили, что чеченцы, спасаясь отъ линейныхъ казаковъ и эриванцевъ, опрометью разсѣялись по лѣсу. Затѣмъ Вревскій, надѣясь «на нравственное превосходство эриванцевъ», какъ онъ доноситъ, приказалъ 5-й и 6-й ротамъ все время отступать въ арріергардѣ.

Вблизи Вревскаго, при наступленіи эриванскихъ ротъ въ подкрѣпленіе тевгинцамъ, ранены пулею въ грудь на вылетѣ подпоручикъ Мендѣлеевъ и прапорщ. Смирновъ,—кромѣ того, ранено 10 карабинеръ. Кареламскимъ отступленіемъ батал. завершилъ свои дѣйствія въ Чечнѣ.

Въ заключеніе нелишнимъ замѣтить, что подполковникъ Шатиловъ и маіоръ Лузановъ, кромѣ наградъ за отличія въ дѣлахъ, удостоились еще получить отдѣльныя части за хорошее знаніе службы и исправное состояніе ихъ баталіоновъ: Шатиловъ назначенъ командиромъ тифлискаго сводно-учебнаго баталіона, а Лузановъ—командиромъ гамборскаго стрѣлковаго баталіона.

